

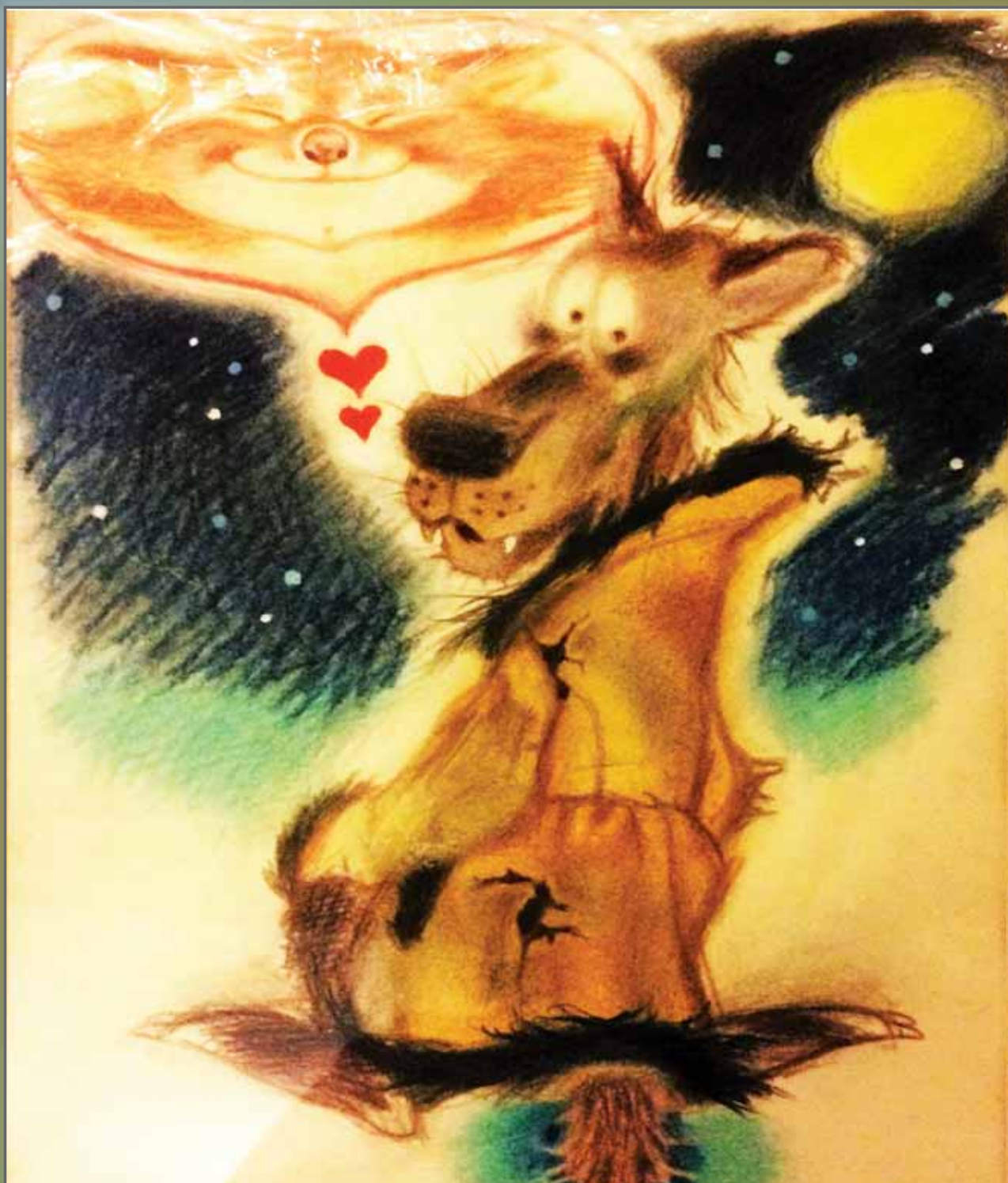
Орден
Знак
Почета

СЛЕНА

№12 ДЕКАБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2015

Илья Глазунов. Портрет поэта Ивана Переверзина.
Интервью с поэтом читайте на стр. 80

Минувшее

Денис Логинов **Королева из России**4

Год литературы

Алла Зубкова **Этот загадочный Некрасов**18

Юрий Осипов **Гонимый баловень судьбы**.....52

Детективный рассказ

Наталья Рыжкова **Король и пешки**.....32

Шедевры

Ирина Опимах **Нимфеи Клода Моне,
или Роман с кувшинками** 66

Замечательные современники

Татьяна Харламова **Иван Переверзин:
«Красота спасет мир.
Я в это верю»** 80

Анатолий Пшеничный **Заграничная застава** 112

Звезды не гаснут

Владимир Братченко **Русский ковбой** 94

Поэзия

Василий Фролов **Стихи** 116

Анна Макарова **Стихи** 118

Из российской истории

Светлана Бестужева-Лада **Батька Махно** 120

Детектив

Иосиф Гольман **Защитница-2**..... 138

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Яркина Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Рисунок Геннадия Новожилова

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:**
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
e-mail: jurnal@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 8100

Зак. №1563

Цена свободная

Номер подписан в печать: 19.11.2015

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

«« В российской истории, богатой нераскрытыми до сих пор тайнами, есть одна легенда о «старце Федоре Кузьмиче», которая касается обстоятельств смерти императора Александра I. Это — многочисленные слухи о том, что он не умер в Таганроге, а выздоровел, приказал положить в гроб другого человека, сам же отправился в неизвестные края. Через несколько лет появился в Пермской губернии — сначала под видом бродяги, не помнящего родства, а позже — под именем старца Федора Кузьмича...

Денис **Логинов** «Легенда о старце»

«« Громкая, поистине всемирная слава пришла к этому едва ли не самому удивительному и трагическому Мастеру отечественной поэзии прошлого века только спустя десятилетия после страшной смерти в Гулаге. Но и при короткой своей жизни бездомного скитальца, отрешенный от земной суеты, мало печатавшийся, Осип Мандельштам был в кругах творческой интеллигенции фигурой почти культовой. Как говорила Анна Ахматова: «Сейчас Осип Мандельштам — великий поэт, признанный всем миром. О нем пишут книги, защищают диссертации. Быть его другом — честь, врагом — позор».

Юрий **Осипов** «Всех живущих прижизненный друг»
(К 125-летию со дня рождения О.Э. Мандельштама)

«« Обстоятельства смерти великого Моцарта и сегодня побуждают исследователей возвращаться к документам, фактам и преданиям тех далеких лет. В надежде, хоть и призрачной, те достопамятные события, будто Ивиковы журавли, вновь и вновь возвращают нас к нынешним венским и зальцбургским «хранителям Грааля», чтобы хоть немного приблизиться к истине...

Геннадий **Смолин** «Вечный гений»

«« Молодой талантливый артист театра и кино Владимир Жеребцов сыграл более тридцати ролей в заметных телесериалах и фильмах: «Склифософский», «Широка река», «Москва. Три вокзала», «Таксист», «Утесов. Песня длиною в жизнь», «Громы» и многие другие. В свои 30 лет он уже известный актер, очень востребованный, очень харизматичный, а его обаятельная улыбка надолго запоминается зрителям... Беседует с ним наш корреспондент Елена **Воробьева**

«« Окончание детектива Иосифа **Гольмана** «Защитница-2»

«« Подведение итогов конкурса «Житейские истории»

Денис Логинов

Всем известно, что Олимпийские игры нового времени возродились благодаря французскому барону Пьеру де Кубертену. Однако мало кто знает, что первой в новые времена Олимпиады 1896 года в Афинах могло и не быть, если бы не греческая королева Ольга. В девичестве — Ольга Константиновна Романова, дочка великого князя Константина, внука русского императора Николая I.

Отцом Ольги был великий князь Константин Николаевич — второй сын императора Николая I. Имя Константин ему дали с прицелом на будущее, связывая с мечтой «прибить русский щит на воротах Царьграда», то есть Константинополя, чтобы овладеть проливами и обеспечить России выход в теплые моря. Сделать это, увы, не удалось, но дочь Константина Николаевича оказалась поблизости — на греческом троне.

Константин Николаевич был женат по любви на немецкой принцессе Александре, во святом крещении — Александре Иосифовне. Мать Ольги слыла первой придворной красавицей, правда, образованием и интеллектом не блистала, хотя и пользовалась большим уважением окружающих.

Ольга родилась 22 августа 1851 года. Она была старшей дочерью в семье, которая большую часть времени проживала в своем Мраморном дворце — роскошном доме из серого мрамора, подаренном некогда Екатериной II фавориту, графу Орлову. Однако родители часто бывали в отъезде, и детьми занимались воспитатели и учителя. Последние были исключительно немцами.

Как писал впоследствии внук великой княгини Ольги Константиновны князь Михаил Греческий:

«Ники (так в семье называли старшего сына) с Ольгой учатся, да так, что ни минуты отдыха. А ежели поведут их гулять, и тут заставляют делать экзерсисы. Ольга плохо учится,

зато всегда веселая. А Ники — блестящий ученик. Но вот он — не всегда веселый».

Учебные занятия не прекращались даже в летнее время.

Мать была по отношению к детям очень строга. Она не возмущалась даже тогда, когда узнавала, что учитель старшего сына наказывал его розгами, полагая, что это именно та мера, которая необходима для воспитания. Отца же, хотя тот казался суровым и не терпел никаких возражений, дети считали своим другом и товарищем. Однако виделись они с ним нечасто, так что родительского внимания и ласки явно не хватало. Недостаточно было и тех простых маленьких радостей, которые делают детство счастливым. Но зато между самими детьми великого князя Константина Николаевича были большая дружба и сплоченность, в некотором роде компенсирующие недостаток родительского тепла.

Ольге было одиннадцать лет, когда император Александр II назначил ее отца наместником Царства Польского. В 1862 году семья переехала в Варшаву, где устроилась в старом и неуютном дворце.

В Польше наместник и его семья прожили почти четыре года. В Петербург они возвратились, когда была получена информация, что на великого князя Константина Николаевича готовится покушение. Но в назначенный день бомбу не бросили лишь потому, что в карете вместе с ним были его двое детей: Ольга и Николай.

В шестнадцать лет Ольгу выдали замуж за греческого короля Георга I, который был старше ее на шесть лет. Как показала дальнейшая жизнь, брак этот оказался счастливым.

Король Георг I греком не был. Он родился в Копенгагене и был вторым сыном датского короля Христиана IX. В Грецию же принц Датский, а точнее, принц Шлезвиг-Гольштейн-Зондэнбург-Глюксбургский, попал в связи с политическими событиями в Европе.

Правящие династии Европы были тесно связаны узами кровного родства, и вопрос о «назначении» правителя в Грецию, которая только что

сбросила 400-летнее турецкое иго, был делом «семейным». Был подписан соответствующий трактат, и в октябре 1863 года на греческом троне появился король Георг I. В честь его коронации Великобритания подарила Греции Ионические острова.

Новый греческий король находился в тесных родственных отношениях с британской и российской династиями: родными сестрами Георга I были королева Великобритании Александра, жена Эдуарда VII, мать Георга V, а также российская императрица Мария Федоровна, жена Александра III и мать Николая II.

Супругу ему выбирали тоже «по семейным соображениям». Свадьбу с великой русской княжной Ольгой Константиновной, племянницей русского императора Александра II, праздновали в Царском Селе пышно, по-королевски. С орудийными залпами, балами и фейерверками. Жених был одет на церемонии в русский генеральский мундир — кстати, русские мундиры в момент освобождения Эллады носили все ее генералы.

После свадебного путешествия по Европе молодые прибыли в Афины на празднично украшенном корабле «Эллас». В порту Пирей их встречала восторженная толпа. Ольга была одета в бело-голубое платье — дань цветам греческого национального флага, что было благожелательно отмечено жителями страны.

Газеты писали о ней с энтузиазмом, отмечая, что она сразу же пошла в православную церковь, и ука-

*Ольга
в детстве*

Родители Ольги — великая княгиня Александра Иосифовна, великий князь Константин Николаевич

зывая, что королева оказалась дамой «редкой красоты с белейшей кожей».

Спустя несколько недель после свадьбы юная королева из заснеженной России перенеслась под яркое солнце страны, где отныне ей предстояло жить. Она оказалась в городе, который значительно уступал великолепию и блеску ее родного Петербурга. В те годы столица Греции кроме своих античных руин больше ничем не привлекала. Там не было ни современных домов, ни архитектурных памятников нового времени, ни парков, в зелени которых можно было укрыться от жары.

У подножия Акрополя было пастбище, где паслись козы и овцы, а вблизи королевского дворца стояли

крытые черепицей бедные хижинки, в которых жили простые греки. Сам же дворец был далек от той роскоши, среди которой провела свое детство Ольга: пустой и убогий.

Великая княжна из Павловска перенесла в Грецию даже «кусочек России». На кораблях в Афины привозили мешки с русской землей, которую высыпали в саду, окружавшем королевский дворец. Там королева Ольга лично сажала липы, дубы и клены, тоже привезенные с далекой родины. Сейчас это уже громадные деревья, украшающие ныне городской парк в центре греческой столицы.

Король занимался государственными делами, а королева много времени уделяла благотворительности.

Наверху слева — Николай. Средний ряд слева направо: Ольга и ее жених Георг Греческий, мать — Александра Иосифовна. Нижний ряд: великие князья Константин, Вячеслав и Дмитрий — младшие братья

Помогала неимущим грекам, приняла активное участие в создании крупнейшей в Афинах больницы «Эвангелизмос», помогала строить и ремонтировать православные церкви.

Долгое и достаточно успешное правление Георга I являлось контрастом последующим нестабильным царствованиям. При нем Греция была одной из наиболее динамично развивающихся европейских держав. В 1893 году был открыт построенный французами Коринфский канал, значительно сокративший морской путь из Пирея в Адриатическое море. Ослабление позиций Турции способствовало приобретению Грецией Фессалии, Эпира, Крита, За-

падной Фракии, Южной Македонии и росту популярности идей панэллинизма.

Ольга Константиновна родила супругу семерых детей — пятерых сыновей и двух дочерей. Трое из детей короля — Александра, Николай и Мария — впоследствии вступили в браки с представителями дома Романовых. Это укрепило дипломатические отношения Греции и России, сблизило два царствующих дома, усилило русофильскую партию при дворе короля.

Королева охотно посещала русские корабли Средиземноморской эскадры, когда они бросали якоря

в порту Пирей. Присутствовала на самодеятельных спектаклях, которые устраивали моряки, обедала вместе с офицерами.

С 1879 года «королева всех эллинов» стала шефом 2-го флотского экипажа Балтийского флота, и его офицеры начали носить на эполетах вышитый золотом вензель «О» — «Ольга» — под короной.

Личный секретарь королевы, капитан 1-го ранга М. Гаршин вспоминал: *«Ее друзья были моряки, а к матросам она относилась как мать, и всю жизнь заботилась о них, горячо принимая к сердцу их радости и горести...»*

Один из российских дипломатов в Афинах писал:

«Королева Ольга Константиновна, по существу, необыкновенно добрая женщина, не переставала считать себя великой русской княгиней, а потому вмешивалась в жизнь русской колонии, а в особенности Русской Средиземноморской эскадры... По сердечной доброте она особенно баловала матросов, которые приглашались, к большому неудовольствию короля, пить чай во дворец, формально к горничной королевы, но в действительности к ней самой».

В марте 1898 года на Крите возникла угроза голода. Императорское правительство выделило значительные средства для закупки и доставки на остров хлеба и раздачи его населению.

Закупка пшеничной муки была произведена в Одессе и доставле-

на на Крит на борту броненосца «Император Александр II». Первая раздача состоялась в Ретимноне во второй день Пасхи. Для жителей из дальних мест был приготовлен роскошный обед, и местное население было очень тронут этой заботой.

Приход русских кораблей всегда становился радостью для Ольги Константиновны. В своих воспоминаниях она отмечала:

«После таких посещений у меня на душе так тепло и хорошо! Все комнаты наполнены русским духом, пахнет сапогами и русским сукном, когда они стоят вокруг меня, на сердце становится радостно».

Она так горячо любила этих простых людей, что офицеры в шутку говорили: королева считает матросов ангелами, и как-то на Рождество подарили ей огромную куклу в матросском костюме с крыльями за спиной. Некоторые моряки так к ней привязались, что потом слали трогательные письма, которые она хранила в двух специальных шкафах. Часть писем приходила с курьезными адресами, вроде:

«Греческое государство, где царствует русская королева Ольга. Передать ей в собственные руки».

Ольга приглашала лучших греческих фотографов, чтобы оставить память о посещении Эллады русскими военными кораблями. Морские офицеры дарили ей снимки кораблей и экипажей. Особенно нравились королеве фотографии лейтенанта В. Менделеева — сына знаменитого химика, который участвовал в заграничном плавании вместе с цесаревичем.

За десятки лет в королевском дворце скопилось такое количество писем и подарков от российских моряков, что было решено отвести под них специальное помещение, получившее название «Морская комната». Там фактически возник небольшой морской музей, с постоянно

пополнявшейся экспозицией. В нем были картины известных художников-маринистов, модели русских кораблей, альбомы с фотографиями военных моряков, декоративные снаряды от корабельных пушек, масса лент с бескозырок, меню обедов на судах, огромное количество трогательных снимков простых моряков с трогательными надписями: *«Сердобольной нашей матушке»*, *«Ее Величеству, матери русского флота»*.

На почетном месте висела фотография крейсера «Адмирал Макаров», шефом которого Ольга Константиновна стала в 1908 году. Она лично знала этого адмирала, героически погибшего в русско-японскую войну.

В декабре 1909 года в королевском дворце в Афинах вспыхнул сильный пожар. Громадное зарево заметили моряки стоявшего на рейде в Пирее русского крейсера «Олег», которые тут же поспешили на помощь. Как сообщил русский посланник, выгорела вся средняя часть дворца, но все вещи Ольги Константиновны остались невредимыми. Их вынесли из огня, рискуя жизнью, русские матросы. Они это сделали, отмечал посланник, по собственной инициативе и с «поразительной быстротой».

Через день моряки получили благодарность от короля за «лихую работу», а позднее на крейсер «Олег», где была устроена елка, прибыла сама королева и встретила Новый год вместе с ними.

*Король Георг I
и королева
Ольга*

Большим вкладом в дело помощи русским морякам оказался Русский госпиталь, открывшийся в Пирее в 1902 году.

Он был построен в память старшей дочери Ольги Константиновны, великой княгини Александры Георгиевны, принцессы греческой, скончавшейся в 1891 году. Деньги на строительство прислали из Санкт-Петербурга. Это был доход от таможенных сборов с торговли гре-

ческой коринкой — виноградом — в России, который, в знак особого благоволения к Греции и королеве, было решено целиком переводить на ее благотворительные нужды. Значительную сумму на строительство госпиталя Ольга выделила из своих личных средств.

В госпитале весь персонал говорил по-русски. При больнице была построена русская церковь, имелся русский священник. У входа в ле-

чебницу возвышалась статуя Иисуса Христа, выполненная знаменитым датским скульптором Торвальдсеном. Имелась русская чайная для матросов, библиотека, где иногда, к большому удовольствию больных,

показывали цветные картинки при помощи «волшебного фонаря». Русским госпиталем пользовались и беднейшие жители Пирея.

Прием больных и отпуск лекарств был бесплатным для всех. Делались

Королева Греции Ольга Константиновна с детьми и мужем королем Георгом I

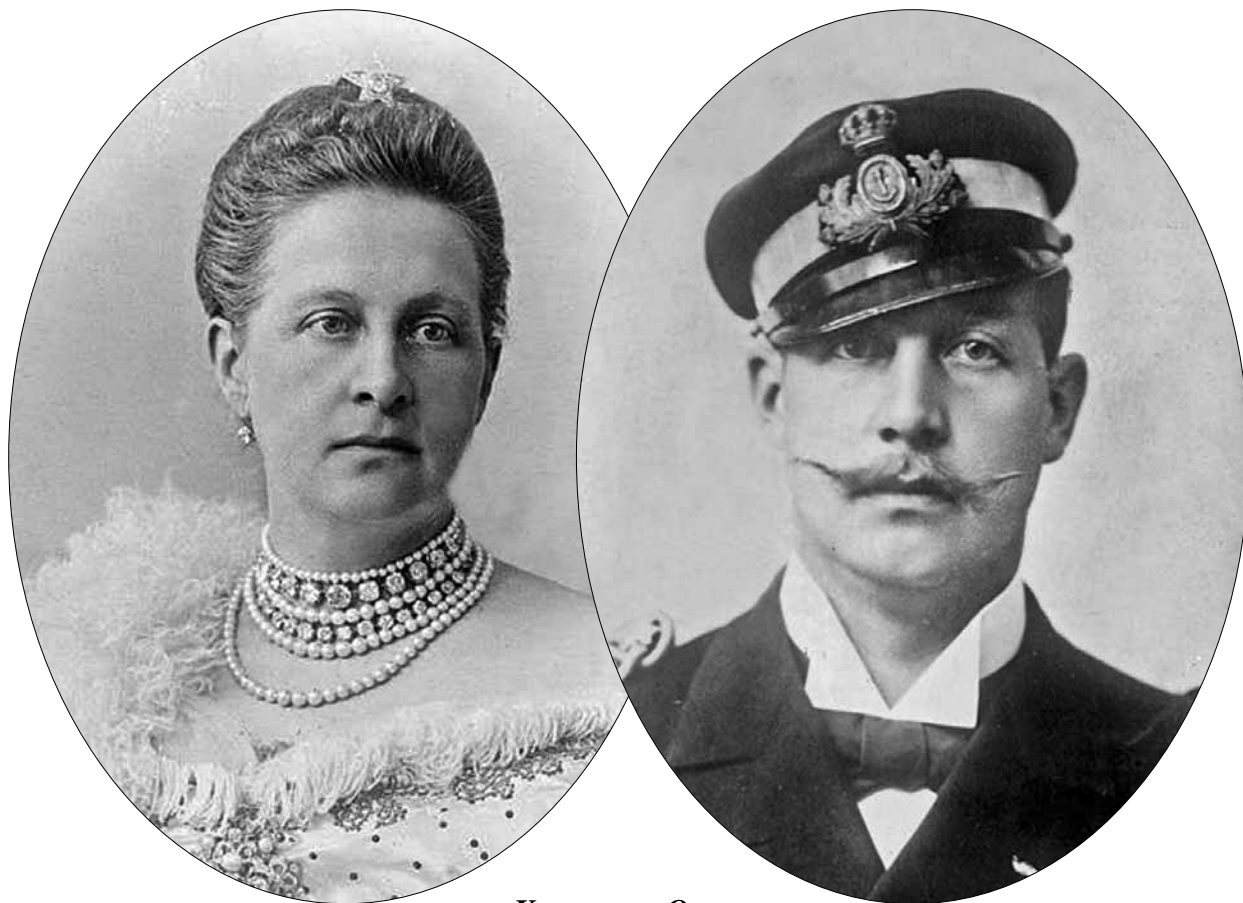
*Королева
эллинов
Ольга
Константи-
новна*

несложные операции, можно было заказать протезы для увечных русских и греческих воинов. Русский госпиталь в Пирее сохранился до наших дней, но после 1917 года в России о нем прочно забыли. Сейчас он превращен в обычную городскую больницу, и уже ничего в

нем не напоминает о том, что это здание было построено на русские деньги и для русских моряков...

Королеве Ольге принадлежит также инициатива создания в Пирее русского кладбища для моряков. Позднее на нем стали хоронить русских эмигрантов: офицеров, каза-

*Королева Ольга
и король Георг I*

ков, других беженцев. Об этом до сих пор напоминает установленный там памятник в виде громадного валуна с якорем и надписью: «Русское Кладбище союза русских эмигрантов в Греции, основанное Е.В. Королевой эллинов Ольгой Константиновной».

Но земля на афинских кладбищах очень дорогая, и после Второй мировой войны русский участок кладбища в Пирее тамошние власти хотели уничтожить, даже начали уже ломать могилы. Но наши эмигранты, чтобы спасти память о русских людях, построили часовню, стены которой облицевали плитами с разрушенных могил. Теперь на стенах

этой часовни можно прочитать: «Матрос с канонерской лодки «Черноморец» Петр Нестеренко, 1890 год», «Мичман Иван Волков, крейсер «Забияка», 1888 год»...

Внутри часовни поставили ящики, куда бережно сложили выброшенные из могил останки. От полного разрушения русский участок кладбища все-таки удалось спасти. Вмешалось наше посольство, и еще оставшиеся «отеческие гробы» с трудом, но отстояли.

Привязанность Ольги Константиновны к флоту и к морякам не была случайной. Ее отец, великий князь Константин Николаевич, оказавший огромное влияние на ее взгляды

и пристрастия, был генерал-адмиралом русского флота.

Долгие годы он твердой рукой управлял Морским министерством и флотом, все свои силы отдал восстановлению утерянной после Крымской кампании морской мощи России. Именно при нем положено начало созданию парового броненосного флота, русские корабли стали ходить в дальние морские походы, было улучшено материальное положение матросов, воспитано целое поколение страстно преданных своему делу военных моряков. От отца Ольга Константиновна унаследовала на всю жизнь горячую любовь к флоту и морякам.

Отдельная страница жизни королевы Ольги в Греции — помощь Олимпиаде 1896 года. Все греки относились к идее возрождения Игр, выдвинутой де Кубертенем, с восторгом, но правительство Эллады отказалась ее организовывать. В казне государства не было для этого средств.

Тогда на помощь грекам пришла королева из России, которая пожертвовала для этого свои собственные средства. Для таких расходов у нее был специальный фонд, куда шли средства от налогов за торговлю коринкой.

К Олимпиаде Ольга Константиновна лично посадила на Акрополе оливковое дерево — на том самом месте, где его, согласно легенде, посадила богиня Афина. Таким образом, можно смело сказать, что к

возрождению легендарных Олимпиад непосредственно причастна и русская династия Романовых.

О том, что Ольга Константиновна постоянно думала о России, свидетельствует и тот факт, что она живо интересовалась новинками русской литературы, и даже сама пробовала свои силы на этом поприще. Королева составила и издала уникальную хрестоматию под названием «Изо дня в день. Извлечения из сочинений Лермонтова на каждый день». В толстом томе, состоящем из 365 страниц — по числу дней в году, — собраны отрывки из стихотворных и прозаических произведений великого русского поэта. На каждой странице — несколько строчек, взятых в цветную рамку.

Долгое и успешное царствование супруга «русской королевы» короля Георга оказалось прологом к периоду нестабильности последующих царствований, постоянных войн и переворотов, преследовавших Грецию более 60 лет.

В 1912–1913 годах, в результате Первой балканской войны, Греция получила значительные территориальные приращения, увеличив территорию за счет европейских владений Турции почти вдвое. Это еще больше усилило в правящих кругах Греции так называемую «Великую идею» — фактически восстановление Византийской империи и изгнание турок не только из Европы, но и из Константинополя и со значительной части Малой Азии.

Увы, все это оказалось только мечтами. Король Георг I был застрелен 18 марта 1913 года, в разгар военных действий против Турции. Сначала говорили, что он был убит болгарским четником. Но потом выяснилось, что убийцей оказался грек. Подозревали, что король стал жертвой международного заговора, русские газеты тогда обвиняли в этом европейских масонов, интриговавших против православия. Но убийца, анархист Александр Схинасом, покончил с собой, выбросившись из окна, поэтому расследовать дело до конца так и не удалось.

Тело супруга Ольга Константиновна перевозила в Афины на русской канонерской лодке «Уралец». Король был отпет в соборе 3 апреля; богослужение совершали 50 архиереев.

Дурную шутку с греческой королевской династией сыграло ее немецкое, по сути, происхождение. Константин I, будучи германофилом, всячески препятствовал вступлению Греции в Первую мировую войну против Германии, за что в 1917 году был свергнут силами стран-членов Антанты.

Смерть его сына Александра вскоре после окончания войны позволила Константину I вернуться на престол. Однако одна, без союзников, Греция оказалась неспособна действовать против Турции, и в 1922 году Константин I был вынужден отречься от престола.

Увы, на закате жизни греческой королеве выпали бурные и страш-

ные события: Первая мировая война, революция в России, разгром турками греческих войск в Малой Азии. Она вернулась в Россию, но там вскоре власть захватили большевики. В беспощадном огне революции погибла почти вся семья «сердобольной матушки русского флота».

Всеми забытая, уже старая и больная, бывшая «королева всех эллинов» поселилась в Италии, где жил ее младший сын Христофор, и там вскоре скончалась. Первоначально ее похоронили в усыпальнице русской церкви во Флоренции, а потом прах перевезли в Грецию, где и перезахоронили в лесу, возле заброшенного летнего королевского дворца.

Долгие годы все, что было связано с королевской семьей, подвергалось остракизму. Король Греции Константин II был вынужден покинуть Элладу и уехать в Англию. На родине его лишили греческого паспорта и обратно не пускали. Мало писали о королевской семье и в газетах, а если и писали, то только в негативном плане.

Могилы короля Георга и королевы Ольги находятся под Афинами, в местечке Татой, возле заброшенного и пустовавшего бывшего летнего дворца. Почти на самой вершине холма там есть поляна с небольшой церквушкой с заколоченными окнами. Возле нее — несколько мраморных надгробий, за которыми давно не ухаживали. Могилы покрылись слоем мха и плесени. С трудом можно разобрать надпись на двух язы-

ках — русские слова в старой орфографии: «Российского императорского дома великая княжна...» и по-гречески: «Ольга, Василисса тон эллинон» (Королева всех эллинов). 22 августа 1851 года — Павловск, 15 июня 1926 года — Рим».

Рядом с ее могилой — мраморные плиты, под которыми покоится

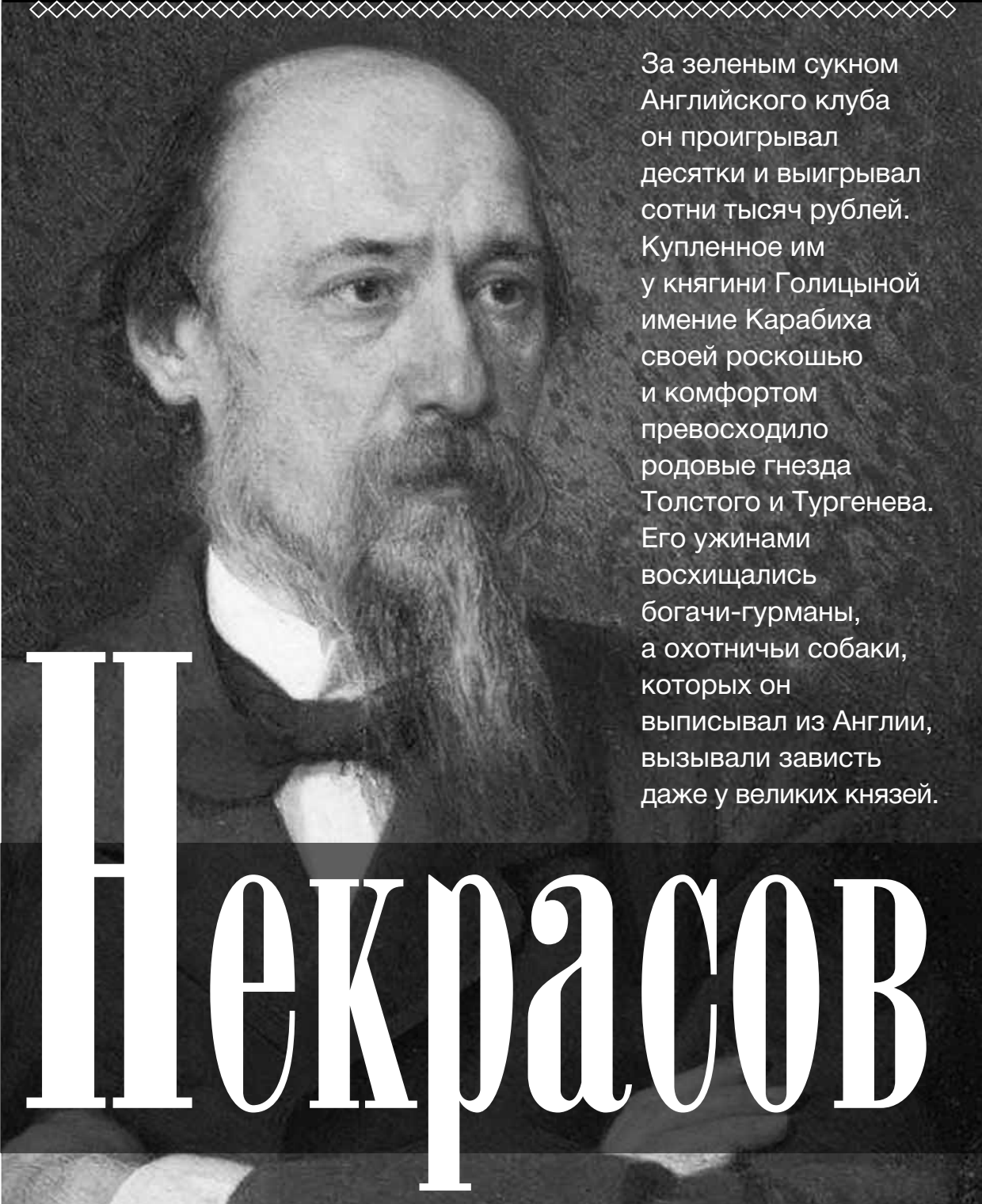
прах ее августейшего супруга — греческого короля Георга и других членов королевской семьи.

Впрочем, в Элладе Ольгу все же не забыли. Один из центральных проспектов Афин носит имя королевы из России...

Мир ее праху. □

Алла Зубкова

ЭТОТ ЗАГАДОЧНЫЙ

A black and white portrait of Nikolai Nekrasov, a man with a long, full beard and mustache, wearing a dark suit and a white shirt with a dark bow tie. The portrait is the central focus of the page, with text overlaid on it.

За зеленым сукном
Английского клуба
он проигрывал
десятки и выигрывал
сотни тысяч рублей.
Купленное им
у княгини Голицыной
имение Карабиха
своей роскошью
и комфортом
превосходило
родовые гнезда
Толстого и Тургенева.
Его ужинами
восхищались
богачи-гурманы,
а охотничьи собаки,
которых он
выписывал из Англии,
вызывали зависть
даже у великих князей.

Н Некрасов

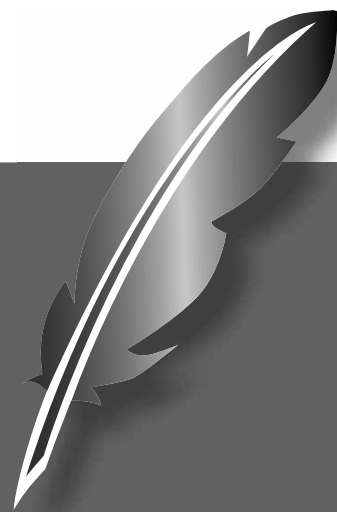
Будущий поэт появился на свет 28 ноября (10 декабря) 1821 года в местечке Немирово Подольской губернии. Отец его, Алексей Сергеевич Некрасов, помещик из Ярославского уезда, в то время поручик егерского полка, впоследствии дослужился до майора и в этом чине ушел в отставку. Солдафон, гуляка и картежник, он как-то рассказывал уже взрослому сыну о прошлом их рода: «Предки наши были богаты. Прапрапрадед ваш проиграл семь тысяч душ, прапрадед — две, дед (мой отец) — одну. Я — ничего, потому что нечего было проигрывать, но в карточки поиграть тоже любил».

Мать поэта, Елена Андреевна, дочь богатого украинского помещика Закревского, получила неплохое по тем временам образование. Очень привлекательная, обладавшая хорошим голосом и музыкальными способностями, начитанная, она отличалась удивительной добротой и бесстрашно защищала от жестоких выходок самодура-мужа не только детей, но и крепостных. Участь бедной женщины была незавидна, муж постоянно унижал ее, а порой даже позволял себе подни-

мать на нее руку. Некрасов обожал мать и рано понял, как нелегка ее жизнь. Он с упоением слушал ее истории и сказки о королях, монахах, рыцарях, лишь позднее узнав, что она пересказывала в доступной для него форме произведения Данте и Шекспира. С не меньшим наслаждением проводил он время в играх с крестьянскими ребятишками, среди которых у него было немало друзей. Все это происходило в Грешнево, имении отца под Ярославлем.

Некрасову было одиннадцать, когда отец отдал его и старшего брата Андрея в ярославскую гимназию. Сказать, что братья были прилежными и примерными учениками, было бы большим преувеличением. Частенько вместо занятий они отправлялись на загородные прогулки. Позднее полюбили захаживать в близлежащий трактир, где маркером служил крепостной их отца, и практиковались там в игре на бильярде, добившись в этом деле немалой сноровки. В гимназических занятиях успехи их были гораздо скромнее.

Разночинец и демократ по убеждениям, он был истинным барином по своим вкусам и привычкам. И главным противоречием его жизни было противоречие между юношеской клятвой не умереть на чердаке и искренним сочувствием к обитателям чердаков, ко всем несчастным и обездоленным.

Впрочем, винить братьев было бы не очень справедливо. В учебном заведении царили рутина и схоластика, многие учителя слабо знали свой предмет, и уроки проходили на редкость скучно. Тем не менее, именно в эти годы Некрасов начал сочинять стихи — сначала сатиры на товарищей, а потом и лирику. У пятнадцатилетнего гимназиста набралась уже целая тетрадка виршей. Разумеется, они были еще весьма слабы и грешили подражательством, и тем не менее...

Летом 1837 года Николай навсегда расстался с гимназией. Вольный образ жизни принес свои «плоды» — его не аттестовали по многим предметам и не допустили к переходным экзаменам. К тому же его отношения с гимназическим начальством сильно подпортились тем, что отец всячески оттягивал внесение платы за учение сыновей. Некрасову ничего не оставалось, как покинуть гимназию и отправиться домой. Впрочем, Николай был не особенно огорчен, находясь всеми мыслями уже в Петербурге. Он мечтал получить настоящее образование, университетское. Однако отец согласился отпустить его в столицу лишь при условии, что он поступит не в университет, а в кадетский корпус. Желание покинуть мрачные стены отцовского дома было так велико, что юноша, не колеблясь, принял условия отца, хотя и не собирался делать военную карьеру.

Узнав о «хитрости» сына, отец лишил его материальной помощи. Некрасову оставалось надеяться

только на самого себя. Он начал скитаться по петербургским трущобам — по углам и подвалам, где ютилась бедность и нищета. Ему удалось пристроить в журнал «Сын Отечества» несколько своих стихотворений, но, как оказалось, редакция платила за них сущие копейки. Несмотря на необходимость искать любую, даже самую неблагодарную работу, чтобы не умереть с голоду, он продолжал упорно готовиться к экзаменам в университет. Увы, две попытки поступить туда сначала в 1839, а затем годом позже, не увенчались успехом. Лишь по российской словесности он получил приличный балл, по другим дисциплинам знания его были явно недостаточны. С мечтами об университете пришлось распрощаться. Теперь вся надежда была на литературный успех, но первый сборник стихов, вышедший в 1840 году под названием «Мечты и Звуки», хотя и был замечен критикой, не принес ему ни копейки. Чтобы хоть как-то заработать на жизнь, он брался за любую работу. Иногда по утрам отправлялся на Сенную площадь в торговые ряды и там, за пятак или кусок хлеба, писал крестьянам письма и прошения. Или в казначействе расписывался за неграмотных. Он переписывал бумаги, роли, давал уроки за грошовую плату, составлял по заказу афиши и объявления. Несмотря на твердость характера, молодой человек порой готов был впасть в отчаяние. Он начал, было, пить, но сумел вовремя остановиться...

Через какое-то время Некрасов решил отказаться от сочинения ли-

рических стихов и попробовать себя в других жанрах, главным образом, в прозе — рассказах, повестях и даже водевилях. Одна из пьесок даже заслужила одобрительный от-

зыв самого Белинского, которому его вскоре представили. Позже это знакомство переросло в тесную дружбу. Уроки великого критика не прошли даром. Некрасов вспоминал:

*Авдотья
Яковлевна
Панаева*

«Белинский превратил меня из литературного бродяги в дворянина». Созданный молодым автором в 1843 году роман «Жизнь и приключения Тихона Тростникова» знаменовал начало творческой зрелости писателя. Белинский ввел его в круг литераторов, которые группировались вокруг журнала «Отечественные записки». Первая встреча с Некрасовым сотрудником журнала запомнилась не только превосходным чтением им своего нового очерка. После обсуждения сели играть в преферанс. Игроки были весьма средней руки, и он, куда более опытный, без особого труда обыграл всех. Белин-

ский, заканчивая игру, сказал ему: «С вами играть опасно, без сапог нас оставите».

В середине сороковых Некрасов вновь взялся за сочинение стихов. Его «Колыбельная песня» и «Родина» привели в восхищение молодого Тургенева, с которым он вскоре тесно сблизился, а «Тройка» («Что ты жадно глядишь на дорогу») стала одной из самых любимых народных песен.

Именно в это время началась и неутомимая деятельность Некрасова как издателя и редактора сначала отдельных сборников, а затем журнала «Современник». Постепенно росло и его материальное благопо-

лучие. Теперь он был уже в состоянии помогать друзьям и едва ли не первую такую помощь оказывал постоянно нуждавшемуся Белинскому.

Некрасов работал как вол, стремясь сделать свое издание как можно более интересным и... прибыльным. Да-да, деньги никогда не были для него чем-то второстепенным. Слишком много горя хлебнул он в первые нищенские годы своего пребывания в Петербурге. Тогда он дал себе слово не умереть на чердаке. Теперь подобная участь ему не грозила, но относился он к деньгам с большим почтением. В то же время терпеть не мог, когда его называли сребролюбцем. Особенно грешил этим Тургенев. Некрасов в долгу не оставался. *«Тургенев постоянно швырял деньгами, — говорил он, — ему можно было швырять, а мне нет. Получит из деревни, разбросает в несколько дней все, и придет ко мне за деньгами, а не дашь — сердится».*

В Петербурге ходили слухи о том, что Некрасов безбожно эксплуатирует своих крестьян, выжимая из них соки. Это была злобная клевета. Поэт всегда с гордостью говорил, что «ел крепостной хлеб только до шестнадцати лет и никогда не владел крепостными». Он знал за собой, однако, другие грехи, от которых при всем старании никак не мог избавиться.

Сказать, что Некрасов питал слабость к картам, значит, ничего не сказать. Он не мог жить без игры, тратил на нее массу времени и презирал себя за это. В 1854 году он стал членом Английского клуба и едва ли не каждую из следующих зим

проводил за его зелеными столами. Клубные завсегдатаи довольно скоро заметили, что он отлично играет во все игры и часто выигрывает. Самообладание не покидало его в самые острые моменты карточных баталий. Он умел взвешивать с математической точностью все шансы выигрышей и проигрышей и умел вовремя прекратить игру. Ф.М. Достоевский, тоже страстный игрок, но куда более неудачливый, смотрел на Некрасова снизу вверх, как на недосягаемый идеал. Среди партнеров Некрасова были такие люди, как министр двора граф А.В. Адлерберг или А.А. Абаза, впоследствии министр финансов. Последний проиграл ему в разное время больше миллиона франков (250 тысяч рублей) и постоянно должен был ему то пять, то десять тысяч рублей.

«Пустяками окончилась у меня игра, — мог сказать Николай Алексеевич, — тысяч сорок выиграл. Сначала был в выигрыше сто пятьдесят тысяч, да потом не повезло». Впрочем, бывали и по-настоящему неудачные дни. Некрасову случалось проигрывать за один раз до 80 тысяч. Нужно сказать, что он умело использовал свои клубные знакомства с высшими чиновниками для того, чтобы добиться цензурных послаблений для «Современника», а порой и сохранить существование этого самого прогрессивного в России издания. Иногда даже специально проигрывал нужным людям значительные суммы.

В игре у него были свои приметы. Он частенько брал из кассы «Со-

временника» тысячи две рублей и вкладывал их в толстую пачку собственных купюр. Кроме того, он свято верил, что непременно проиграет, если выдаст деньги своим сотрудникам в тот день, когда вечером предстоит большая игра. Карточные «доходы» главного редактора «Современника» позволяли ему более щедро оплачивать труд авторов, поддерживать начинающих писателей. Вместе с тем, он не скрывал, что порой использует деньги из кассы журнала на свои личные нужды. При всем уважении к Некрасову следует отметить, что деловая репутация его, даже среди достаточно близких к нему людей, была не безупречна. Однажды в середине шестидесятых годов сотрудники «Современника», не поверив уверению своего редактора, что в кассе журнала нет денег, отправились на другой конец города в контору, проверить по бухгалтерским книгам, правду ли он говорит, и не присвоил ли он деньги. Тургенев утверждал, правда, уже после разрыва с бывшим другом, что тот, купив у него «Записки охотника» за тысячу рублей, тотчас перепродал их другому издателю за две с половиной тысячи. Это, увы, не единственное подобное обвинение в адрес великого поэта. «Загадочный человек», — говорил о нем Достоевский.

Некрасову исполнилось всего двадцать два года, когда он встретил женщину, которой суждено было сыграть огромную роль в его жизни. Авдотья Яковлевна Панаева была на два года старше поэта.

Светский и литературный Петербург почти единодушно считал ее красавицей. Даже суровый Чернышевский отдавал ей должное, а совсем еще молодой Достоевский влюбился в нее с первого взгляда. И выдавшего виды Александра Дюма, побывавшего в Петербурге в 1858 году, поразила ее эффектная внешность.

Между тем, жизнь не очень баловала эту женщину. Она родилась в актерской семье. Детские и отроческие годы прошли в атмосфере семейного деспотизма. Сама Панаева называла свое детство «варварским», а юность — «унизительной». И она воспользовалась первой же возможностью, чтобы вырваться из родительского дома. Этот случай представился ей, когда она встретила молодого блестящего помещика и столичного литератора Ивана Панаева. Тот предложил ей руку и сердце. Сначала все шло хорошо, молодые съездили в Москву, побывали в Париже. Но вскоре обнаружилось, что Панаев совсем не создан для совместной жизни и не может расстаться с холостяцкими привычками. Он был своим человеком на маскарадах и в модных гостиных, любил водить приятелей к дамам полусвета, кутил с гусарами. И не удивительно, что молодая жена вскоре начала чувствовать себя брошенной и одинокой. Некрасов влюбился в нее сразу и бесповоротно. Разумеется, он вначале не смел и мечтать о благосклонности такой блистательной дамы. И точно — она решительно отвергла его. Некрасов от отчаяния чуть было не бросился

*Сотрудники
«Современника»:
И.С. Тургенев,
В.А. Сологуб,
Л.Н. Толстой,
Н.А. Некрасов,
Д.В. Григорович,
И.И. Панаев*

в Волгу. Но не такой он был человек, чтобы отступить. Этот любовный поединок длился лет пять — с 1843 по 1847 год, когда Панаева, наконец, уступила страстным мольбам молодого поэта. Она стала гражданской, невенчанной женой Некрасова. Панаев нисколько не ревновал свою официальную супругу к приятелю и коллеге по «Современнику». Похоже, он был даже рад подобному обороту событий. Во всяком случае, все трое были неразлучны. В Петербурге они последовательно сменили несколько квартир и всегда жили под одной крышей.

В общей сложности Некрасов и Панаева прожили вместе почти шестнадцать лет. Не лишенная литературного таланта, Панаева стала соавто-

ром Некрасова в работе над двумя романами. Он посвятил ей многие проникновенно-лирические стихи, некоторые из которых были положены на музыку Римским-Корсаковым, Танеевым, Чайковским. Вместе они познали не только радости любви, но и горечь потерь. Оба очень хотели ребенка и страшно горевали, потеряв в марте 1848 года новорожденного первенца. Весной 1855 года заболел и умер их второй маленький сын Иван.

Повседневные отношения их были далеки от идиллии — тяжелые размолвки, противоречия, расставания, предельно мучительные для обоих. С годами проблемы усугублялись. Причин для этого было немало. Одна из них — трудный характер

Некрасова. На него порой находила тоска, злоба, ипохондрия. Он ревновал Панаеву к другим мужчинам и в то же время сам у нее на глазах заводил мимолетные связи. Такое поведение возмущало даже людей, хорошо к нему относившихся. «Прилично ли, — писал Чернышевский, — прилично ли человеку в его лета возбуждать в женщине, которая была ему некогда дорога, чувство ревности шалостями и связишками, приличными лишь какому-нибудь конно-

гвардейцу». Тем не менее, когда Авдотья Яковлевна после 16 мучительных лет, наконец, оставила его и вышла замуж за секретаря редакции «Современника», Некрасов долгое время буквально места себе не находил от обиды и ревности. В конце концов, он все-таки утешился, сблизившись с актрисой французской труппы, выступавшей в Михайловском театре, Селиной Лефрен. Селина отличалась живым нравом и легким характером. У нее был

приятный голос, и Некрасов любил слушать в ее исполнении французские песни и романсы. Некоторые современники считали, что ее отношения с Некрасовым были продиктованы корыстью. Сам он, судя по всему, этого мнения не разделял. Француженка подолгу жила в его имении. Уже после того, как она вернулась в Париж, Некрасов несколько раз навещал ее там. Он долго не мог забыть Селину, помогал ей, а в предсмертном завещании отписал ей десять с половиной тысяч рублей. Впрочем, еще более крупную сумму он оставил А.Я. Панаевой.

Всю свою жизнь Николай Алексеевич страстно увлекался охотой. Первую утку он подстрелил в десять лет на Печельском озере под Ярославлем. Был октябрь, окраины озера уже завалило льдом, собака не шла в воду. Он поплыл за уткой сам и достал ее. Это стоило ему горячки, но от охоты не отвадило. Отец часто брал его на псовую охоту, он же приучал его в верховой езде. Уже известным поэтом Некрасов любил приезжать в Грешнево на охоту. Отец всегда встречал его гостеприимно, готовил ружья и всякое охотничье снаряжение.

Особенно большие сборы бывали, когда он собирался на медвежью охоту. Везлись запасы дорогих вин, провизии, брался ковер, складная кровать, халат, туфли. За всем этим хозяйством приглядывал лакей. Позади приспособленного к охоте тарантаса шла верховая арабская лошадь. Нередко Некрасова сопровождали его высокопоставленные дру-

зья — генералы, сенаторы, министры. В качестве загонщиков использовались, естественно, крестьяне, но расплачивался с ними Некрасов всегда щедро.

Петербургская квартира Николая Алексеевича походила скорее на жилище спортсмена-охотника, чем на обитель литератора — во всех комнатах стояли огромные шкафы, в которых вместо книг красовались штуцеры и винтовки. На шкафах — чучела птиц и зверей. В гостиной между окнами стояла, опершись на дубинку, огромная медведица с двумя медвежатами — трофей, добытый Некрасовым в одном из самых рискованных предприятий.

Своих охотничьих собак Николай Алексеевич обожал. Его любимому черному пойнтеру Кадо разрешалось за обедом вскакивать на стол и лакать воду из хрустального кувшина. Ему подавалась жареная куропатка, которую он съедал на ковре или трепал на дорогой диванной обивке. По этому поводу автор «Обломова», аккуратнейший И.А. Гончаров, говорил: *«Надо заметить этот диван, чтобы никогда на него не садиться»*. Великому сатирику М.Е. Салтыкову-Щедрину повезло меньше. Его терпеть не могла другая любимица Некрасова и однажды, унюхав в прихожей снятое им пальто, отгрызла всю правую полу.

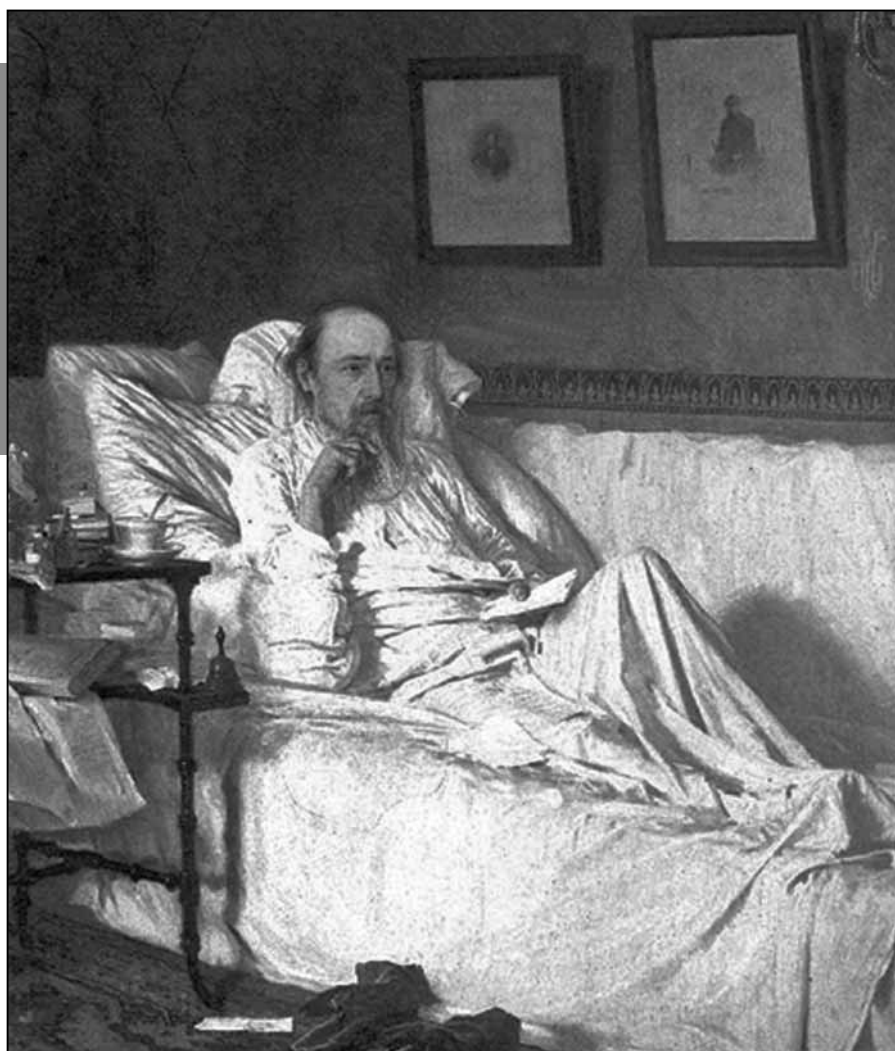
Время шло, и поэзия Некрасова с каждым годом завоевывала себе все больше почитателей. На всю страну зазвучали ставшие крылатыми строки из его «Поэта и гражданина»: *«Поэтом можешь ты не быть,*

но гражданином быть обязан». А его поэма «Коробейники»! Она открывается песней «Ой, полна, полна коробушка, есть и ситцы и парча». Кто не знает теперь «Коробушку» — эту едва ли не самую популярную русскую песню, ставшую народной чуть ли не в день своего появления.

Особенно плодотворно работало Некрасову в имении Карабиха под Ярославлем, которое он приобрел в конце 1861 года у родственников князя М.Н. Голицына. Это была старинная барская усадьба, построенная еще в екатерининские времена. Владение занимало пятьсот девять десятин с лесом, парком, прудами,

покосами. При доме была оранжерея, где росли померанцевые деревья.

В эти годы в «Современнике» усилиями его главного редактора собрался почти весь цвет русской литературы. Любопытная история произошла с рукописью романа Чернышевского «Что делать?», который должен был быть опубликован в начале 1863 года. Сам писатель к этому времени уже сидел в крепости, и Некрасову с большим трудом удалось добиться разрешения получить роман. Забирал он его сам, по дороге назад не заметил, как выронил рукопись из извозничьей пролетки. Было состав-

*Зинаида
Николаевна
Некрасова
(Фекла
Анисимовна
Викторова)*

лено объявление, в котором нашедшему сверток обещалось солидное вознаграждение. Несколько дней Некрасов не находил себе места, но, к счастью, все закончилось благополучно, и подобранная каким-то прохожим на мостовой рукопись была доставлена в редакцию.

В своем журнале Некрасов печатал произведения не только отечественных авторов. В конце 1856 года в Париже он был представлен американской писательнице Г. Бичер-

Стоу, и в 1858 году в «Современнике» появился ее роман «Хижина дяди Тома».

Наиболее крупным произведением самого Некрасова начала 60-х была поэма «Мороз, Красный нос», своеобразный гимн русской женщине. Немногим позже появилось стихотворение «Железная дорога» — одно из самых сильных гражданских стихотворений поэта. Летом 1866 года «Современник», «вследствие вредного направления», был закрыт. Но уже

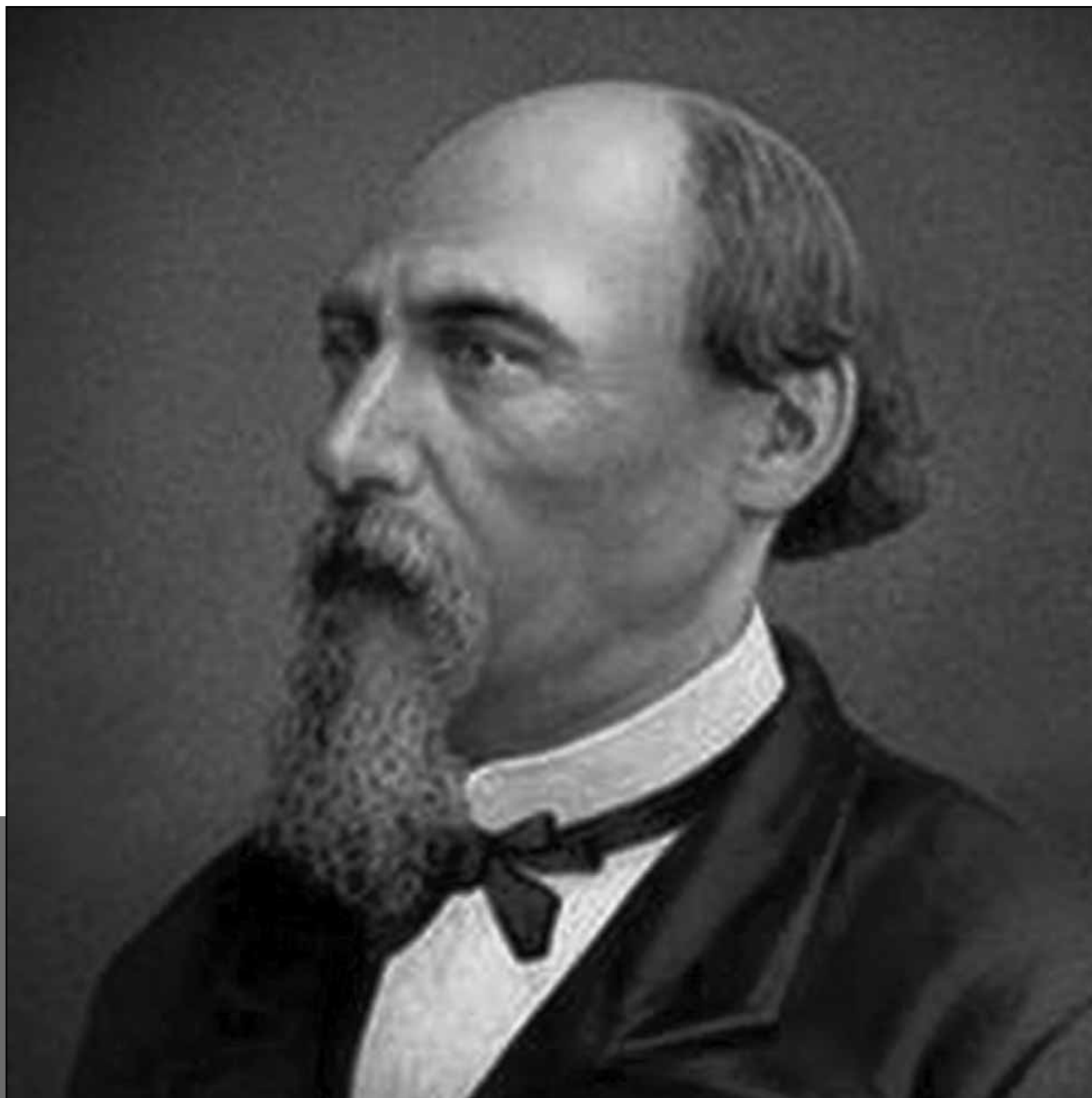
через год с небольшим Некрасов возглавил другой журнал — «Отечественные записки». Примерно в это же время поэт начал работу над своим главным шедевром, поэмой «Кому на Руси жить хорошо» — своего рода эпопеей крестьянской жизни.

В 1870 году Некрасов познакомился с женщиной, которая стала его последней любовью. 19-летняя девушка «простого звания», дочь рядового солдата, родом из Вышнего Волочка, сразу пленила поэта. Звали ее Фекла Анисимовна. Имя это, судя по всему, показалось Некрасову неблагозвучным или непоэтичным, потому что он сразу переименовал ее в Зину, а все знакомые, бывавшие в доме, называли ее Зинаидой Николаевной. Зина отличалась открытым веселым нравом, от нее веяло душевной теплотой, приветливостью. Были приглашены учителя — она начала заниматься языками, музыкой, а также быстро пристрастилась к охоте, научилась стрелять и стала постоянной спутницей Некрасова в его охотничьих экспедициях. Вместе они выезжали за границу. Некрасова лишь огорчало, что его любимая сестра Анна Алексеевна, мягко говоря, не очень жаловала Зину. Сам он относился к ней с поразительной нежностью и вниманием. Бывало, что за обедом, где из женщин присутствовала она одна, он прерывал свой рассказ и говорил ей ласково: «Зина, выйди, пожалуйста, я должен скверное слово сказать».

Увы, счастье немолодого уже поэта длилось недолго. К середине 70-х здоровье Некрасова начало за-

метно ухудшаться. Доктора, не зная, чем объяснить болезнь, еще не вполне распознанную, отправили его в Крым. Но улучшения не произошло. Напротив, ему становилось все хуже. В декабре 1876 года консилиум врачей, в котором принял участие и профессор Н.В. Склифосовский, наконец, определил болезнь: рак прямой кишки. Весной 1877 года страдания усилились необычайно: несчастный рвал на себе белье, хватал себя за горло... Опиум, который вводили три раза в день, уже почти не помогал. Зина преданно ухаживала за ним. Непостижимо, как в этих условиях, преодолевая болезнь, Некрасов создавал свои предсмертные стихи «Последние песни». Он знал, что умирает, и торопился подвести итоги, высказать то, что было для него бесконечно важно.

Испытывая нежность и благодарность к Зине за ее самоотверженность, Некрасов, несмотря на свое отчаянное положение, принял решение обвенчаться с ней, чтобы она, приобретя права законной супруги, могла лучше устроить свое будущее. Это было нелегко. Церковные правила требовали, чтобы подобные обряды проводились в церкви. По совету митрополита, к которому пришлось обратиться за разрешением, друзья поэта достали через военное ведомство походную церковь-палатку и разложили ее прямо в зале некрасовской квартиры. Пригласили священника. Больного взяли под руки и три раза обвели вокруг аналая, полуживого от страданий. Очевидцы запомнили,

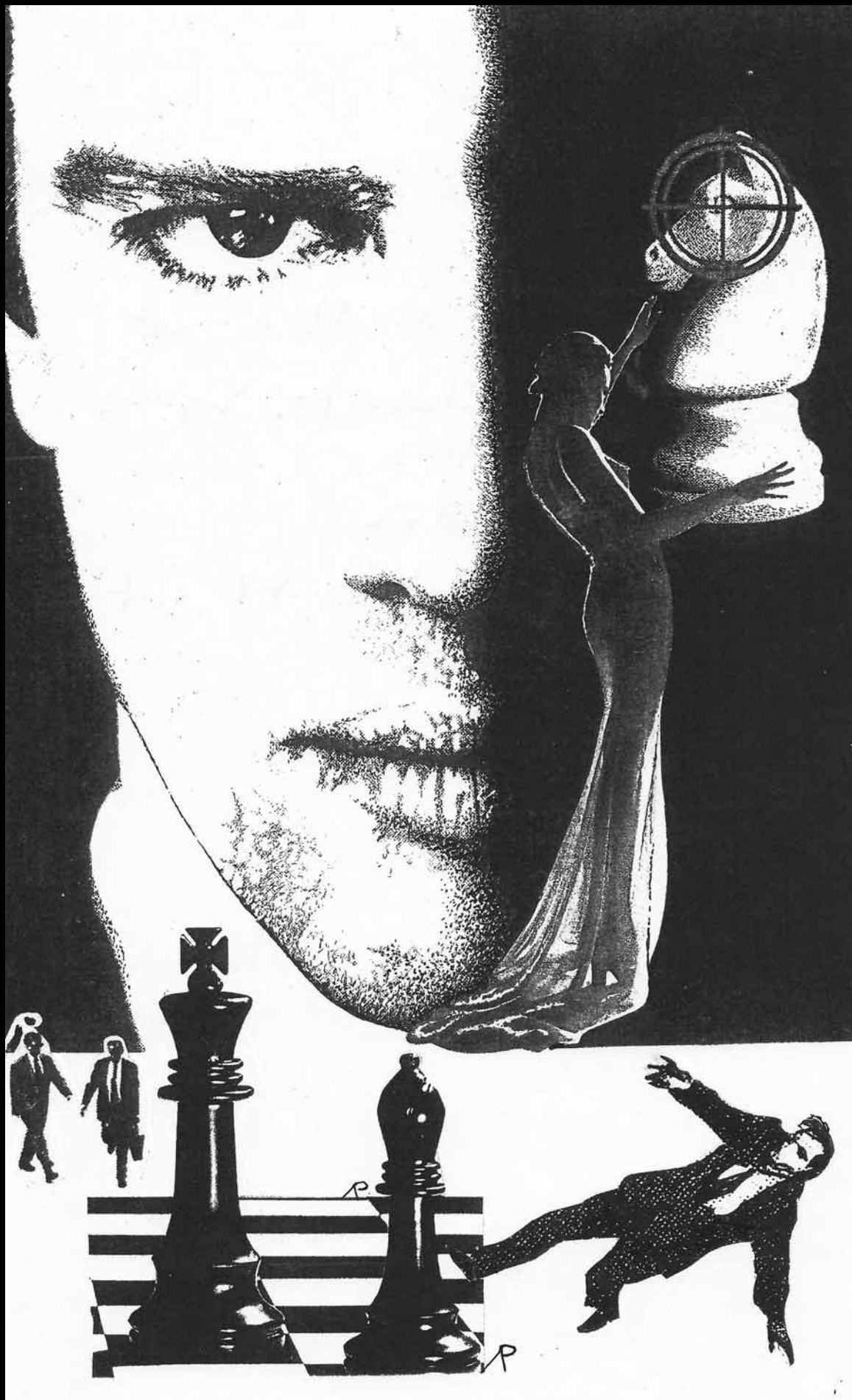

что он был босой и в длинной белой рубашке.

Венчание произошло 4 апреля 1877 года, а 12 апреля ему была сделана операция. Впрочем, врачи понимали, что она может принести лишь временное улучшение. Так и произошло. Летом Некрасова перевезли на дачу. Но было видно, что жизнь в нем угасает. Осенью наступило резкое ухудшение. Оно сопровождалось

полным параличом правой половины тела и частыми выключениями сознания.

Великий русский поэт скончался 27 декабря 1877 года (8 января 1878 года). На похороны его у стен Новодевичьего монастыря в Санкт-Петербурге собралось больше пяти тысяч человек. Со времен А.С. Пушкина едва ли к гробу какого-нибудь писателя стекалось столько народа... □

Наталья Рыжкова

КОРОЛЬ и пешки

1 Дебют

*начало игры; основная задача игроков — мобилизация сил,
подготовка к столкновению с противником*

Когда раздался звонок, Коста Спанидис изучал одну из самых интересных партий Капабланки. Щелкнув с досадой пальцами, он заставил себя оторваться от шахматной доски.

— Добрый день, дружище, — узнал инспектор голос своего непосредственного начальника, — надо бы разобраться в одном деле...

— Но сегодня воскресенье, не мое дежурство...

— Знаю, но... дело тонкое, может выйти на международный уровень. Не хотелось бы привлекать переводчика... А ты русский знаешь. Да и члены семьи просили, чтобы расследование проводил именно ты. Речь об Александре Гриневе.

— Но что случилось? И сколько пострадавших?

— Поезжай на виллу, сам все увидишь. Эксперты уже работают. Помоги мне, дружище, сам понимаешь, какой уровень! А ты всегда отличался тактичностью.

Коста Спанидис вздохнул — просьба начальника, как бы любезно ни звучала, все равно равносильна приказу. Кроме того, имя Александра Гринева — известного русского гроссмейстера, живущего на вилле неподалеку от города, — произвело впечатление.

Коста занимал должность инспектора полиции небольшого курортного городка на Крите. Несмотря на то, что ему было за тридцать, он не продвинулся пока выше чина лейтенанта, так как не отличался амбициозностью. Работа ему нравилась, местечко — тоже. В таких городках даже начальник полицейского участка дослужился всего лишь до капитана.

Дед Спанидиса когда-то состоял в греческой компартии, и во время фашистского режима вместе с семьей покинул родину, обосновавшись в Советском Союзе. Там вырос отец Косты, окончил школу, поступил в институт. Но после падения «черных полковников» он вернулся в Грецию, где женился, и где родился Коста. Отец не забыл русский язык, до сих пор говорил на нем и читал свободно, и Коста считал его вторым родным. Это знание очень пригодилось, когда россияне стали массово приезжать на отдых в Грецию.

Дорога до богатой виллы заняла около двадцати минут. С Александром Гриневым Коста действительно был знаком: скромный полицейский привлек внимание блестящего шахматиста тем, что фанатично любил шахматы и посвящал им все свободное время.

Спокойная жизнь средиземноморского городка располагала к соответствующему досугу. Студенческая молодежь (а здесь базировались несколько факультетов университета) увлекалась музыкой, народными танцами, общением. А на приморском бульваре и в скверах можно было видеть любителей шахмат, склонившихся над фигурами, и болельщиков, полностью ушедших в обсуждение сложившейся на доске ситуации. Поздней осенью и зимой они перебирались в помещение клуба. В основном это были представители старшего поколения.

Несколько лет назад здесь поселился профессиональный шахматист, победитель престижных международных турниров. Шахматному клубу городка его приезд принес ощутимую пользу: пожертвования Александра Гринева изменили работу этого уважаемого заведения к лучшему.

Косту Спанидиса Гринева выделил среди других любителей. Ему, шахматисту мирового уровня, трудно было найти не только достойного соперника, но хотя бы такого партнера, победить которого можно не на десятом ходу. Коста высоко ценил, что гроссмейстер никогда не отзывался уничижительно об его игре, напротив, хвалил, давал советы. И за последние два года полицейский значительно повысил свой класс.

На темы, не связанные с шахматами, Гринев почти не разговаривал, чужими делами не интересовался. На вопросы любопытствующих скупко отвечал, что выбрал местом жительства приятный и тихий греческий остров как раз за эти его свойства. Иногда добавлял, что устал от шумных мегаполисов, и через некоторое время журналисты и любители сплетен оставили знаменитость в покое.

По дороге на виллу Коста ломал голову, что могло случиться с Гриневым. Интуиция и странная просьба начальника подсказывали ему, что дело отнюдь не в банальной попытке ограбления или проникновения на частную территорию.

Ворота виллы были распахнуты, посередине аллеи уже стояла машина экспертов. Пока инспектор парковался, в ворота на сумасшедшей скорости влетел спорткар. Водитель резко ударил по тормозам и легко выскочил из салона. Это был стройный мужчина слегка за сорок.

Коста сделал шаг ему навстречу, представился и вежливо спросил о цели приезда на виллу.

— А-а-а, вы уже прибыли, слава богу! Это я просил, чтобы прислали именно вас. Александр о вас очень хорошо отзывался. Простите, я — его брат, Роман Гринев.

Коста вспомнил, что говорили о младшем Гриневе: бывший теннисист, плейбой, баловень судьбы, со всех сторон прикрытый братом от жизненных проблем.

— Что произошло? — официально спросил он, переходя на русский язык.

— Я сам толком не знаю. На мобильный позвонила невестка, Полина. Она рыдала, кричала, что умер Александр, что Павел тоже умер. Ничего не понимаю! — Роман Гринев нервно одернул полы дорогого пиджака.

Коста понял, что худшие его предположения оправдываются. Нахмурившись, он направился к дому, Роман не отставал от него ни на шаг.

Дом из белого кирпича располагался на плоской террасе, с которой открывался чудесный вид на море, на старинный маяк и желтоватые стены венецианской фортеццы. Перед ним — разбит парк. В центре архитектор оставил место для фонтана, но хозяин вместо него построил большое шахматное поле. Главные фигуры — размером 1,20 метра, пешки — примерно 80 сантиметров. Среди фигур копошились эксперты в специальных костюмах. По такой жаре — не самое приятное занятие!

Полицейский и его спутник подошли ближе и теперь могли видеть, что со стороны черных фигур на земле лежит человек. Глаза его были раскрыты, рот приоткрыт, губы посинели. В паре шагов от умершего валялся скомканный летний пиджак. Сделав еще пару шагов, Коста увидел Александра Гринева. Смерть застигла гроссмейстера в двух метрах от китай-

ского чайного столика, выставленного за игровым полем со стороны белых. На столике стояли чашка и заварочный чайник. Вторая чашка валялась рядом с телом Гринева.

Роман, увидев тело брата, закрыл лицо руками и опустился в шезлонг.

— Что тут? — негромко обратился Коста к знакомому эксперту.

— Похоже на отравление, осмотрим все, заберем тела для исследования. Сам понимаешь, ответа придется ждать. Но и сейчас могу тебе сказать: причины смерти — разные.

Спанидис вздохнул — ситуация сложная. Странная кончина такого человека, как Гринева, привлечет пристальное внимание и журналистов, и, самое неприятное, высоких инстанций. Окончательные результаты исследования может выдать только лаборатория регионального центра. Понадобится время, а в данном случае это большой минус.

— Сколько человек в доме? — спросил он эксперта.

— Нас впустила жена... вдова покойного, больше никого не видел. Мы здесь скоро заканчиваем, — доложил эксперт, — можно будет увезти тела.

— Что-нибудь нашли?

— Только одну, но очень странную вещь: оба шахматных короля чем-то обработаны.

— Что? Ты хочешь сказать, что их чем-то намазали? — удивился Коста.

— Да, посмотрим в лаборатории, что за штука такая. Но дело вот в чем: тот господин, — эксперт показал на тело второго шахматиста, — играл черными, и он двигал короля. Мы проверили все остальные фигуры, все чисто, кроме белого короля, но к нему никто не притрагивался.

Коста посмотрел на поле. Да, белый король стоял на месте, не было даже рокировки.

— Знаешь, а возьми-ка ты на анализ этот экзотический чаек, — кивнул он на столик.

Эксперт принялся упаковывать чашки и чайник.

— Скажите, — осторожно обратился Спанидис к Роману Гринева, — какие отношения были у вашего брата с женой?

— Нормальные, — отведя руки от лица, ответил тот. — Понимаете, Александр на двадцать пять лет старше Полины, она вышла за него совсем девочкой и смотрела на мужа снизу вверх. Правда, ходили слухи... Нет, я не могу передавать сплетни, спросите у нее сами.

— Хорошо, спрошу.

Вот так всегда: кто-то что-то не договаривает, кто-то что-то скрывает, а полицейским приходится вытаскивать на свет божий чужое грязное белье.

С бокалом коньяка в руках вдова сидела на кожаном диване в гостиной. Работал сплит. Коста присел на соседнее кресло, стоявшее под портретом великого Хосе Рауля.

— Э-э-э, госпожа Гринева, понимаю, как вам сейчас тяжело, но не могли бы вы...

— Да-да, конечно, — подняла на инспектора темно-карие глаза женщина, — мне уже лучше.

Спанидис несколько раз встречался с женой Гринева, знал, что ей около тридцати пяти, ухоженная, элегантная, м-да...

— Расскажите, что произошло? Если возможно, указывая точно время.

Вдова хозяйина потерла лоб, при этом машинально поправив волосы.

— Два раза в месяц, по воскресеньям, Александр играл в шахматы дома с Павлом... С господином Овчаренко. Это юрист и ближайший помощник мужа. Павел... постоянно живет... Жил в России, а здесь снимает квартиру. Он следил за делами, вкладами, всякими там акциями. Муж, когда оставил шахматы, вложил деньги в разные предприятия, банки... Я мало что в этом понимаю. Павел часто прилетал на Крит, последнее время почти каждый уикенд. Так вот, сегодня он приехал в два часа, как обычно. Мы немного поболтали, а потом Александр и Павел пошли в сад. Муж попросил подать туда чай, и я принесла им поднос примерно в... в два сорок. Это все. — Полина Гринева облизнула губы и замолчала.

Коста понял, что пришла пора задавать вопросы. Говорил он по-русски медленнее, чем мог бы, если бы не так тщательно подбирал слова.

— Скажите, почему они пошли играть в сад? Середина дня, такая жара... Разве в доме нет шахмат, здесь же намного прохладнее?

— Что вы! Конечно, есть, — слабо улыбнулась Полина. — Но Александр хотел о чем-то поговорить с Павлом. Наверное, о делах.

Так, игра на улице — вторая странность после вымазанных чем-то шахматных королей. Если, конечно, не считать странностью неожиданную смерть двух мужчин.

— Простите, вы сказали, что сами отнесли поднос с чаем в сад, зачем? Разве это не могла сделать горничная?

— Сегодня у всех выходной, даже привратник отпросился — какое-то семейное торжество. Осталась только кухарка, она занималась обедом, мне не хотелось заваливать ее работой... Да и муж любил, чтобы чай приносила я.

«Кажется, она не понимает, что становится главной подозреваемой», — подумал полицейский, а вслух спросил:

— Зачем вы звонили деверю?

— Они играли уже два часа, я подумала, что пора накрывать на стол. Выглянула в сад, позвала мужа, никто не ответил. Тогда я пошла к шахматному полю и там увидела... — На ее глаза набежали слезы. — Первое, что пришло мне в голову, позвонить Роме, он тоже должен был у нас обедать... Дальше я плохо помню.

Коста помолчал, а потом спросил у хозяйки, где находится кухня, и отправился туда.

Кухарка пила кофе, от плиты шел упоительный аромат, и Спанидис вспомнил, что не успел пообедать. Разговор с пожилой суровой гречанкой практически ничего не дал. Да, она не покидала кухню, нет, она не знает, что произошло. Только музыку слышала, громко играла. Какая музыка? Кухарка пожалала плечами: «обычная — бам-бам, бум-бум». А вообще — хозяйева как хозяйева, платили хорошо, вежливые. Да, обед на четыре персоны, а ей надо, кого они там ждали в гости?

Коста спросил, какие у хозяев были отношения, в ответ услышал, что она — кухарка, а семейная ситуация на приготовление пищи никак не влияет.

Пришлось вернуться в гостиную, несолоно хлебавши. Полина уже допила свой бокал и теперь смотрела через стеклянную стену на море. Коста внутренне собрался, ступая на зыбкую почву.

— Ох, простите за нескромный вопрос, но... Какие отношения у вас были с мужем?

— Мы прожили вместе пятнадцать лет, так что страстью уже не горели... — пожалала она плечами. — Но были очень привязаны друг к другу.

— Я хотел спросить, понимаете ли... — откашлявшись, произнес полицейский, но Полина, махнув рукой, перебила его:

— А-а-а, все равно скоро узнаете. Вы ведь будете осматривать квартиру Павла? Мы были любовниками два последних года. Муж не знал, мы очень старались сохранить тайну.

— Понятно. — Про себя Коста решил, что странная она, эта Полина. До нее до сих пор не дошло, что возможность и мотив для убийства были только у нее?

— Вы в шахматы играете? — Он неожиданно переменял тему.

— Так, не очень. Конечно, за все эти годы муж кое-чему научил, но способности у меня средние, да и желания особого не было.

Эксперты уехали, Коста вышел в сад и направился к шахматному полю. Виллу перестраивали, но сад сохранился от старых времен. Дом окружали старые оливы с искривленными от частых ветров стволами и любимцы средиземноморского климата — кипарисы. Между ними прорубили аллею, с которой открывался вид на море, а заканчивалась она прихотью последнего хозяина — площадкой для шахмат.

Коста оглянулся — далековато от дома, тени от деревьев не хватает, и поле открыто солнцу. Пройдясь по нему и рассмотрев фигуры, он подумал: «Шотландский гамбит. А в какой-то момент он перешел в итальянскую партию. Ко времени смерти обоих игроков положение у черных было сложное, но не патовое».

Инспектор быстро набросал в блокноте расположение фигур на доске, чтобы дома спокойно поразмышлять над партией. Если бы его спросили: зачем, он не смог бы ответить.

2

Миттельшпиль

середина игры, характеризуется активным маневрированием, атаками и контратаками, борьбой за центр поля

Эксперт позвонил Спанидису в понедельник.

— Ну, друг, получай первую порцию информации — кое-что тебе накопал. Значит, так, господин Ов-ча-ренко умер от алкалоида, полученного из *coniummakulatum*.

— Что это такое?

— В просторечье «болиголов пятнистый». Между прочим, по силе эта штука близка к действию яда кураре. У Овчаренко были проблемы с печенью, что ускорило действие препарата, он умер от удушья. Александр Гринев, кстати, умер немного раньше, но насколько именно, не могу сказать. Причина его смерти проста — цианид. Вчера что-то такое и подумал, но решил уточнить... Овчаренко отравился странным образом. Помнишь, я сказал тебе, что оба короля были чем-то намазаны? Так вот, это и был алкалоид. Овчаренко двигал короля, испачкал руки, а с них занес себе яд в рот.

— Как это? — удивился Коста. — Он что, руки облизывал?

— Что-то вроде этого. Скорее всего, похлопывал пальцами по губам, а потом облизывал их языком. Сам разбирайся. Мое дело маленькое. Но и это еще не все. Белый король тоже был намазан алкалоидом, как ты знаешь, но хозяин его не трогал. Так вот, даже если Гринев и получил бы порцию этой дряни, он не умер бы от этого.

— Не понимаю. Ты же сказал, что это яд сильного действия.

— Да, но не для всех. У Гринева был рак, и он проходил курс лечения вытяжкой болиголова — пробовал этот способ. То есть, малыми порциями принимал состав в течение длительного времени. Конечно, плохо ему бы стало, но для летального исхода доза должна быть намного больше. А цианид был в чае, тут тоже все просто. Задача, да? — Эксперт хохотнул и отключился.

Коста потер подбородок. В одно и то же время отравили двух человек: одного — примитивно, другого — изощренно. Что это? Два разных убийства? Убийство и самоубийство? Несчастные случаи отпадают — вряд ли кто-то из благих побуждений намазал королей алкалоидом, а цианид в чай бросил шутки ради. Собственно, «кто-то» может быть только одним человеком — Полиной Гриневой. Она убила мужа и любовника? Зачем?

Встряхнувшись, Спанидис сделал несколько телефонных звонков. Узнал следующее: Александр Гринев отважно боролся с раком, потратил немалые средства на лечение, но все напрасно — дни его были сочтены. Так вот почему он оставил шахматы и предпочел прожить остаток жизни спокойно!

Коста доложил начальнику о первых результатах расследования. Почтенный капитан схватился за голову и потребовал аспирина с холодной водой, хотя в сиесту предпочитал стаканчик терпкого прохладного местного вина — рицины.

Его можно было понять. В последнее время таблоиды не уделяли особого внимания Гриневу, но его странная смерть, а также совсем уж непонятная кончина его юриста и друга семьи не останется незамеченной. А это может плохо сказаться на репутации греческого курорта. Благополучие жителей городка и его окрестностей во многом зависит от отдыхающих. Несчастный капитан понимал, что ему не дадут спокойно спать его собственные начальники из региональной полиции. Криминальная летопись городка не поражала разнообразием, а в последние годы и вовсе почти сошла на «нет». Опыта у местных полицейских хватало на то, чтобы поймать мелких воришек да развести по разным углам петушащихся юнцов. Но такое закрученное дело мало кому по зубам.

— Не подведи, дружище, а? — Капитан влажными глазами посмотрел на Спанидиса. — Мне до пенсии осталось всего ничего... Сам знаешь, какая сейчас обстановка. А я тебя особо отмечу, похлопочу о повышении. Ты еще молодой, для тебя карьера — первое дело.

Для Косты карьера не была на первом месте, иначе давно бы уже в Афины перебрался, но спорить с начальником он не стал, просто пообещал, что постарается.

— У меня семья! Подумай, Спанидис, я не могу уйти в отставку! — простонал вслед подчиненному капитан.

Прежде чем вновь посетить виллу Гринева, Коста с помощником, молодым констеблем, решил осмотреть съемную квартиру Павла Овчаренко. Она располагалась в старом центре возле порта. Среди узких улочек с маленькими кафешками, где витал аромат кофе и свежей сдобы, смешанный с запахами моря, Овчаренко нашел для себя небольшую, но очень уютную квартирку.

Хозяйка, живущая в этом же доме, узнав о смерти своего жильца, расплакалась.

— Ох, такой приятный человек! Всегда вежливый, никакого беспокойства не доставлял... — Она открыла запасным ключом дверь ипустила полицейских в квартиру Овчаренко.

Коста огляделся помещение и печально усмехнулся. Типичное холостяцкое жилище, у него самого почти такое же. Минимум мебели и вещей, легкий беспорядок, но довольно чисто. Видно, что кухней жилец почти не пользовался, в холодильнике — бутылки с водой, а из еды — только деревенские продукты, которые можно ранним утром купить на рыночной площади.

В гостиной все довольно просто, главный упор — на функциональность. Единственной вещью, которая могла принадлежать Павлу Овчаренко, была фотография Полины Гриневой на журнальном столике. Коста, надев перчатки, внимательно осмотрел ее. Фотография, по старинке, вставлена в изящную рамку, справа внизу размашистая надпись на русском языке.

— Что тут? — нетерпеливо спросил констебль, работающий в полиции всего лишь второй год.

— «Любимому Павлику от его Полюшки», — старательно перевел Коста и подумал, что слова госпожи Гриневой подтвердились.

Молодой помощник ухмыльнулся во весь рот, но тут же сник под строгим взглядом Спанидиса.

Спальня выглядела не столь аскетично, чувствовалось, что жилец хотел придать комнате подобие домашней обстановки. Из-за жалюзи тянуло ветерком с моря, доносились голоса и смех прогуливающихся вокруг бухты отдыхающих.

Следуя указаниям начальника, молодой помощник обыскал комнату, заглянул под кровать и выполз, осторожно сжимая в перчатках маленький тюбик. Когда он протягивал его Спанидису, в солнечных лучах игриво блеснул металл.

— Губная помада, — важно проинформировал парень Косту, и не удержался от шутки: — Вряд ли она принадлежала Овчаренко... Не его цвет.

Стараясь не стереть возможные отпечатки, Спанидис снял крышечку. Да, цвет подошел бы Полине Гриневой. Он тряхнул головой, отгоняя видение дамы, красящей губы перед зеркалом. «О чем они говорили — Полина и ее любовник? «До встречи, милый! — Пока, дорогая»?

У женщин странные вкусы, но почему Полина увлеклась Павлом Овчаренко? Ее мужу было около шестидесяти, Овчаренко — чуть больше пятидесяти. Что она нашла в нем такого, чего не хватало Гриневу — яркому, неординарному человеку?

Коста еще раз оглядел квартиру, пытаюсь представить себе погибшего русского. Он никогда не встречался с Овчаренко, до вчерашнего дня даже не знал о его существовании. Конечно, раз Гринев тяжело болел, то молодая еще женщина могла влюбиться в старого друга семьи, в конце концов, физическое влечение еще никто не отменял...

Спанидис зажмурился, вспомнив светлые пушистые волосы и нежное лицо Полины Гриневой. Да что скрывать — любой мужчина был бы счастлив, если такая будет смотреть на него ласково, а уж если прижмется, подставив мягкие губы, то... Коста вытер пот со лба и, нахмурившись, положил тюбик в целлофановый пакет. На всякий случай надо будет проверить отпечатки, хотя сюрпризы вряд ли возможны.

Хозяйка квартиры охотно отвечала на вопросы, не похоже было, что она что-то скрывает. По ее словам, Овчаренко был просто идеальным жильцом, деньги переводил, как положено. Непьющий, некурящий.

— У него со здоровьем было не очень, так он просил продукты ему покупать хорошие и свежие. Звонил за день до приезда, я и готовила ему. Бедный, все пареное да вареное, без специй. Даже кофе ему нельзя было, — покачала головой добросердечная гречанка.

На вопрос о женщинах, она категорично ответила, что никакие дамы к господину Овчаренко не ходили, он был одиноким. Ей показали фотографию и губную помаду, после чего уверенность хозяйки несколько пошатнулась, но она упрямо продолжала верить, что тут какая-то ошибка.

— Любовники неплохо все рассчитали! — засмеялся молодой констебль. — Тетка же не «сидит сиднем» целый день.

Коста согласился: старый дом стоял на перекрестке двух узеньких улочек, с двух сторон — семейные кафе, подъезд со сквозным проходом в соседний двор, оттуда выход на другую улицу. Можно было проскальзывать незаметно для хозяйки, которая то занималась своими делами, то болтала с соседями, да и уходила из дома, конечно.

Он сделал пометки в блокноте, просмотрел все записи, потом зачем-то еще раз прикинул расстановку фигур на игровом поле в саду Гринева. Они с помощником вывернули из улочки на небольшую площадь. Немного разгоряченный Коста ополоснул лицо в старинном венецианском фонтане. Южное солнце щедро заливало лучами средневековые улочки. Вокруг, в многочисленных кафе и ресторанчиках, туристы заказывали прохладительные напитки. Инспектор и констебль переглянулись и невольно вздохнули — их ждала работа.

«Что ж, пора поговорить с вдовой, но уже иначе, чем вчера», — подумал Коста и, дав указания помощнику, вновь отправился на виллу.

Полина надела черное траурное платье, сидела она на том же месте, будто ожидала очередных вопросов. Напротив нее сидел Роман Гринев — похоже, они обсуждали церемонию похорон, но инспектора встретили любезно.

— Госпожа Гринева, я вынужден говорить об очень неприятных вещах...

— Я отвечу на любой ваш вопрос, инспектор, — откинувшись на спинку дивана, кивнула Полина.

— Вы знали, что вашему мужу жить оставалось недолго? — спросил Спанидис.

— Нет, — растерялась она. — О чем вы говорите?

— У него был рак, причем в последней стадии. Сделать уже ничего было нельзя, и врачи давали ему несколько месяцев.

— Теперь начинаю понимать! — вскочив, заметался по гостиной Роман. — А я все голову ломал... Да-да, были странности!

— Вы тоже не знали о болезни брата? — резко повернулся к нему Коста.

— Нет! Но это в его характере. Он всегда бился в одиночку, сам решал все проблемы. Предпочитал беречь близких.

— Тогда, может быть, Александр покончил с собой? — подняла на полицейского огромные, с поволокой, глаза Полина.

— А смерть Павла Овчаренко? И почему ваш муж вдруг решил покончить со всем во время игры в шахматы? Перед обедом? Он мог принять яд, скажем, ночью, оставив записку.

— Но... тогда что же? — поежилась вдова.

Коста промолчал: разговор предстоял непростой.

— Скажите, вы уверены, что муж не знал о вашей связи с Овчаренко? — наконец продолжил он.

— Я же говорила... Мы были очень осторожны...

— Он знал, — внезапно вмешался Роман. — Брат нанял частного детектива и получил от него доклад, который воспринял... болезненно.

— Так-так, — потер руки Коста, — значит, господин Гринев с вами поделился?

Роман замялся, покосился на Полину и признался:

— Я слышал его разговор с детективом по телефону. Потом спросил, почему он такой... мрачный. Александр ответил, что есть некоторые проблемы, но он разберется. — Вдруг, резко повернувшись к невестке, он процедил сквозь зубы: — Ты убила его, да? Потому что он узнал о твоих шашнях?..

Полина закусила нижнюю губу почти до крови, чтобы не вспылить. Нервно сжимая руки, она демонстративно ответила Спанидису, а не де-верю:

— Не убивала я мужа! И уж тем более, не могла бы убить Павлушу!

— Но что-то вас беспокоило? — Коста не столько спрашивал, сколько утверждал.

— Да. Несколько дней муж вел себя странно. Когда пришел Павлуша, Александр предложил ему играть в саду — в такую-то жару! Мне показалось, он хочет о чем-то поговорить с ним без меня. Но услышать ничего не удалось!

— Ага, а у вашей прислуги всегда в воскресенье выходной? — В голове у Косты начала складываться картина происшедшего, где все элементы головоломки заняли свои места.

— Нет, — пожал плечами Полина, — но скоро фестиваль народных танцев, многие к нему готовятся, ходят на репетиции. Александр предложил всем до фестиваля уходить по воскресеньям: горничные и садовник выступают в одной группе.

— Могу я вас попросить выйти в сад? — спокойно произнес Спанидис.

Вдова и Роман удивились, но протестовать не стали. После отъезда экспертов никто там ничего не трогал.

— Прошу вас, Полина, посмотрите на шахматное поле. Что вы можете сказать об игре?

Полина прошлась по черным и белым квадратам из дорогого мрамора.

— Я бы сказала, что игра была нервной, — оценила она ситуацию.

— Перед игрой проводилась жеребьевка? — спросил Коста, заранее зная ответ — много раз они с Гриневым начинали партию всегда одинаково.

— Да, обычно муж использовал черный и белый камешки, зажимая их в руке.

— Еще один вопрос: вы убили вашего мужа? И Павла Овчаренко? — как-то буднично спросил полицейский.

Женщина отшатнулась от него. В своем обтягивающем черном платье она показалась Спанидису черным ферзем, собирающимся сделать роковой для себя ход.

— Нет! Вы думаете, я идиотка? Я одна в доме — и на кого все указывает?

— Конечно, на вас, — усмехнулся Спанидис, пройдя несколько клеток, — но, видимо, такова была задумка вашего мужа.

— О чем вы? — тоже шагнул на поле Роман. Теперь все трое выглядели как шахматные фигуры: Коста был в белом летнем костюме, Роман — в черном, траурном.

— Думаю, господин Гринев хотел, чтобы вас судили за убийство. Смотрите, он узнает о вашей связи со своим помощником, это разбивает ему сердце. Он знает, что скоро все равно умрет, и решает отомстить вам. Овчаренко должен приехать на игру и остаться на обед. Хозяин отпускает прислугу, а его брат должен подъехать позже.

— Вы думаете, Александр все подстроил? — с сомнением спросил Роман.

— А почему он позвал Овчаренко в сад? Потому что здесь большое поле и большие фигуры, их довольно трудно двигать. Он мажет обоих королей вытяжкой болиголова. Ведь у вашего любовника было что-то с печенью?

— Он давно лечился, мне говорил, что еще с детства, — вздохнула Полина.

— Так. Ваш муж не знает, какими фигурами будет играть, а потому мажет обоих королей. Именно от этого яда и умирает Овчаренко.

— Но как? Ведь через кожу яд вряд ли подействует, — нахмурился Роман.

— А не было ли у Овчаренко привычки, скажем, во время игры похлопывать себя по губам?

— Именно так, — кивнула Полина, — муж часто подсмеивался над ним за это.

— Значит, надо было разыграть такую партию, чтобы Овчаренко занервничал и перестал обращать внимание на испачканные чем-то руки.

— А почему нельзя было намазать ядом все фигуры подряд? — не понял Роман. — Так ведь надежнее.

— Не совсем. — Коста достал листок с ходами роковой партии, — Я проанализировал их игру. Если бы намазаны были все фигуры, то Овчаренко заметил бы это, и на втором ходу спокойно отошел бы помыть руки. Нет, Гринев играл рискованно, чтобы завлечь противника в ловушку. Все

началось с шотландского гамбита, но Александр, играя белыми, резко уходит в итальянскую партию, и на пятом ходу белый слон идет на f7 — шах. Черный король вынужден бить его — e8 на f7. Овчаренко уходит из-под удара, но игра складывается не в его пользу. Он забывает об испачканных руках, похлопывает себя по губам, тут же забывает и об этом, в волнении облизывает губы языком. Когда ему становится плохо, Гринев бросает в свой чай цианид и мгновенно умирает. И вот тут есть одна проблема... — Коста повернулся к Полине.

Она ответила ему растерянным взглядом, но выразившим при этом готовность помочь. Коста с трудом заставил себя оторваться созерцания от ее лица и вернуться к сиюминутным реалиям.

— Ведь господин Овчаренко — юрист, деловой человек. Но у него почему-то не было с собой мобильного. Это странно. В съемной квартире его тоже не было... Вопрос: где его мобильный?

Полина и Роман переглянулись.

— У Павлуши был мобильник, — твердо проговорила Полина, — не могу сказать, что он никогда не отрывался от него, но держал всегда поблизости.

Роман кивнул, подтверждая слова невестки.

— Получается, что кто-то — думаю, именно Александр — достал телефон из кармана пиджака Овчаренко и... — Коста обвел рукой вокруг, — можно предположить, что выбросил куда-то. Думаю, надо поискать в кустах или под террасой.

— Но зачем? — Полина сложила ладони вместе, будто умоляя полицейского помочь ей.

— Затем, что Овчаренко умер не сразу, он понимал, что с ним происходит что-то страшное, и, если бы мог добраться до телефона, то сделал бы самую простую вещь — позвонил кому-нибудь... Например, вам, в полицию... Он дотянулся до пиджака, но мобильного не нашел. Тогда, видимо, начал звать на помощь, но никто не слышал криков. Алкалоид парализовал его снизу, и, когда дошел до диафрагмы, он задохнулся. А полиция должна была арестовать вас.— Коста печально посмотрел на Полину. — Возможно, хороший адвокат и смог бы вас вытащить, но до конца жизни на вас показывали бы пальцами.

— Какой ужас! — побелевшими губами прошептала потрясенная женщина. — Как я могла бы доказать свою невиновность?

— Наверное, ваш муж предполагал, что вы не сразу признаетесь в связи с его помощником, начнете юлить и запутаетесь еще больше.

— Не могу сказать, что одобряю поведение невестки, — покачал головой Роман, — но такая месть слишком жестока. Бедный Александр! Мне жаль

его. Наверное, его жизнь в последние месяцы была кошмаром... Я рад, что вы взялись за это дело, господин Спанидис, и смогли рассмотреть его непредвзято.

— Просто я люблю шахматы и неплохо играю, потому и увидел в партии то, что указывало на... тщательную подготовку. А это мог сделать только хозяин дома.

— Благодарю вас, — заплакала вдова, — вы спасли меня... Могу я вас называть Костей?

— Конечно, я знаю, что так меня зовут на русский лад, да?

Полина протянула ему руку и пленительно улыбнулась сквозь слезы.

— Не стоит благодарности, мадам, это просто моя работа. — Спанидис откланялся, думая, что над отчетом придется попытеть дольше, чем над расследованием. И долго его преследовали воспоминания о пухлых губах и теплых глазах с поволокой.

3

Эндшпиль

*заключительная часть игры, основная цель которой
организовать атаку на короля и поставить ему мат*

Коста проснулся, как от толчка. Посмотрел на часы — четыре утра. Полежал на спине, вспоминая странный сон: на шахматном поле вместо фигур играют люди. Белый король — Александр Гринев, черный король — Роман, черный ферзь — Полина. И он сам тоже на поле, но не видит, какую фигуру представляет, только знает, что играет за белых. И где-то рядом с ним — Павел Овчаренко, как в тумане, не поймешь, какая это фигура.

Коста встал и подошел к столу. Быстро разыграл партию Гринева и Овчаренко и стал размышлять, потирая подбородок. Думал он с полчаса, потом вдруг одним махом смел фигуры с доски и хлопнул ладонью по столешнице. Заставил себя успокоиться и горько усмехнулся. Два месяца назад его покинула подруга, как она сказала: «Потому, что эти куски дерева для тебя важнее всего на свете!» Похоже, так и есть. И он попался, как мальчишка, в сеть, сплетенную из лжи, полуправды и, что самое обидное, правды.

Чтобы собраться с мыслями, Коста вышел на балкон. Было прохладно и тихо, даже птицы еще не проснулись. Через дорогу высился старинный

собор. Глядя на его купола и колокольню, он задумался, пока звон колоколов не возвестил о начале утренней службы.

Вернувшись в комнату, Коста сел за стол, достал листок и начал писать. Просидев так около часа, он поднялся, прошел в ванную, принял душ, побрился, затем позавтракал, после чего, позвонив на работу и предупредив, что едет по делам, отправился на виллу.

Похороны Александра Гринева предполагалось провести на родине, а здесь устроить прощание для знакомых. Русские, живущие в Греции, приехали на остров, чтобы почтить память усопшего, а потом тело в закрытом гробу отправляли самолетом в Россию.

Косту провели не в большую гостиную — там толпились те, кто пришел отдать дань Гриневу, а в небольшую комнату на втором этаже. Что же, он, Коста Спанидис, тоже отдаст дань покойному, но по-своему.

— Здравствуйте... Костя, — протянула ему руку Полина. — Простите, что не пригласила вас, но вы же понимаете — присутствие полиции сейчас...

— Не волнуйтесь, я никого не побеспокою, — сухо ответил он, не замечая протянутой руки, и без позволения опустил в кресло. Женщине тоже пришлось присесть.

— Что-то случилось? — обеспокоенно спросила она.

— Как вам сказать... Ничего, если не считать, что я все-таки во всем разобрался. — Коста откинулся на спинку кресла и сложил вместе ладони.

— Разобрались — в чем? — вскинула брови Полина, одергивая на коленях траурное платье.

— Как умерли ваш муж и его юрист... И почему они умерли.

— Не понимаю, — недоуменно потрясла головой вдова, — вы же все уже объяснили.

— Нет, объяснил так, как хотелось вам, ну а теперь я расскажу свою версию.

Полина молчала, в упор глядя на Спанидиса. Не поддаваясь ее чарам, тот негромко начал:

— Вы попали в трудное положение, и вам пришлось действовать очень быстро. Муж узнал о вашей любовной связи — это была та правда, которую вам пришлось мне кинуть, как кость.

Вдова сложила руки на груди и прищурилась. Кажется, даже облегченно вздохнула, как будто ожидала удара с другой стороны. Ее обаяние еще действовало на полицейского, но он заметил мелочи, на которые до сих пор не обращал внимания: тонкие пальцы с идеальным маникюром напоминали когти хищной птицы, а когда Гринева поджимала губы, глаза становились холодными и злыми...

— Меня удивили две вещи: как легко вы сознались в измене мужу, и человек, которого вы выбрали в возлюбленные.

— Что вы-то понимаете в любви? — усмехнулась Полина. — Вы не производите впечатления сердцееда.

— Кое-что все же понимаю. Скромный, болезненный пятидесятидвухлетний юрист, страстный любитель шахмат. Что привлекло вас? Ответ один — ничего. Не был Павел Овчаренко вашим любовником. Он был всего лишь пешкой в вашей игре, но пешкой важной, потому что знал правду.

— Какую правду? — нахмурилась Полина. — Я любила Павла.

— Нет, ваш любовник — Роман Гринев, он именно тот тип, который вам нравится: веселый, спортивный, ничего не понимает в шахматах. Но муж нанял частного детектива и все узнал. Мне кажется, он простил бы вам измену, если бы это не был его младший брат. И он решил отомстить самым жестоким для вас образом — лишить вас и Романа наследства. А что еще он мог сделать — умирающий, униженный двумя людьми, которых любил больше всего на свете?

— Это все ваши домыслы, вы можете прийти завтра и присутствовать при прочтении завещания, — холодно бросила вдова.

— Конечно, это старое завещание. А новое он хотел оформить в день смерти. Но ему пришлось все рассказать Овчаренко. Он разговаривал с ним по телефону, а потом, видимо, намекнул вам. А, может, вы подслушали их беседу? К сожалению, этим ваш муж подписал смертный приговор не только себе, но и несчастному поверенному. О болезни вашего мужа, вероятно, знал Роман, следовательно, он сказал о ней вам. Или все-таки муж был с вами более откровенен насчет состояния своего здоровья?

Женщина вытянула ладонь и рассматривала ногти, покрытые неярким лаком.

— Молчите? Не важно. Суть в том, что вам нельзя было выпускать Овчаренко живым из дома. Вы позвонили Роману, он примчался, где-то спрятался и дождался приезда поверенного. Каким-то образом вы достали ключ от его квартиры, отдали Роману фотографию с надписью, тубик помады. Он отвез вещи на квартиру Овчаренко. Наверное, он был осторожен и оставил свою машину на другой улице. А потом стал ждать. Вы же сделали все остальное. Хотел бы я знать, куда вы дели мобильник Овчаренко, но, полагаю, ждать откровений не приходится.

Полина вскинула голову и сложила руки на груди.

Дверь комнаты открылась, и вошел Роман Гринев:

— Полина, что случилось? Господин Спанидис?

— Господин Спанидис обвиняет нас в убийстве Александра и Павла, — ответила вдова.

— Нас? Вы хотите сказать, что Полина и я... Ничего подобного! — возмутился младший Гринев. — Я не имею к смерти брата никакого отношения!

Коста заметил, как дрогнули губы женщины, а в карих глазах заплескалось беспокойство.

— Я даже верю, что вы страдали и убеждали себя, что смерть от цианида для вашего брата лучше той, что его ожидала. Но сути дела это не меняет, вы — соучастник. Вы подождали звонка невестки, позвонили в полицию и попросили, чтобы на виллу направили меня.

— И зачем же это нам было нужно? — скупой улыбнулась Полина. — Просто Роман вспомнил, что Александр высоко вас ставил.

— Сомневаюсь, — усмехнулся Коста. — В шахматном клубе мы никогда не говорили о моей работе, не обсуждали и личных дел. Вероятно, он что-то говорил про мою игру, возможно, даже хвалил. Именно это вас и устраивало.

— Да, способности в шахматах помогают в расследовании! — Женщина не скрывала своей иронии.

— Увы, это так, — спокойно ответил Коста, — вы все построили на моем «пунктике» — шахматах, и разыграли партию, которая восхитила бы меня, если бы не смерть двух человек. Вы понимали, что я не смогу пройти мимо игры и обязательно отвлекусь. Так и произошло: в какой-то момент я соединил шахматы и реальность.

— Кажется, вы сейчас не понимаете, где реальность, — вставил Роман.

— О, нет! Настоящая партия развернулась не на поле, а здесь. Так или иначе, зная о болезни мужа, вы нашли алкалоид конин, наверное, у него осталось что-то после курса лечения, скорее всего, он его не прошел до конца. Чтобы они не сели за обычную шахматную доску в доме, вы громко включили музыку — об этом и говорила кухарка — и вынудили мужчин уйти в сад. Намазали королей — не только для того, чтобы отравить Овчаренко, но и чтобы привлечь мое внимание к игре. А еще вы знали стиль игры мужа и поверенного, много лет наблюдая за их партиями. Какими бы фигурами ни играл ваш муж, он всегда выбирал линию атаки, я-то знаю — сам сколько раз попадал в его ловушки! Рано или поздно, Овчаренко вынужден был бы защищать своего короля и испачкать руки.

— Зачем мне так рисковать? А если бы все пошло не так? — пожала плечами Полина, — А если бы Павел не трогал руками губы?

— В значительной степени вы рассчитывали на его привычку. Ну, придумали бы что-нибудь, не сомневаюсь.

— Все это очень интересно, — Полина Гринева поднялась и отряхнула платье, — но нам пора. Насколько я поняла, никаких доказательств у вас нет.

— Вы правы, мадам. — Коста тоже встал. — Но это пока. Во-первых, есть детективное агентство, я перерою все острова и Аттику, но найду его. Во-вторых, Роман все же не призрак — кто-то мог его видеть у квартиры Овчаренко.

— Все это будут лишь косвенные улики, — широко улыбнулся младший Гринев.

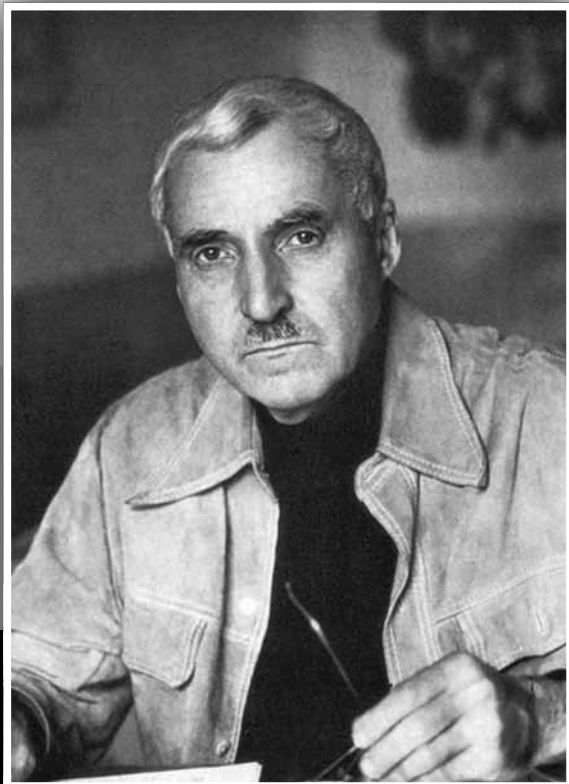
— В-третьих, — сделав вид, что не заметил слов противника, продолжил полицейский, — это готовность вашего любовника предать вас, если опасность будет угрожать ему. Он пожертвует такой боеспособной фигурой, как вы, ради выигрыша. А я — я просто пешка. Но напомню вам, мадам, что часто именно пешка решает судьбу короля!

Спанидис, не прощаясь, покинул виллу Гринева.

Он медленно ехал вдоль приморского бульвара, по которому прогуливались беззаботные отдыхающие. Влюбленные парочки целовались, не замечая никого вокруг, очаровательные женщины в воздушных нарядах смеялись каким-то шуткам своих спутников, вероятно, не слишком остроумных, но искренних. Даже пожилые пары, много лет прожившие в браке, выглядели счастливыми.

«Все вранье, — с тоской подумал Коста, — одна видимость. Или просто свежий воздух, или море... Или что-то еще». Он сжал зубы и, больше не отвлекаясь на радостную картину, поехал в свой офис, в маленький душный кабинет, который выходил окнами на заросшую плющом старую стену соседнего дома.

А через пару дней инспектор узнал о громком скандале — все состояние Гринева отходило шахматной федерации и на благотворительность. Новое завещание было оформлено за два дня до его смерти. Коста понял, что знаменитый гроссмейстер все-таки выиграл свою последнюю партию. □

Юрий
Осипов

ГОНИМЫЙ

К 100-летию

Когда-то остроумный советский пародист А. Раскин написал на Константина Симонова пародию, которая начиналась такими строками:

*Как подобает взрослому мужчине,
Коньяк, табак, две порции тоски...
В одной руке держу свои морщины,
В другой руке — седые волосы.*

Мужественный, элегантный, подтянутый, с небольшими усиками и неизменной трубкой в зубах, в ореоле успеха у читающей публики и особенно у женщин — таким запомнился Симонов современникам. Легкое дворянское грациозное поведение у него было, очевидно, наследственным. Как-никак сын княжны Оболенской и боевого царского генерала.

Нашумевшие стихи и пьесы 30-х-40-х годов принесли ему пять Сталинских премий (он успеет еще получить шестую, абсолютный рекорд среди

Кирилл Симонов (да, да, Кирилл, это имя он получил при крещении) родился в Петрограде в 1915 году, как раз тогда, когда, по позднейшей

версии матери, пропал без вести на фронте его отец Михаил Агафенгелович Симонов, родом из уездных дворян, кавалер разных орденов

и обладатель почетного Георгиевского оружия, которым награждали за храбрость в бою.

Он действительно числился одно время пропавшим без вести, однако в грозном девятнадцатом неожиданно вынырнул в Польше, откуда

шим полковником царской армии, георгиевским кавалером Александром Григорьевичем Иванишевым, и она предпочла остаться в России с новым мужем, где прожила долгую жизнь, с гордостью и тревогой обожая сына и внука.

баловень судьбы

со дня рождения К.М. Симонова

писателей!). Власть оценила советский патриотизм, актуальность тематики. Читатели — проникновенную любовную лирику, киплинговскую романтику риска и приверженность героев кодексу мужской чести.

Симонов и в своих ярких, правдивых послевоенных романах, посвященных фронтовым будням, оставался глубоко советским писателем, можно даже сказать, соцреалистом. Но при этом в его книгах ощущается подлинность чувств и мыслей героев, авторская боль за «живых и мертвых» на той великой войне.

В несвободном обществе этот крупный человек, как мог, пытался оставаться в творчестве и в жизни свободным, ведя внутреннюю переключку со своими кумирами — Киплингом, Хемингуэем. Подобно им, он больше всего на свете ценил чувство собственного достоинства, презирал болтунов и приспособленцев, преклонялся перед солдатами, видя в них «соль земли». Любил до педантизма порядок в быту, дисциплину. Но это уже, скорее, шло от отчима, рано заменившего ему отца.

написал супруге письмо, зовя ее с сыном к себе. У Александры Леонидовны к тому моменту развивался роман с красным военспецом, быв-

Ее внук, кинорежиссер Алексей Симонов, снявший двухсерийный документальный фильм об отце, предполагает, что была в отношениях его

Фото из архива
А.К. Симонова

бабушки с дедом темная сторона, не позволившая ей эти отношения восстановить.

В автобиографии Константин Михайлович придерживался версии матери, боявшейся за судьбу сына. А потом и вовсе перестал упоминать об отце, которого никогда не видел. Отсюда, видимо, и берет начало некая раздвоенность его личной и литературной судьбы.

Мальчика воспитал полюбивший его отчим, и тот к нему тоже очень привязался. Иванишев вскоре стал командиром РККА, и детство в военных городках способствовало выковке характера и «классового сознания» будущего писателя. Оно сохранится у аристократичного Симонова на всю жизнь. Окончив седьмой класс в саратовской школе, Кирилл пошел учиться на токаря

в ФЗУ, затем начал зарабатывать трудовой стаж на заводе и продолжил его в Москве, куда семья переехала в 1931 году.

Выправлять огрехи дворянского происхождения Симонову пришлось долго. Даже после поступления в Литинститут он еще два года трудился на заводе, хотя уже ложились в тетрадь стихи, которые в 36-м напечатали ведущие литературные журналы «Октябрь» и «Молодая гвардия».

В том же году студента Симонова приняли в Союз писателей. Случай беспрецедентный. Литинститут он окончил в 38-м и, поступив в аспирантуру, опубликовал свою первую поэму «Павел Черный».

чения, не цепляться за него, но оно было с ним всегда. Даже когда его подвергли при Хрущеве временной, перешедшей затем в постоянную, скрытой опале.

Известный литературовед Мариэтта Чудакова назвала жизнь Симонова «чередой поступков». Больших и малых. Хороших и не очень. Но — поступков, которые в наши дни мало кто совершает. Молодой поэт с рано пробудившимся даром публициста отправляется в 39-м корреспондентом на свою первую войну, на Халхин-Гол.

Перед отъездом меняет имя Кирилл на Константин, в качестве ли-

В несвободном обществе этот крупный человек, как мог, пытался оставаться и в жизни, и в творчестве свободным. Больше всего на свете он ценил чувство собственного достоинства, презирал болтунов и приспособленцев и преклонялся перед солдатами, видя в них «соль земли»

Слава шла за ним по пятам, и 23-летний поэт принял ее как должное. Она придала уверенность в собственных силах, пробудила честолюбие. Ахматова говорила, что неблагополучие в качестве нормы жизни — необходимая компонента судьбы поэта, особенно поэта нового времени. С молодости нормой жизни Симонова являлось благополучие. Он мог не придавать ему зна-

тературного псевдонима, поскольку не выговаривал буквы «р» и «л». В аспирантуру он уже не вернулся. Его ждали курсы военкоров и командные посты в Союзе писателей.

Сын писателя, Алексей Симонов, по-своему объясняет невероятный фавор отца у вождя. Сталин, якобы, сделал расчет на то, что подкачавший с биографией писатель будет служить ему и за страх, и за совесть.

Думается, причина не столь прозаична. Сталин высоко оценил симоновское творчество и решил использовать столь популярного, патриотичного и, к тому же, обладающего личным обаянием литератора на идеологическом фронте, дома и за границей. А Симонов, вслед за Фадеевым, совершенно искренне верил Сталину и действительно видел в нем мудрого «отца народов».

В 1940 году на сцене театра Ленинского комсомола была поставлена первая симоновская пьеса «История одной любви». И в том же году закончилась одна любовь писателя и началась другая. Он расстался со своей второй женой, Евгенией Ласкиной, влюбившись в Валентину Серову, знаменитую киноактрису, вдову незадолго до того погибшего воздушного аса, Героя Испании, комбрига А. Серова.

Первой женой Симонова была Наталья Гинзбург, воспитанная в театральной семье, также окончившая с отличием Литературный институт, где и познакомилась с Симоновым. Ей он посвятил поэму «Пять страниц». Литинститут окончила и вторая жена писателя. Она стала затем и.о.заведующего отделом поэзии и прозы журнала «Москва». Пострадала в кампанию 49-го года по борьбе с «безродными космополитами», в которой, по печальному стечению обстоятельств, принимал активное участие ее бывший муж. Во многом ей и ее бывшему мужу мы обязаны журнальной публикацией в середине 60-х годов романа «Мастер и Марга-

рита», предисловие к которому написал Симонов.

От Евгении Ласкиной у него родился в 1939 году сын Алексей, всю жизнь они были очень близки. Бывшую жену Константин Михайлович не бросил на произвол судьбы, помогал, поддерживал.

С Серовой же вышло по-другому. Он любил ее страстно, самозабвенно, как никого никогда не любил потом. Она же больше принимала его любовь, будучи не в силах забыть погибшего мужа. Поэтому и отказалась играть роль списанной с нее героини в спектакле театра Ленинского комсомола по симоновской пьесе «Парень из нашего города», шедшей в начале 41-го года по всей стране. Их непростой роман нашел прямое отражение в симоновских стихах тех лет, составивших один из лучших его поэтических сборников «С тобой и без тебя» (1942 г.). Серовой посвящено и легендарное стихотворение «Жди меня». Оно написано в июле 41-го, перед приказом о его назначении военкором газеты «Красная звезда», когда он ненадолго вернулся в Москву из-под Могилева, где шли тяжелейшие оборонительные бои. Ночевал на даче в Переделкино у известного детского писателя Льва Кассиля и вдруг, в один присест, написал это стихотворение. Он считал его слишком личным и печатать не собирался. Уговорили друзья, и в декабре того же года «Жди меня» появилось на странице «Правды», в одночасье облетев всю страну. Стихотворение переписывали, заучивали наизусть, по-

И опять некая раздвоенность. Теперь — поэтического сознания. «Жди меня», «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...», «Мне хочется назвать тебя женой». А рядом — пылающее беспощадной ненавистью стихотворение «Если дорог тебе твой дом», заканчивающееся призывом-заклинанием:

*Так убей фашиста, чтоб он,
А не ты на земле лежал...
Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!*

Вдохновение и конъюнктура. Парадоксальным образом они уживались в душе Симонова. Тяжелейшие годы войны и первые послевоенные годы голода и разрухи ознаменовались также внушительным количеством откровенно заказных, казенно-патриотических вещей этого мастера. Высочайшие награды не заставили себя ждать. И все, за что они были получены, кануло в лету, подобно опусам куда менее талантливых лауреатов, вместе с которыми Симонов, увы, громил Ахматову и Зощенко после приснопамятного Постановления ЦК партии 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленинград».

Сын, Алексей, пишет, что отец в конце 40-х-начале 50-х годов «был на грани превращения в литчиновника. Нравственные принципы обрели государственный характер, политизировались литературные взгляды. Он, правда, мог потерять себя, и только смерть Сталина и XX съезд его спасли».

У Симонова будет впереди еще Ленинская премия 1974 года за трилогию «Живые и мертвые». Но это совсем другое качество и произведения, и премии полуопальному к тому времени писателю.

А пока он покупает в феврале 46-го у Федора Гладкова за 250 тысяч рублей право на постройку переделкинской дачи в углу старого парка, примыкавшего к бывшей усадьбе бояр Колычевых. Потомку князей Оболенских это место вполне подходило.

Являясь тогда первым заместителем Генерального секретаря Союза писателей Александра Фадеева, Симонов проявил щепетильность и, вместо того чтобы получить в Переделкино по разнарядке литфондовскую дачу, построил ее на собственные деньги — одноэтажный (позднее был пристроен второй этаж) деревянный дом с мезонином и сарай. Поодаль от других писательских дач. Для семейной жизни с Валентиной. И обставил дом, согласно их общему вкусу, отсутствием которого оба не страдали. Обставил именно для жизни, а не для демонстрации благополучия.

Серова переезжала в новый дом с тяжелым сердцем, ей казалось, она крадет мужа у прежней семьи. Алексей Симонов вспоминает: когда его привозили летом погостить к отцу, «тетя Валя» ночью входила к нему в комнату, присаживалась на постель, тихонько плакала и шепотом говорила ему, что ни в чем перед ним не виновата, и что она не уводила отца у его матери.

шили его совести. Он всегда делал то, что считал нужным. Даже когда клеймил Ахматову с Зощенко и позднее участвовал, несмотря на два своих предыдущих «еврейских» брака, в развязанной Сталиным травле «безродных космополитов». Когда, уже в брежневскую эпоху, подписывал письма с осуждением публикации Борисом Пастернаком на Западе романа «Доктор Живаго» и диссидентской деятельности академика Александра Сахарова...

Его честная натура солдата и поэта противилась дружному оплевы-

Хрущев был в ярости и потребовал от Правления СП СССР уволить Симонова из главных редакторов «ЛГ» и журнала «Новый мир». Понизили его рангом и в Секретариате Союза, а вскоре также временно вывели из членов ЦК КПСС. Вокруг вчерашнего баловня судьбы сгустилась атмосфера недоверия.

Другой бы на его месте сломался, но не таков был Симонов. Он сумел сохранить присущее ему мужественное достоинство и вновь совершил неожиданный поступок — уехал с новой женой в Ташкент собкором

Удивительно, что ему, исколесившему на «эмке» все фронты, входившему с нашими войсками в Румынию, Польшу, Югославию, свидетелю последнего яростного сражения за Берлин, — ему хотелось писать на войне лирические стихи, каких он никогда больше не напишет

ванию после смерти Сталина вчерашних «незыблемых» ценностей и самого вождя. «Нет слов таких, чтоб ими рассказать, \ \ Как мы скорбим по вам, товарищ Сталин». Эти строки были написаны Симоновым в день сталинских похорон совершенно искренне. Точно так же, как и вышедшая следом статья в «Литературной газете», главным редактором которой он являлся. В статье Симонов провозглашал главной задачей советских писателей возвеличивание исторической роли Сталина.

«Правды» по Средней Азии. Вернулся оттуда через пару лет с романом «Живые и мертвые», который был принят на «ура» критикой и читающей публикой.

Казалось бы, Симонов вернул свое литературное «я», вновь оседлал фортуны. Выходили достойные его пера повести, романы «Солдатами не рождаются» и «Последнее лето». В 1974 году трилогия «Живые и мертвые» была удостоена Ленинской премии. По его произведениям снимали фильмы А. Герман, А. Са-

харов, А. Столпер. Его вновь избрали членом ЦК КПСС. И все же прежнего почета и положения он уже не достигнет и останется в глазах правителей страны под подозрением в нелояльности, чуждости.

Чуждыми представлялись им неистребимый симоновский аристократизм породы, прозападные вкусы и литературные предпочтения этого по-прежнему щеголеватого писателя военно-патриотической темы (характерно, что некоторые критики называли его военную прозу «офицерской»). Он переводил Киплинга, А. Миллера, Ю.О. Нила, переписывался с Хэмингуэем, послал ему свою переведенную на английский книгу «Дни и ночи», и тот, высоко оценив ее, звал Симонова к себе в гости на Кубу.

Он обрел, наконец, прочный семейный тыл. Его последняя жена Лариса, известный искусствовед, специалист по русскому авангарду, была дочерью Героя Советского Союза генерала А.С. Жадова, вдовой фронтового товарища Симонова, замечательного поэта Сергея Гудзенко. Константин Михайлович стал отцом для ее дочери Кати, потом у них родилась общая дочь Александра.

Ему было с Ларисой хорошо и спокойно. По утрам он диктовал и передиктовывал страницы художественной прозы (пишущей машинкой для своих вещей никогда не пользовался). Провел сенсационное трехчасовое киноинтервью с Г.К. Жуковым. Ему одному из всей пишущей братии согласился дать такое интервью «маршал Победы». Тогда же Си-

монов подготовил к печати дорогую его сердцу, но зарубленную цензурой беспощадно правдивую документальную книгу «100 суток войны» — свои фронтовые дневники лета 41-го. Они вышли лишь в 1992 году, далеко от Москвы, когда их автора уже не было в живых.

Ему хорошо думалось и работалось в Гульрипше, курортном поселке на берегу моря под Сухуми. «Ка Эм», как ласково звали Константина Михайловича друзья и близкие, частенько сбегал туда от столичной суеты. Увы, и там стихи у Симонова больше не рождались.

Ближе к концу жизни (а умер он всего лишь в 63 года) небольшие уже по объему прозаические произведения писателя появлялись все реже и реже, сменяясь путевыми очерками, сценариями, мемуарами. Творческий накал Симонова постепенно гаснет, хотя в 1978 году он еще успел закончить роман «Так называемая личная жизнь». При этом он не цеплялся за былую поэтическую славу и сохранял удивительную для живого классика самокритичность. В одной беседе с ним журналист в очередной раз коснулся легендарного «Жди меня». Константин Михайлович, без тени позы, заметил, что, не напиши он столь востребованное в тот трагический момент стихотворение, его написал бы кто-нибудь другой. Думается, с этим можно не согласиться.

«Я не писал героев с себя, — утверждал в письме Симонов, — я хотел быть таким. В какой-то период все главное, что было в душе, легло в стихи. В какой-то период —

Фото из архива
А.К. Симонова

*С сыном
на даче
в Гульрипши.
1955 г.*

в пьесы. В последние десять лет — в прозу. Но даже в войну, время наибольшей популярности моих стихов, я не считал себя крупным поэтом...»

К себе Симонов всегда относился иронично и «головокружением от успехов» не страдал. Вот любопытный отрывок из его письма старому приятелю, бывшему фронтовому фотокорреспонденту Я. Халипу в ответ на присланные им снимки Симонова разных лет:

«...Фотографии, мой миленький Яшенька, очень хорошие, кото-

рые военные, конечно, и даже некоторые современные. А где-то посредине... почему-то противно глядеть на свою чересчур сытую и самодовольную морду. По ним видно, что что-то не так было в те годы в моей жизни, и ты как выдающийся фотомастер изловил во мне это нравственное неблагополучие... Обнимаю тебя и твои объективы, Твой Костя! 6.V111.73.»

Затаенная в глазах грусть и «нравственное неблагополучие» видны также на поздних фотографиях Кон-

стантина Михайловича. Что-то явно тревожило его душу, не давало покоя. К тому времени он многое пересмотрел в себе и в своих прежних поступках. Во многом раскаялся. Говорил сыну: есть годы, которыми он может гордиться, и есть годы, за которые ему стыдно. Его волновало, может ли он смотреть в глаза своим детям? Думал, что может.

Его общественный темперамент требовал выхода. Герой Социалистического Труда, кавалер трех ор-

Маяковского и восстановление авторской выставки поэта «XX лет работы», первая посмертная выставка Татлина, пробивание спектаклей в «Современнике» и театре на Таганке, участие в трудной кинематографической судьбе Алексея Германа и других видных режиссеров, писателей, художников.

Тысячи писем разных людей к Симонову хранятся в его фонде в ЦГАЛИ и среди них ни одного неответленного. Там же — десятки томов, названных им «Все сделан-

Что-то явно тревожило его душу, не давало покоя. Он многое пересмотрел в себе и своих прежних поступках, во многом раскаялся. Говорил сыну: есть годы, которыми он может гордиться, и есть годы, за которые ему стыдно. Его волновало, может ли он смотреть в глаза своим детям? Думал, что может

денов Ленина, он, на правах члена ЦК и одного из секретарей Союза писателей, с головой окунулся в пучину «малых дел». Впрочем, не таких уж и малых.

Возвращение читателям Ильфа и Петрова, «Мастера и Маргариты», выход романа Хэмингуэя «По ком звонит колокол», «крамольной» повести В.Кондратьева «Сашка» — вот далеко не полный перечень издательских заслуг Симонова в 60-е и 70-е годы. А были еще отстаивание места Лили Брик в биографии

ное»: ходатайства, записки, обращения, рекомендации, отзывы, характеристики, разборы, советы, предисловия, помогавшие увидеть свет работам начинающих коллег. Он проявлял особую заботу и внимание к «товарищам по оружию» — выбивал им неполученные награды и квартиры, доставал дефицитные лекарства, очки, протезы, хлопотал о путевках в санатории...

Поэт и переводчик В. Еременко вспоминал: «Из наших бесед сложилось впечатление, что Симонов...

как бы замаливал свои грехи молодости, когда он слишком ревностно выполнял волю и линию высоких партийных инстанций». Думается, все это не столь однозначно. Подобно любой масштабной личности, «Ка Эм» с течением времени внутренне менялся. Менялись его взгляды и убеждения. В том числе, и по отношению к Сталину. Без всякого принуждения он в 1965 году, выступая с докладом «Писатели и история», признал, что именно 37-й год привел к тяжким поражениям первых месяцев войны.

...Появление Симонова в культовом Дубовом зале ресторана Центрального Дома литераторов всякий раз привлекало всеобщее внимание, как и везде, где он появлялся. Мне довелось наблюдать его зимним вечером 1976 года. На почетном столике в углу у камина перед ним стояли початый графинчик с коньяком, фирменный салат и порция миног. Отложенная, дымилась у тарелки на скатерти неизменная трубка («...коньяк, табак, две порции тоски...»). Симонов казался полностью погруженным в себя и не замечал никого вокруг, тихонько барабаня пальцами по краю стола. И вдруг увидел краем глаза неловко пробиравшегося через зал пожилого, скромно одетого человека. Быстро встал со стула и, приветственно махнув ему рукой, картавя, крикнул, перекрывая гомон зала: «Боря, чего ты там тушуешься? Гребни сю-

да!» И, усадив этого человека за свой стол, тут же переключился на оживленный дружеский разговор с ним, назаказав ему деликатесов и поминутно наполняя его рюмку.

Подошли какие-то важные люди, стали показывать Симонову на часы, куда-то настойчиво звать. Пожилой знакомый за столиком попытался подняться, но Константин Михайлович удержал того за плечо и продолжил застольное общение.

ЦДЛ многим обязан Симонову. Все последние годы он был вдумчивым и энергичным председателем правления Дома литераторов, вникал в его дела и заботы, хлопотал, где надо, о нуждах Дома, часто вел в Большом зале вечера памяти ушедших писателей. Возглавив комиссию по подготовке празднования 100-летия со дня рождения А. Блока, не дожидаясь года до юбилея своего любимого поэта. Эмфизема легких. Он переносил смертельную болезнь мужественно, работая вплоть до последнего дня. Снимал с Чудаковой документальный фильм о Булгакове. Правил корректуру книги «Разные дни войны», одной из лучших в его творческом наследии. За неделю до смерти неожиданно сказал по телефону сыну Алексею: «Горжусь, что у меня есть такой сорокалетний друг, как ты». Это был, по признанию Алексея Кирилловича, лучший ему подарок от отца. Нашел, какие слова оставить на память и дочерям. 28 августа 1979 года Константина Симонова не стало.

Гроб утопал в траурных венках на сцене того же Большого зала Дома литераторов, и проститься с «Ка Эм» весь день с раннего утра шли вереницы людей. По улице Герцена (нынешней Большой Никитской), куда выходит новое здание ЦДЛ, и по улице Воровского (ныне — Поварской), где расположен старинный олсуфьевский особняк, в 1934 году переданный под писательский клуб. Отдав последний долг покойному писателю, пришедшие проститься с ним спускались к накрытым в фойе, в кафе и ресторане Дубового зала поминальным столам. Их заказал незадолго до смерти сам Константин Симонов.

Согласно завещанию, прах писателя его жена и дети развеяли над Буйничским полем под Могилевом. Там он «впервые в июле 41-го года видел, как наши в течение одного дня подбили и сожгли 39 немецких танков». Там военкор «Красной звезды» чудом остался в живых, пробиваясь с воинскими частями из окружения. На краю поля установили гранитный валун и выбили на прикрепленной к нему табличке даты жизни и факсимильную подпись К.М. Симонова. Спустя полтора года там же развеяли прах Ларисы Жадовой, пожелавшей после смерти быть рядом с мужем.

Имя Симонова носят улицы в Москве, Казани, Волгограде, Могилеве. Мемориальные доски установлены на стене рязанской школы, где он учился, и московского дома, где

Фото из архива
А.К. Симонова

жил после войны. Несется по своей космической орбите астероид «Симонов». Назван этим громким именем комфортабельный четырехпалубный теплоход. Но, главное, не уходит из памяти поколений проникновенная симоновская лирика. А переведенная на десятки языков мира военная проза писателя по-прежнему пользуется читательским спросом.

«Всю жизнь любил он рисовать войну...» Это строка из широко известного симоновского стихотворения, относящаяся к его книгам. Есть в стихотворении и другая строка: *«Всю жизнь любил он пробовать сердца»*. Это — уже лично про Константина Михайловича Симонова. □

Ирина Опимах

Нимфеи

Моне, Клода

или Роман с кувшинками

Клода Моне, одного из вождей импрессионизма, называли «Рафаэлем воды», «первооткрывателем цвета». Сегодня он — признанный гений, его картины украшают лучшие музеи мира, они стоят баснословных денег на аукционах. Но сам он всегда был к себе невероятно требователен, и однажды, будучи уже признанным мэтром, уничтожил более тридцати своих полотен...

14 ноября 1840 года у парижского бакалейщика Клода-Огюста Моне родился сын. При крещении ему дали имя Оскар, которое он в семнадцать лет поменял на Клода. Вскоре Моне переехали в Гавр — у мсье Клода-Огюста была здесь своя лавка. Море, гавань, суда, толпы народа, пестрота одежд, суэта разноязычной толпы — все эти образы детства позже нашли место на полотнах Моне.

юного Клода и посоветовал ему попробовать себя в изображении ландшафтов. Но что такое Гавр — провинция! Все интересное происходит в столице, и Клод собрался в Париж. Родители совсем не приветствовали решение сына, но что делать с этим упрямым? В Париже Клод сразу поступил в Академию Сюисса, где познакомился с другими такими же начинающими художниками, как и он сам.

Клод рано взял в руки карандаш. Его едкие шуточные рисунки, неожиданно для родителей, имели большой успех — соседи Моне и другие обитатели Гавра с удовольствием покупали их в ближайшей писчебумажной лавке. Первым учителем Клода стал пейзажист Эжен Боден. Он высоко оценил карикатурный дар

Но долго наслаждаться новой жизнью ему не пришлось — его призвали в армию, на два года в Алжир. В 1862 году Клод заболел лихорадкой, и, к счастью, его комиссовали. Вернувшись в родительский дом, он полгода приходил в себя после болезни и суровых армейских буден. В Гавре он встре-

тился и подружился с Иоганном Бартольдом Ионгкиндтом, оказавшим на него огромное влияние и своим художественным стилем, и отношением к искусству. Именно Ионгкиндт показал Моне, что только под открытым небом, на пленэре можно уловить тончайшие движения воздуха, жизни, природы.

соучеников поработать в Шайо, вне стен их мастерской. Потом они писали море в Онфлере.

Неожиданно для всех приятель Моне Базиль продал две картины Клода, а еще две картины, выставленные в Салоне 1865 года, сделали Моне знаменитым. Окрыленный успехом, Клод работал как безумный,

Вернувшись в Париж, Клод записался в школу Глейра. Он был замечательным учителем, но, к сожалению, приверженцем классической манеры, а его учеников влекло совсем иное. Они — ниспровергатели всего традиционного, официального. Моне, этот смутьян и бунтарь, однажды подбил своих приятелей-

а тут еще в его жизнь пришла любовь — он познакомился с восемнадцатилетней Камиллой-Леонсией, дочерью весьма небедного господина Донсье. Роман Клода и Камиллы стал основой сюжета известного романа Золя «Творчество». Художники, друзья Моне, сочли этот роман гнусным пасквилем и рассо-

*«Прогулка.
Камилла
Моне
с сыном
Жаном
(Дама
с зонтиком)»*

рились с писателем, своим бывшим приятелем.

А неугомонный Моне задумал новое полотно, которое должно потрясти парижскую публику, — «Завтрак на траве», композиция которого вторит известному «Завтраку на траве» Мане, только вот у Клода все персонажи должны быть одеты. Однако

картину пришедшие на вернисаж не увидели — ее пришлось отдать хозяину дома в Шайо в уплату за жилье. Судьба у картины оказалась довольно грустной — позже, по совету Курбе, Моне разрезал полотно на три части. Сохранились правая и центральная части, а куда делась третья, никто не знает.

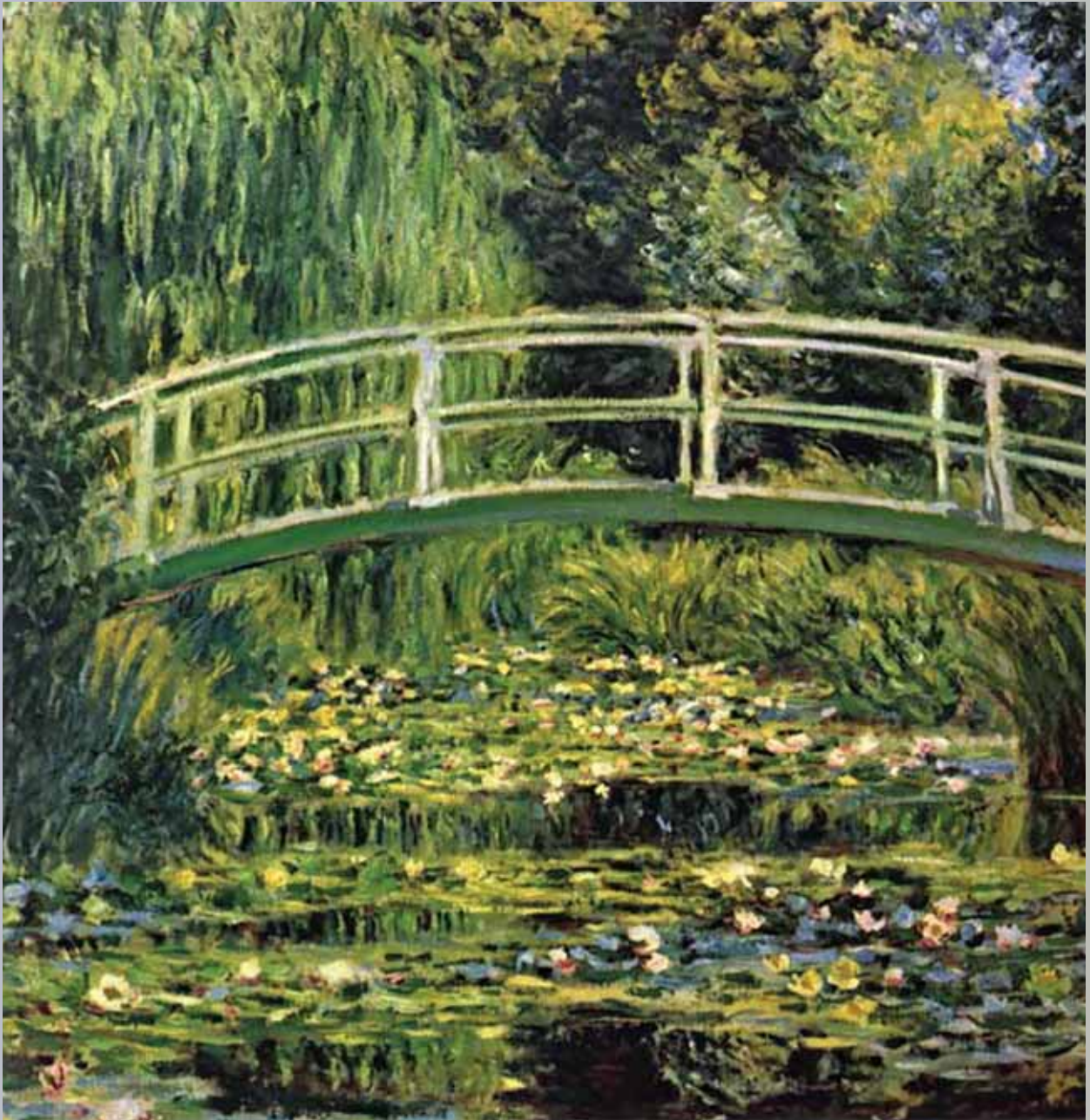
Справа:
*«Белые
кувшинки»*

*«Бульвар
Капуцинок»*

Моне работал много, но при этом оставался практически нищим. После первых успехов его работы перестали брать на выставки, официальный Салон, законодатель моды в живописи, его решительно не принимал. Мелкие стремительные мазки, внезапные вспышки света, лишённые четких очертаний фигуры — все это так далеко от привычных картин модных художников.

Он страшно нуждался, пришлось даже вернуться в родительский дом, а беременная Камилла осталась в особняке господина Донсье.

В 1868 году у Клода и Камиллы родился сын Жан. Молодым родителям было очень трудно, и на помощь пришли друзья — Мане давал ему деньги, Ренуар и Базиль покупали продукты. А Моне — он, как всегда, трудился дни и ночи, разра-

батывая новые приемы изображения света, движения воды. Он хорошо понимал новаторское, революционное значение своих живописных открытий. «То, что я делаю, хорошо уже тем, что ни на кого не похоже», — писал художник.

В 1870 году Камилла и Клод соединились законным браком, и приданое жены дало возможность семейству Моне безбедно прожить

пять лет. В эти годы он создал свои лучшие работы: «Поле маков», виды Сены и чудесный «Бульвар Капуцинок». Эта поразительная картина сохранила дух Парижа 1870-х, запечатлела мир очаровательных парижанок, мир моды и блеска, газетных новостей и театральных сенсаций, бульвар, по которому прогуливались Мериме, Бальзак, Дюма. Среди работ тех лет и самая известная кар-

«Впечатление. Восход солнца»

тина — «Впечатление. Восход солнца». Это полотно, показанное в 1874 году на знаменитой выставке «Анонимного общества живописцев, художников и граверов», вызвавшей грандиознейший скандал и разруганной всеми парижскими критиками, дало название целому направлению в живописи — импрессионизму.

Первым оценил и стал покупать картины Моне умный и практичный Поль Дюран-Рюэль, известный в Париже маршан и настоящий ценитель живописи. С 1881 года он делал это постоянно, однако не забывал и о своей выгоде. Купив у Моне «Уголок

сада в Монжероне» и «Сток сена в Живерни», торговец заплатил художнику 300 франков, а продал эти две картины русскому коллекционеру И. Морозову за 5000 франков! Но, так или иначе, Дюран-Рюэль помогал Моне выкарабкаться из нищеты. Он же познакомил его с Эрнстом Ошеде, известным финансистом, меценатом и издателем газеты «Искусство и мода». Ошеде, искренний поклонник творчества Моне, пригласил художника пожить в своем доме. Семейства Моне и Ошеде подружилось, и когда в 1878 году Эрнст разорился, они вместе сняли дом в Вейтеле.

«Сад в Аржантее (Георгины)»

Тем временем Моне без устали продолжал искать свой путь в искусстве. Теперь его занимал аналитический подход к реальности, он изучал природу и показывал мир в разных состояниях, словно препарировав его и пытаясь осмыслить.

Постепенно ему удалось выбраться из нищеты — его картины покупали, и уже никто не ругал его в газетах. Но жизнь художника не щадила — тяжело заболела Камилла, за которой заботливо ухаживала Алиса Ошеде, к этому времени уже овдовевшая. А когда Камилла умерла, именно Алисе удалось утешить потерянного, несчастного

Клода, в 1892 году она вышла за него замуж.

Через год Моне смог купить дом в Живерни — на полпути между Парижем и Руаном — и поселился там вместе со своим большим семейством — Алисой и детьми, своими и Ошеде. Ему очень нравился этот уголок сельской Франции. «Мое сердце навечно в Живерни», — признавался Клод. Здесь, среди удивительных по красоте ландшафтов сельской Франции, он формировал ту среду обитания, которая, как ему казалось, приближалась к некоему идеалу. Он создавал свой сад, как картину, только вместо красок ему служили на-

стоящие цветы, которые Моне тщательно отбирал по оттенкам, иногда смешивал, а иногда разделял на отдельные островки. «Это лучший из моих шедевров», — гордо говорил он друзьям о своем саде, а Марсель Пруст писал о нем так: «Сама приро-

С неподвижным взглядом, небрежно одетый, с жутким выражением лица — он напоминал раненого зверя.

— Что с вами случилось? У вас неприятности? Да скажите же, наконец, что произошло? — спросили его.

«Поле маков у Аржантея»

да становится картиной, освещаемой внимательным глазом художника. Этот чудесный и гармоничный сад — самый первый эскиз или готовая к работе палитра».

Моне обожал свой сад. Как-то утром он появился перед своими домочадцами ужасно расстроенным.

— Ничего, говорю вам, ничего! — отвечал Клод, а потом вдруг остановился и закричал: — Случилось непоправимое! Вчера была буря! У меня в саду сломались два дерева! Понимаете? Два дерева! Это больше не мой сад! — И, расхаживая взад и вперед, продолжал бормо-

тать: «Это больше не мой сад, это больше не мой сад».

Но это был его сад, и в этом саду был роскошный пруд — ради него Моне пришлось упросить местного префекта «осуществить перенос русла небольшого притока Эпты, из-

покрытый кувшинкам и лилиями. Вот эти кувшинки и лилии, его нимфеи, и стали излюбленными моделями Моне на несколько лет. В 1900 году в галерее Дюран-Рюэля были выставлены десять полотен серии «Пруд с кувшинками». Но и потом

вестного как "общественный ручей" и протекающего по принадлежащему мне участку земли». После различных экспертиз, работы специальной комиссии, установки водозапорных устройств Моне все-таки получил роскошный пруд. Длинный, с изломанными краями, с мостиком в японском стиле, окаймленный плакучими ивами и раскидистыми тополями, весь

эти цветы не переставали быть темой художника. Дождливым летом 1903 года он писал: «Работаю как одержимый, урывая время между двумя ливнями. Пока это всего лишь наброски, но, надеюсь, мой труд принесет плоды». Работе мешал не только дождь — кто только не хотел увидеть знаменитого художника, поговорить с ним. Осо-

«Дама в саду»

бенно много было американцев — в Живерни побывали почти все известные американские художники-импрессионисты.

В 1904 году Моне создал около десятка полотен, запечатлевших кувшинки Живерни. 1907 год тоже прошел под знаком нимфей. Ранним утром, с первыми лучами солнца, Моне устанавливал мольберт на берегу своего пруда и начинал работу. Нимфея — капризное создание, не любит ни дождя, ни ветра, а стоит летнему солнцу чуть склониться к горизонту, как сразу закрывает от

всех свою красоту, складывая лепестки.

— Давайте в этом году снова устроим большую выставку нимфей, — предложил художнику Дюран-Рюэль и неожиданно получил твердое «нет».

Аргументы были таковы: мастеру казалось, что эти полотна весьма посредственны. Он всегда был очень требователен к себе и готов был разорвать в клочки свои картины, если они ему не нравились. Однажды один из гостей Моне, зайдя в сад, увидел поднимавшиеся к небу густые клубы

«Японский мостик»

дыма. «Мсье, что это — пожар?» — спросил испуганный гость. «Да, — ответил Моне, — пожар. Великий пожар». И тут гость увидел костер, в котором догорали куски холстов. «Пример мне подал еще Мане, — объяснил происходившее художник. — После его смерти антиквары прямо-таки набросились на его картины, хватали все подряд, вплоть до черновых набросков. Этого-то я и боюсь, а потому предпочитаю уничтожить своими руками все, что мне не нравится». И он уничтожил более тридцати своих полотен.

Сколько готовых картин с изображениями нимфей погибло тогда, в 1908 году, под ударами его ножа, сколько сгорело в костре... Отдельные фрагменты, к счастью, спас сын художника Мишель. Ведь неудачи большого мастера порой тоже очень интересны. После этого действия Моне написал Дюран-Рюэлю, что случившееся «наконец-то освободило его», и теперь он сможет понастоящему приступить к работе. «Пусть это выше моих стариковских сил — (а он всегда делал то, что выше его сил) — но я очень хочу пере-

Автопортрет

дать на холсте то, что чувствую. Какие-то работы я уничтожил, ... к каким-то другим вернулся... надеюсь, после стольких трудов из этого все-таки что-то выйдет».

Прошел год, и в Париже в галерее Дюрана открылась выставка Моне. На ней было показано 48 великолепных картин с кувшинками. Это был настоящий триумф! Парижские критики с восторгом отмечали, что в эпоху Бергсона, Пикассо и Дюшана «как-будто не принято говорить, что художники должны изобретать новые чувственные измерения. Но Моне сделал именно это». А посетители выставки просто наслаждались красотой, сотворенной на холсте великим импрессионистом.

Моне посчастливилось дожить до того времени, когда его творче-

ство получило признание не только во Франции, но и во всем мире. Цена на его полотна достигала 40 тысяч франков, по всей Европе проходили его персональные выставки.

У этого человека было какое-то удивительное мужество, кажется, он мог преодолеть все, что посылая ему судьба. Ему пришлось похоронить двух жен (Алиса умерла в 1911 году), старшего сына Жана (в 1914 году), пережить всех своих друзей-импрессионистов, но дух его не был сломлен. А главное, он по-прежнему активно работал! И снова моделями стали его любимые кувшинки. Он писал серию монументальных «Декоративных панно с кувшинками» в специально построенной для этой цели просторной мастерской с верхним освещением. Во время Первой мировой войны Моне, истинный патриот, объявил, что передаст эту серию панно в дар Франции. (Но они окажутся в музее уже после смерти художника: Моне до последних дней не хотел расставаться с этими работами, они очень много для него значили.) А потом судьба нанесла ему еще один удар — стали слабеть глаза. Катаракта. Что может быть страшнее для художника! На его последних картинах видно, как не хватает ему прежнего чувства света и цвета. Операция, на которую он решился в 1923 году, принесла лишь временное и незначительное улучшение. «Я буду рисовать, даже став окончательно слепым — ведь глухой Бет-

ховен мог сочинять музыку!» — заявлял Моне. Никто не имел права отобрать у него кисти и краски, даже болезнь, даже старость...

Клод Моне умер 5 декабря 1926 года, в своем любимом Живерни, созданном им самим для себя и своих близких. Там же он и был похоронен, как просил — без шумихи и официальных лиц, так, как хоронят французских крестьян. «Не хочу заставлять друзей печалиться, провожая меня в последний путь. Глав-

тью он думал о своем саде, о своих цветах.

А уже через полгода в «Оранжереи» торжественно открылась экспозиция «Декоративных панно с кувшинками». Кое-кто из критиков писал: «Работа старика», «В картинах чувствуется усталость». Простим их, может, где-то они и правы, но какое наслаждение испытывает каждый, оказавшийся в этой, как называют сегодня «Оранжереи», Сикстинской капелле импрессионизма, ка-

ное, запомните — не надо никаких цветов, ни венков. Это все пустая суета. Да и жалко мне губить цветы. Им место в саду». Даже перед смер-

кое счастье побывать в прекрасном, живом мире любимых нимфей Моне. Его роман с кувшинками продолжается... □

Книга прозы «Росомаха» писателя Ивана Переверзина удостоилась престижной международной премии «Золотое перо России».

*Ты пойми, я жить хочу в России,
той, незабываемой, где свет
от берез исходит бело-синий
или сине-белый тыщу лет.
Где луга и поле Куликово
и Москва — заветная река,
где впервые открывалось слово,
пушкинская вечная строка...*

*А еще там храмы и соборы
осиянных славою времен
и души — надежда и опора —
колокольный восходящий звон.*

Иван Переверзин:

«Красота спасет мир. Я в это верю»

Иван Переверзин, поэт, прозаик, публицист, общественный деятель и меценат, — личность невероятно

многогранная. Одна за другой выходят в свет его прозаические книги и сборники стихов. Он возглав-

ляет Международное сообщество писательских союзов (в которое входят представители 27 стран). И вообще, Иван Переверзин — это сплошной сгусток энергии. Все, за что бы он ни брался, получается лучше всех. Лидерство у него в крови.

Между тем биография Ивана Ивановича очень сложная. Как ни странно, жизнь его тесно связана не только с творчеством, но и с сельским хозяйством. Он прошел путь от простого скотника до директора совхоза и члена правительства Якутии. Пишет прекрасные лирические стихи и в то же время профессионально знает, как выращивать капусту, доить коров, валить и сплавлять лес.

Родился он в Якутии, но уже давно живет в Москве. Такой вот якут-москвич... Трудно найти «сферу неприменения» его сил, знаний и талантов.

КОРНИ И КРОНЫ

— Иван Иванович, начнем издаleка. Как вы оказались в Якутии?

— Во времена столыпинских реформ россиянам выделялись подъемные деньги. Люди оставляли насиженные места и отправлялись в дальние края на поиски новой жизни и счастья. Среди них были и мои предки. Они обосновались на бере-

гу Лены, здесь был построен небольшой поселок. Кстати, фамилия моего деда по матери — Ленский. Видно, судьба его привела на великую реку Лену. Красивая фамилия. И дед с бабушкой у меня были удивительные, красивые и сильные.

Дед очень любил путешествовать, легко менял место жительства. Перед самой войной они отправились на Камчатку. Летом срок первого решили навестить родину — Южный Урал, но не доехали, началась война. Обстановка была сложной. Дед пошел в военкомат, попросился на фронт. Но выяснилось, что у него язва желудка. Поэтому направили его в один из совхозов. Кормить армию — тоже дело ответственное. Дед работал трактористом, выращивал капусту, бабушка Вера доила коров. У них родилась моя мама — Ниночка.

Поселки, где работал мой дед, и жили родители отца, находились в двадцати километрах друг от друга. Отец вернулся с фронта с орденами и медалями, весь из себя красавец-офицер, тогда они с мамой и познакомились. Она была очень красивой, с точеной фигуркой. Они полюбили друг друга и поженились. Отцовские корни — на Украине, материнские — Южный Урал. В результате их союза появились на свет мои сестры, потом я и брат Николай.

Я родился в 1953 году в поселке вблизи Якутска с 9-го на 10-е марта. Думали, какой день лучше запи-

сать в метрике. Решили, восьмого празднуем Женский день, девятого — «отходняк», а десятого — опять праздник, мой день рождения. Так каждый год и отмечаем эти три праздничных дня.

ДЕТСТВО. ОДА КАПУСТЕ

— Ваше детство прошло в суровых условиях севера. Какие самые яркие впечатления остались в памяти?

— Так получилось, что основная часть моей жизни, начиная с раннего детства, связана с сельским хозяйством. С семи лет я работал в поле, косил сено, выращивал капусту. И мой заработок очень помогал семье.

Вот как описывает свое детство в рассказе «Капитоновка» сам Иван Переверзин:

«...Место нового жительства было удивительно красивым: с одной стороны, в двадцати метрах от дома, — протока с немного вязкими, илистыми берегами, поросшими высокими ярко-зеленого цвета камышами, на которых, чуть повыше от камышей, рос березовый лес вперемежку с боярышником и раскидистыми кустами шиповника, расцветающими по весне так дружно и ярко, что глаз не оторвать! С другой стороны возвышались песчаные лобастые сопки, покрытые густым,

но низкорослым сосняком. Сопки хоть и были в высоту не более трехсот метров, но позволяли нам, сельской ребятне, взобравшись на них, оттуда, с высоты птичьего полета любоваться красавицей Леной, несущей свои величественные воды к Ледовитому океану в трех километрах от нас...»

Впитывая в себя эту неброскую, но мощную красоту севера, Иван уже тогда, сам того не сознавая, вынашивал, копил в душе стихотворные строки, рифмы и ритмы. А позже они полились на бумагу с такой же экспрессией, как и сибирские реки...

« ... на все лето моя трудовая деятельность с сенокосных угодий перемещалась на капустное поле. Оно начиналось сразу за протокой, в каких-то трехстах метрах от дома, но переезд через реку находился километром ниже по течению, и поэтому приходилось делать значительный круг, чтобы добраться до него. Но, умея плавать, я часто, если позволяла погода, и не лил дождь, просто раздевался догола, брал всю рабочую одежду в одну руку и переплывал протоку.

На капустном поле я трудился в поте лица не один, а с сестрой Натальей, старше меня на четыре года...

... через каждые сорок-сорок пять сантиметров останавливаешь-

ся, наклоняешься и свободной рукой сажаешь капустный кустик. И так весь световой день. Но посадить капустную рассаду мало, надо еще ее полить, причем обязательно вручную. Делалось это так: по обоим краям поля расставлялись обыкновенные железные емкости из-под горючего, наполненные проточной водой, которую на лошадях в двухсотлитровых бочках привозили жилистые мужики. Мы с сестрой брали ведра, наполняли их прогретшейся за день под палящим солнцем водой и ковшиком выливали под каждый кустик рассады. ...

Норма посадки рассады капусты, как сейчас помню, составляла на одного работника одну тысячу двести кустиков. Я ежедневно делал по две, а то и по три нормы! Уставал страшно, но уж больно хотелось показать себя и не подвести в глазах односельчан своего отца: пусть видят, какой хороший, работающий сын у него подрастает. А то, что мне едва исполнилось девять лет, только возвышало меня в глазах старых, знающих цену труду рабочих.

После окончания посадки мы с сестрой Натальей до самого конца лета занимались прополкой, рыхлением, подкормкой минеральными удобрениями благодаря жаркому солнцу и хорошо организованному поливу растущей как на дрожжах капусты. И правда, она вырастала на славу! Вилки в своем наливе вы-

махивали размером больше человеческой головы и весили до пятнадцати килограммов, прямо как арбузы!..»

— Как же так, Иван Иванович, я думаю, этот вопрос вам многие задавали: Крайний Север, зона вечной мерзлоты, и такой урожай?

— Все дело в резко-континентальном климате. Зимой морозы доходят до 60 градусов, а летом — до сорока тепла. Резкое потепление начинается примерно в середине мая. Буквально за неделю грунт прогревается на глубину до полутора метров, затем еще неделя уходит на то, чтобы вспаханная земля прогрелась, и, пожалуйста, можно высаживать все, что душе угодно. Но поскольку в начале сентября уже на землю ложится снег — до следующей зимы, то в северном сельском хозяйстве используют специально выведенные сорта овощей со средним вегетационным периодом от 80 — до 100 дней.

Из повести «Капитоновка»:

«...Оглядываясь в памяти на тот период своей жизни, скажу честно: мне совсем не было обидно оттого, что в то время, когда я под палящим солнцем, атакуемый со всех сторон проклятыми комарами и мошкаррой, не разгибаясь, с утра до позднего вечера, грубо говоря, горбатился, истекая уж не зная каким по счету

жгущим не меньше палящего солнца соленым потом, мои сверстники в двух шагах от меня играли в мои любимые игры — футбол, лапту, горюшки, купались в реке, загорали... И сейчас я об этом нисколько не жалею...»

Иван Переверзин считает, что именно тогда закалился на всю оставшуюся жизнь. Принял «боевое крещение» солнцем, небом и водой. Эти стихии стали для него главными.

— И все-таки, Иван Иванович, была ли, в самом деле, острая необходимость так изнурять себя в детстве? Ведь летние полевые работы — это и не всякому взрослому под силу... Вас заставляли?

— У каждого свое понимание смысла жизни и отношения к труду. Меня ни мать, ни отец палкой на работу не гнали. Просто семье была необходима помощь, и немалая! Мой отец воевал, дошел до Берлина и вернулся трижды раненым, дважды контуженным. В результате он заболел полиартритом. Необходимо было ежегодно, чтобы болезнь не прогрессировала, проходить обследование в больнице, требовалось и курортное лечение грязями. Поэтому он летал за тридевять земель от Якутии — в солнечный, знаменитый своими водами Пятигорск. Денег не хватало, спасались своим приусадебным хозяй-

ством, держали кур, свиней и корову по кличке Марта. Мать после последних родов подолгу болела. Единственным кормильцем в семье был отец. Но, работая управляющим отделения в совхозе «Якутский» он получал зарплату всего в сто сорок рублей, деньги, по тем послевоенным временам, маленькие. Наша с Натальей работа в летнее время приносила небольшой, но необходимый заработок. По крайней мере его хватало на то, чтобы нас, четверых ребятишек, одеть не хуже других к школе. И все же отец с пулей в руке так и умер...

— Вам приходилось нелегко. Никто не приносил вам на блюдечке благополучие и успехи. Позади серьезные суровые жизненные университеты. Вас трудно выбить из колеи?

— Я могу от неожиданного удара как бы чуть-чуть остановиться. Но не от отчаяния и растерянности. Мне просто нужно время — найти решение, как достойно ответить. Однажды мне довелось встретиться с удивительной женщиной, Кларой Исаковной Усман. Она была уже в пенсионном возрасте, но продолжала работать, ей не хотелось мириться с одиночеством и скукой. У нее были особые правила, по которым она жила. Клара Исаковна по-матерински опекала меня и передала свою мудрость, за что я ей очень благодарен.

Сегодня я живу по этим правилам.

Первое: если хочешь жить сам, давай жить и другим. **Второе:** если не хочешь потерять все — отдай половину. **Третье:** если тебе хочется купить что-то непреходящее — драгоценность, картину, скульптуру, то займи, но купи. Долг все равно рано или поздно отдашь, а ценная вещь останется с тобой навсегда.

Четвертое: не хотят уважать, пусть боятся.

— Живи так, — сказала она мне когда-то, — и у тебя все будет нормально.

По этим правилам живу, и многое получается.

КОРОТКАЯ ВИКИПЕДИЯ

— Мы немножко ушли вперед. А что было после школы и капустных полей?

— Очень много всего было. Прежде чем стать директором совхоза, я работал прорабом на стройке, начальником строительного управления, начальником участка леспромпхоза, заместителем главного инженера по подготовке и организации производства. Мне удавалось добиваться на всех этих участках очень высоких результатов. Наверное, поэтому позже меня пригласили в правительство Якутии.

ЧУТЬ РАНЬШЕ...

— Я очень много лепил из пластилина. Первое впечатление детства — сижу на полу и что-то леплю. Мне четыре года. Родители думали, что буду скульптором. Потом сильно «заболел» морем, просто мечтал стать морским офицером. Пришло время служить в армии, и судьба распорядилась по-своему. Я не прошел медицинскую комиссию. Меня чуть ли не в инвалиды записали. Некоторое время я пребывал в шоке и решил отдаться на волю Всевышнего — будь что будет! Поступать в любой вуз, лишь бы получить фундаментальное образование, не захотел. Если мне суждено чего-то добиться в жизни, то это все равно должно произойти, биография сама сложится. А пока можно начать и с нуля.

Я попросил отца, который возглавлял отделение в совхозе «Якутский», принять меня на работу в качестве скотника. Убирал за коровами, косил сено, пас коров. Получил права тракториста широкого профиля. Прошел через скандалы — перевыполнял свою норму в три-четыре раза. Не верили, проверяли. Но от правды никуда не денешься. Просто я всегда стремился быть первым. Пахал поле, а сам при этом чувствовал, что создан для чего-то другого...

Но до этого «другого» пришлось «пахать и пахать». Например, работал слесарем по ремонту двигателей. И это тоже особая страница моей жизни.

ПАРКЕТНЫЙ ЗАЛ В МОТОРНОЙ МАСТЕРСКОЙ

— **Какие двигатели вы ремонтировали?**

— Это был ремонт громадных машин «БелАЗов», которые возят руду. Мы старались ремонтировать так, чтобы машины не простаивали и не выходили из строя как можно дольше. Для новичков все начиналось с самой грязной работы — залезаешь под машину и спускаешь масло. А вот четвертый-пятый разряд слесаря позволял проникнуть в настоящий «дворец» и почувствовать себя своеобразным художником. Представьте себе — громадный гараж, с трехэтажный дом. В моторном зале — паркетный пол, стерильная чистота. Двигатели сначала разбирали, мыли, потом собирали, снова мыли. Затем обкатывали их до совершенства и только после этого отправляли в работу.

В это же время я по вечерам учился, чтобы получить диплом для работы на больших мощных тракторах — американских, японских, челябинских.

РУБИШЬ ЛЕС — ЩЕПКИ ЛЕЯТ

— А потом решил поработать в леспромхозе. Сложно, экстримно, но увлекательно. Сучкоруб — это первая ступень, дальше — раздел древесины, сплав леса по бурной реке. Подходил трактор к эстакаде, сбрасывал деревья в воду, нужно было прыгнуть вниз, скрутить эти деревья, упрятать под трос, и вперед. Каждый раз в ходе этого процесса в крови бурлил адреналин.

В это время у местных крестьян возникла проблема — подошло время сева, а пахать некому. Лучшим трактористом на всю округу считался Иван Переверзин. Все его наперебой приглашали — вспаши, ради бога! Начальство разрешило, и за десять дней вспахал все фермерские поля по высшему классу.

Затем случилось так, что в местном хозяйстве срочно потребовался плотник. И стал Иван Переверзин плотником. Строгал доски и иногда по-прежнему думал, что создан для чего-то «другого»...

— Кем же вам довелось еще поработать, прежде чем начали рождаться стихи?

— Освоил все строительные профессии: печника, штукатур, маляра, краснодеревщика, и очень благодарен за это судьбе. Те, кто был

рядом, восхищались — рукастый какой!

Но мне всегда хотелось двигаться вперед.

Именно поэтому я оказался в Хабаровском лесотехническом техникуме. Экстерном окончил его за год. Красный диплом дал мне право сдать только один профилирующий экзамен по математике и поступить в институт, а затем работать мастером и прорабом в леспромхозе. Мне предложили должность начальника участка. Дескать, то, что не сделал прежний руководитель, сумеешь сделать ты. Участок был сложным. Я колебался, но меня все же уговорили. Мне было тогда 27 лет.

И вот как раз в этот период я столкнулся с двумя очень большими проблемами. Одна из них стоила мне первых седых волос...

Я как руководитель отвечал и за снабжение электричеством поселка. Заведующий поселковой электростанцией предложил перед Новым годом поставить главный дизель мощностью в одну тысячу двести киловатт на профилактику. Человек он был опытный, его мнению доверяли. Однако после окончания профилактики при запуске дизеля срезало шлицы на валу, приводящем в работу топливный насос.

Я сразу понял, это начало беды. Запасного исправного насоса не оказалось, пришлось срочно везти старый в ремонт за сто с лишним

километров в районный центр. Было ясно, что раньше чем через два дня отремонтированный насос не начнет функционировать. Кроме того, моторист допустил ошибку в обслуживании резервного двигателя. Дизель остыл, и в баллонах не хватило сжатого воздуха для его запуска. Это уже была почти катастрофа.

А мороз все крепчал и крепчал. Телефон в диспетчерской электростанции разрывался. Звонили из школы, из дома культуры, больницы — когда же дадут свет? Мы понимали, что, если до вечера не запустить какой-нибудь дизель, действительно разразится настоящая катастрофа. Будет выведен из активной жизни целый поселок с населением две тысячи человек.

Что делать? Я срочно сообщил о ситуации первому секретарю райкома партии. Собрали всех бывших и действующих специалистов по двигателям и поставили перед нами задачу — ищите выход. И тут начальник электростанции, долго молчавший, вдруг произнес, что выход есть, но он сопряжен с опасностью. Оказывается, можно было привезти из сварочного цеха баллон с кислородом и подключить его к системе запуска дизеля. А трудность заключалась в том, что дизель окончательно остыл, и, чтобы он заработал, надо было впрыснуть одновременно во все цилиндры взрывчатой жидкости, что грозило окончательным выходом из строя резервного дизеля...

Но в тот вечер нужно было спасти больных, ожидающих в поселковой больнице срочных операций, детишек в детском саду и школе. Спасти доверенное ему производство — а с ним, что там ни говори, свою честь!

— ...И закипела работа: двое мотористов побежали за кислородом, а сам начальник электростанции — домой за эфирным маслом...

Звонки в диспетчерскую раздавались все чаще. Нужно было успокаивать людей, мол, ситуация под контролем!

Наконец к запуску дизеля все было готово. Мы пошли «ва-банк»!! Старший электрик ухватился двумя руками за вентиль баллона со сжатым кислородом. Я тогда весь натянулся как струна, и не команду подал, а просто сказал: «Ну, ребята, с Богом!» Тотчас вентиль был открыт, кислород бешено устремился по трубкам высокого давления в цилиндры, с огромной силой надавил на поршни, — и коленчатый вал стал раскручиваться.

Взрывную смесь впрыснули в цилиндры. Сначала прозвучал глухой хлопок, потом дизель, подпрыгнув на бетонном фундаменте, словно раненый зверь, взревел так сильно, что у всех заложило уши! Затем он стал произвольно набирать обороты, лихорадочно дрожа всем корпусом. Наверное, в эти минуты у меня появились первые седые волосы,

ведь дизель мог разлететься на куски. Но каким-то чудом этого не произошло. Бог услышал мои молитвы. До конца выработав взрывную жидкость, дизель стал переходить на рабочий режим. Мы сначала глазам своим не поверили, а потом раздалось мощное «ура!» Получилось!

В поселке ярко засветились окна. И это уже был момент большой усталости и большого счастья. Момент истины. Ради этого стоит жить.

— А можете хотя бы вкратце рассказать о своей работе директором совхоза?

— Обком партии Якутии, заметив мои организаторские способности, утвердил меня на должность директора совхоза. Там каждый год менялся директор. Увольняли как не справившегося с задачами. Я задержался на пять лет. За это время совхоз удалось сделать передовым. Подходили комплексно к решению каждого вопроса. Нужно было увеличить производство во всех направлениях: и добычу торфа, и урожайность, и строительство новых бытовок жилых домов.

Когда я принял дела, то был поражен: в кабинете директора совхоза сидели все специалисты, руководители самого разного профиля: секретарь партбюро, комсомольские лидеры, агрономы, ветеринары и так далее. У этих людей были совершенно разные рабочие

функции. Вот с организационной работы я и начал. У каждого руководителя должно быть свое место, и он должен четко знать свои функции. Это как в шахматах (любимая игра моего отца) — если все фигуры расставить по своим местам, то начинается хорошая правильная игра. И не в одни ворота. Все, кто действовал по правилам и добивался успеха, обязательно получали поощрения, премии. Систему поощрений я продумал, и она хорошо работала. Что бы мы ни делали — строили бытовку, мастерские, сеяли или пахали, ко всему старался подходить творчески. Продумывал каждую мелочь. И этот опыт пригодился мне потом, когда меня пригласили поработать в правительстве Якутии. Но это уже другая история...

ЕЩЕ РАЗ — НА ГРАНИ КАТАСТРОФЫ

— Иван Иванович, вам еще тридцати не было, а вы все о производстве, достижениях. В это время как-то принято о любви, семье думать...

— К сожалению, личная жизнь складывалась не лучшим образом. Женился не по любви. Брак рушился. И вот как раз в тот самый период, когда я возглавил леспромхоз и запустил тот «злосчастный» двига-

тель, в моей судьбе кое-что произошло. То ли это была большая ошибка в моей жизни, то ли очень яркий любовный эпизод, о котором не следует жалеть. Я влюбился в свою секретаршу. Нам было очень хорошо вместе. Но жена обо всем узнала и написала письмо в райком партии. Раньше так было принято решать личные проблемы. И началось! Пошли меня песочить. Вся местная партийная элита собралась — как же так, товарищ Переверзин, ячейку общества рушишь? Если ты вступил в партию, так будь ее достоин, живи по ее правилам. Уже стоял вопрос об исключении меня из партии. А это значит — конец карьере. Я опять оказался на грани катастрофы.

Нашлись мудрые люди, заступились. Дескать, партия должна не карать, а воспитывать, это первый проступок, от жены он не ушел, семью не разрушил, значит, можно ограничиться выговором. Казалось бы, чудо совершилось, но я был буквально опустошен. Знал ведь, на что шел, когда вступал в партию. Нужно было соблюдать правила, а я их нарушил. И хотя я ни о чем не жалел, потому что был по-настоящему влюблен и считал наши отношения прекрасным эпизодом моей жизни, но партия признала это ошибкой, которую нужно было исправлять. Меня спасло не чудо, а мой талант руководителя. Я это понял потом, чуть позже...

Первый секретарь райкома попросил зайти к нему, и сразу «быка

за рога»: «Ты что, думал, так легко отделался? Мы тебя переводим на другую работу. Будешь ты теперь замом главного инженера в леспрохозе». Я впал в некоторое состояние шока. Эта должность обязывала почти круглый год жить в тайге. Я должен был строить жилье, столовые, гаражи. Вот в такую жестокую ссылку меня отправили. Выхода не было — я согласился.

И снова пришлось начинать все с нуля. За короткое время мы построили в тайге дома, гаражи, бытовки, столовые, мастерские.

Я понял, что Господь дал мне не только творческие способности, но и организаторские. Талант руководителя.

Постепенно жизнь как-то сама собой складывалась, говорила: ты делаешь то, что надо! Для меня не было понятия «физики-лирики» или «колхозники-лирики». Именно творческое мышление помогало решать производственные проблемы. Одним приказом ничего не добьешься. Нужно было продумать каждую мелочь. Собственно, решить какую-то производственную проблему, построить поселок — это все равно, что написать роман или поэму. Вот к такому выводу я пришел из собственного опыта. Я никогда не играл в одни ворота, и люди, с которыми работал, быстро понимали это. Я задавал темп, ставил задачи, но никогда до идиотизма не контролировал и

не контролирую рабочий процесс. Есть планы, по которым люди работают, а я им доверяю. И мне важен только результат. Если наши алгоритмы не совпадают, расстаемся.

Когда меня пригласили поработать в правительстве Якутии, я реализовал все эти принципы. Курировал сельское хозяйство, экологию, торговлю республики, всю местную промышленность. И именно творческий подход к решению проблем, к работе с людьми помог добиться хороших результатов.

ВДОХНОВЕНИЕ — ЭТО ВСПЫШКА

— Ваш вклад в развитие экономики, сельского хозяйства Крайнего Севера просто неоценим. Но когда же началась творческая жизнь?

— Стихи сами просились на бумагу. Я себя не заставлял, не думал, просто брал лист бумаги и записывал то, что выплескивала душа. Рассказы я тоже начал писать очень легко, естественно. Обычно прозу я пишу за компьютером, а стихи — только вручную. Вспышка, озарение — и вдруг сразу целиком виден рассказ, повесть или роман. Дальше — дело техники, внести все это в компьютер. Своей работоспособностью могу гордиться. За год написал огромную книгу — рассказы, пове-

сти. Я всегда готов к творчеству, у меня нет мук ожидания вдохновения. Оно — это короткая вспышка. А дальше — уже дело техники.

Я могу за день написать до двадцати стихотворений — на самые разные темы. Ведь жизнь меняется ежеминутно, меняется отношение к ней, меняются ощущения и рождаются новые строки...

ДОБРЫЕ ДЕЛА

— Вы прославились еще и как меценат, коллекционер. Расскажите об этих гранях вашей деятельности...

— Просто любить живопись — этого для меня мало. Я решил продолжить традиции наших замечательных купцов-меценатов и поддерживать современных молодых художников. Часто бываю в Академии живописи и ваяния, посещаю все вернисажи. Мне удалось собрать громадную коллекцию современной российской живописи. Для сравнения — знаменитый Третьяков купил за свою жизнь 1120 картин, я — в два раза больше.

«... И снова — родные художники. Снова телефонные звонки от них. Которые, если обобщить, будут звучать примерно так: Иван Иванович, мы послали на ваш электронный адрес свои новые работы, посмотрите, пожалуйста, нам очень

важно знать ваше мнение о них...» (из рассказа «Мечта гражданина»).

У художников жизнь трудная. Госзаказов нет, частных — тоже. А жить-то надо. Просят: может, купите хоть одну? И я покупаю. Благо, есть у меня прекрасный поводырь, не позволяющий ошибиться, — знаменитый Илья Глазунов. Вот уже больше двадцати лет, может быть, в ущерб своему личному времени и кошельку, я занимаюсь этой благотворительной деятельностью. И не жалею об этом. Надеюсь, потомки спасибо скажут. Перелопатил тысячи пейзажей, портретов, натюрмортов. Посетил не одну сотню мастерских, разбросанных по всей Москве. Моя цель — создать национальное собрание современной живописи. Выявить среди тысяч живописцев два десятка по-настоящему талантливых, гениальных. И таких мастеров я нашел! И не только в двух столицах, но и в самых разных регионах — Якутии, Белоруссии, в Вологде...

Московский патриархат отметил благотворительную деятельность Ивана Переверзина золотой медалью «За добрые дела».

Помогать молодым поэтам — это тоже его профессия. Международное сообщество писательских союзов регулярно проводит форумы молодых поэтов. В результате появляются сборники стихов их участников. Для молодых поэтов это

счастье великое — держать в руках сборник своих стихов.

— Иван Иванович, еще одна грань вашей жизни — любовь к фарфору... Давайте поговорим об этом.

— Все началось в Карловых Варах, куда я приехал поправить здоровье, подлечить кишечник. Здесь я встретил русского эмигранта, который предлагал коллекционерам покупать прекрасный мейсенский фарфор. Для меня это было что-то новенькое. Но, увидев эту мейсенскую красоту, загорелся, у меня будет уникальная коллекция! Все это потом достанется нашему российскому народу. А пока — кто, если не я? Для начала я просто любовался уникальными рукотворными произведениями. Наверное, красота все-таки когда-нибудь спасет мир. Я в это верю.

«... вот я увидел фигуру короля Лира, сидящего в кресле венценосцев со скорбным лицом, с руками, безвольно лежащими на коленях, и сразу был до глубины души поражен мастерством скульптора, сумевшего в фарфоре гениально передать монарха-человека в одну из самых трагичных минут жизни. Если чудо существует на свете, то в тот карловарский вечер я соприкоснулся именно с ним! (Из рассказа «Петр Первый, фарфор и я»)

Так было положено начало коллекции мейсенского фарфора.

Сейчас десятки прекраснейших фарфоровых скульптур живут у меня на специальных стеклянных стеллажах. От них исходит чудный благородный свет... Надеюсь, что в будущем все эти коллекции обретут государственный статус в музеях.

А НАПОСЛЕДОК Я СКАЖУ

— К счастью, на этом прекрасном свете Господом было угодно сделать так, чтобы я ради вдохновенной и содержательной — до звона! — жизни чуть ли не ежедневно доказывал свое право на саму жизнь. Доказывал всем: и силой, и верой, и волей, и мозгами. Доказывал везде: в небе, на море и на земле, у себя дома или на государственной службе. И, что само собой разумеется, в стихах! Доказывал самым главным в этой жизни — Любовью!

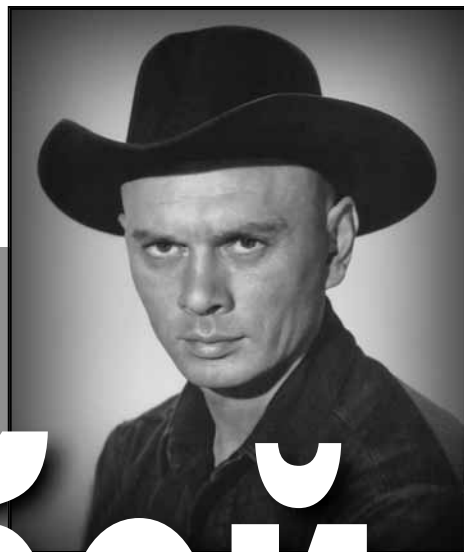
Мне повезло — я ее встретил, мою прекрасную Светлану. Мы вместе уже много лет.

*С годами точно происходит
то изменение в любви,
когда по ней с ума не сходишь,
как в час закатный соловьи.
Рекой времен
течешь судьбою —
широко, вольно, не спеша,
и сердце дышит красотой,
и вечностью живет душа. □*

Беседовала **Татьяна Харламова**

Владимир
Братченко

Русский КОВБОЙ

В начале 1960-х годов, во время «хрущевской оттепели», на экраны Советского Союза вышел американский фильм «Великолепная семерка». Событие было настолько значимым, что руководитель нашего государства Никита Сергеевич Хрущев на встрече с американскими журналистами посчитал необходимым дать фильму свою оценку: «Я смотрел картину «Великолепная семерка». Артисты, занятые в ней, прекрасно

Летом 1865 года капитан пиратского судна, плававшего у берегов Японии, высадил в порту Иокогама юношу, которого звали Жюль Бринер. Юноше было 16 лет, когда он

играют, мы выпустили картину на экраны и получили за это много упреков. В нашей печати <...> была опубликована критическая статья под названием «Двойка за семерку».<...> У вас, американцев, сплошь и рядом идут на экранах такие кинофильмы, где бьют друг друга в лицо, истязают, убивают людей, в фильмах много извращенного. У вас это считается интересным. У нас же проповедование подобных явлений считается вредным». Нравовучение дало обратный результат: фильм имел огромный успех. Главную роль смелого ковбоя, вожака отряда таких же смелых парней, играл выбритый наголо актер, наш соотечественник Юл Бриннер, которого мы сразу полюбили, особенно мальчишки и женщины. В своей книге «Юл: человек, который мог бы быть королем!» сын Юла Бриннера Рокки обращается к нам, россиянам: «Юл Бриннер — ваша, русская звезда. Он русский актер не только потому, что родился в России, но и потому, что учился у Михаила Чехова». Жизнь этого удивительного человека была такой же захватывающей и интересной, как и у его театральных и киногероев.

сбежал из дома в поисках приключений. Он нашел работу в компании, принадлежащей богатому пожилому англичанину, и стал его незаменимым помощником, тот полю-

бил Жюля как родного сына. Хозяин вскоре умер и оставил ему все свое состояние. Жюль тут же женился, вскоре родились и дети, но он неожиданно бросил семью и пересе-

лился в Россию, во Владивосток. Здесь Жюль Иванович, так его стали величать в России, вновь обзавелся семьей, женившись на женщине, чей род, как утверждала его новая жена, восходил к Чингисхану. У них родилось шесть детей: три дочери и три сына. Когда сыновья подросли, они отправились учиться в

Санкт-Петербург. Один из них, Борис, познакомился с дочерью владивостокского врача Марией Дмитриевной Благовидовой и сделал ей предложение. После окончания учебы молодые вернулись во Владивосток. У них сначала родилась дочь Вера, а 11 июля 1920 года — сын, которого в честь деда назвали

Юлием. Бринеры были гражданами Швейцарии, но приняли российское гражданство, правда, не без давления со стороны советских властей.

Город Владивосток, где родился Юлий, был в то время столицей просуществовав-

шей немногим более двух с половиной лет Дальневосточной Советской Республики (ДВР). Поэтому Юл Бриннер, получая в 1945 году американское гражданство, записал в анкете, что родился на Сахалине, то есть в России, а не в ДВР. Заодно он прибавил в середине своей фамилии вторую букву «н»,

так как в таком написании она правильно звучала в английском произношении. Российское гражданство артист сохранил до конца жизни.

В 1924 году отец Юлия, находясь в командировке в Москве, встретился с актрисой МХАТа Екатериной Корнаковой, женой Алексея Дикого, будущего народного артиста СССР, сыгравшего в советских фильмах роли Кутузова, Нахимова и даже Сталина. И хотя у обоих были свои семьи, они бросили их и уехали на постоянное жительство в Харбин, где обосновалась многочисленная русская колония. Туда же вместе с Верой и Юлием отправилась и Мария Дмитриевна, чтобы определить детей на учебу в престижную гимназию YMCA. Учеба Вере пошла на пользу: она обучалась пению, и впоследствии будет выступать на оперной сцене в Нью-Йорке, а потом станет преподавать вокал. Благодаря сестре у Юлия тоже появился интерес к музыке. Вместе с ней он осваивал ноты, музыкальную грамоту, разучивал песни и несложные арии. Когда ему исполнилось десять лет, отец подарил ему гитару, и вскоре он уже неплохо играл на ней. У мальчика также обнаружился «талант» выдумщика и фантазера. Например, он дурачил местных полицейских, уверяя их, что приходится племянником царя Николая II и до революции жил в Зимнем дворце.

В 1932 году Харбин был оккупирован японцами, и, опасаясь погромов, Мария Дмитриевна решила уе-

хать с детьми в Париж. Два года Юлий учился сначала в школе интенсивного изучения французского языка, а потом — в престижном лицее. Он был трудным учеником, постоянно нарушал дисциплину, его часто наказывали за курение сигарет. Преподаватели считали его способным мальчиком, но товарищи посмеивались над ним за его корявый французский язык, однако и побаивались, так как парень он был сильный и решительный.

Однажды сестра привела Юлия в ресторан «Эрмитаж». Там выступали русские цыгане — семья Ивана Дмитриевича. Их выступление потрясло Юлия. Он подружился с младшим сыном Ивана — Алешей. Иван Дмитриевич, узнав, что Юлий играет на гитаре, прослушал его и принял парня в свой ансамбль. Юлию помогли подготовить репертуар из цыганских песен, и 15 июля 1935 года юный артист дебютировал с концертом в сопровождении оркестра из 30 гитар. Выступления Юлия стали в Париже гвоздем сезона. Послушать молодого певца съезжались со всех концов города. Как-то раз Юлий попросил сестру Алеши Марусю погадать ему. Маруся посмотрела на его ладонь и сказала: «Ты станешь королем!» Через какое-то время пути ансамбля и Юлия разошлись, но с Алешей они на долгие года остались друзьями. А спустя тридцать лет даже записали в Париже совместный музыкальный альбом «TheGypsyandI».

Летом Юлий работал спасателем на пляже в Нормандии, где мать арендовала небольшую дачу. Здесь он познакомился с труппой бродячих циркачей и два года выступал в цирке «D’Hiver», исполняя без страховки номер «летающий клоун». Но однажды он сорвался с трапеции, упал на монтажные трубы и оказался в больнице с переломанными ребрами и поврежденным позвоночником. Во время лечения для утоления боли ему давали опиум, и это привело к тому, что он стал наркозависимым и часто бывал в порту, чтобы приобрести наркотики у матросов. Там он встретил Жана Кокто, известного поэта, драматурга, художника-авангардиста, такого же, как и он, курильщика опиума. Между ними завязалась дружба. Впоследствии Кокто ввел Юлия в свой круг и познакомил его со своими друзьями Пабло Пикассо, Сальвадором Дали, Марселем Марсо, Жаном Марэ.

И все же семнадцатилетний Юлий сумел понять, что постепенно превращается в наркомана, и уехал в Швейцарию к тете Вере, жене брата отца, где в течение года прошел курс лечения, после чего вернулся в Париж и поступил учеником в русский театр Георгия и Людмилы Питовых. Однако на сцену ему выйти так и не пришлось. Приближалась война, оставаться во Франции русским людям стало опасно, и Мария Дмитриевна с сыном отправились снова в Харбин.

*С первой женой
Вирджинией Гилмор*

Здесь Юлий встретился с отцом и его женой Екатериной Корнаковой.

Вот как описывает эту встречу Николай Надеждин в своей книге «Юл Бриннер. Великолепная семерка»:

«... Отец заметно нервничал. Тревожилась и его супруга, полагая, что встреча может закончиться не очень хорошо. Но Юлий был спокоен, никаких упреков, никакой вражды. После кофе вышли на террасу. Здесь было спокойно и тихо. <...> «Расскажите мне ... о театре», — попросил Юлий. Екатерина Корнакова подняла голову. Она была ослепительно красива в этом предзакатном свете. Настоящая королева. Юлий внезапно поймал себя на мысли, что любуется этой женщи-

ной и понимает отца, без ума влюбившегося в эту величественную красоту. Это был первый, но не единственный разговор Юлия с Корнаковой. Талантливая актриса и чуткий человек, она сразу угадала в юном Бринере артистический талант. <...> В тот раз они говорили всю ночь. На следующий вечер

Юлий пришел снова. Потом еще раз, и еще. <...> Корнакова рассказывала, рассказывала, наблюдая, как загораются глаза Юлия. Она понимала, что в эти минуты зарождается будущее юноши, и уже не сомневалась, что он обязательно попробует себя в профессии актера. Она рассказывала о Станислав-

ском, о его системе. О Михаиле Чехове, которого противопоставляла Станиславскому и считала лучшим театральным педагогом на свете. Они настолько увлеклись этими разговорами, что Екатерина начала играть, вспоминая свои московские спектакли. И предлагала сыграть Юлию — вот так, без под-

готовки, интуитивно. И он играл, поражая ее своим ярким талантом и безошибочной интуицией. В конце концов он ушел от Корнаковой с рекомендательным письмом в кармане, адресованным Михаилу Чехову. Осталось отыскать Чехова, который в это время был то ли в Париже, то ли в Нью-Йорке».

В 1941 году Юлий с матерью, у которой врачи еще в Париже обнаружили рак крови, уехали в Америку. Он все же сумел разыскать Михаила Чехова и приступил к учебе в его Школе актерского мастерства. Чтобы заработать на лечение матери, Юлию приходилось работать шофером грузовика по перевозке декораций и костюмов, а по вечерам он пел в ночных клубах цыганские романсы под свою гитару. Ему часто приходится ездить в Нью-Йорк, где он оставил больную мать.

Шла Вторая мировая война, и Бринера призвали на службу в Военное информационное бюро США, где он до окончания войны работал диктором на радио станции «Голос Америки», которая вела передачи на оккупированную фашистами Францию.

Его часто приглашали на частные вечеринки, и на одной из них он познакомился с молодой, но уже известной киноактрисой Вирджинией Гилмор. На своем еще весьма слабом английском языке он представился ей монгольским ханом, приехавшим в Америку изучать английский язык и найти себе невесту. А когда взял в руки гитару и запел — половина дела была сделана: невеста была найдена. Вскоре газеты сообщили: «Шестого сентября Вирджиния Гилмор и какой-то цыган, с которым она познакомилась в Нью-Йорке, сочетаются законным браком».

Благодаря помощи Вирджинии Юлия в 1945 году пригласили в Бродвейский театр «Плимут» на главную роль в мюзикле «Песня лютни». В том же году он получил американ-

*Марлен
Дитрих*

*Ингрид
Бергман*

ское гражданство. Мистер Юл Бриннер гастролировал с этим мюзиклом по всей Америке, а затем выступал и в Лондоне. Туда, вместе с родившимся сыном, которого они назвали Рокки в честь известного американского боксера Рокки Грацино, приехала и Вирджиния. Там они более года жили, как говорится, на «широкую ногу», а потом Вирджиния на последние деньги вернулась в Нью-Йорк, а Юл отправился в Париж и, заработав там необходимую для поездки сумму, тоже уехал домой.

Он уже говорил по-английски без акцента, и в 1948 году вместе с Вирджинией они в течение 13 недель вели первое в истории телевидения ежедневное ток-шоу названием «Mr. and Mrs.», а в следующем году он получил свою первую роль фильме «Порт Нью-Йорк». Предсказание цыганки Маруси Димитриевич стало по-немногу сбываться.

Композитор Ричард Роджерс и автор текстов Оскар Хаммерстейн, создатели популярных мюзиклов «Оклахома», «Карусель» и других, написали мюзикл «Король и я», об английской учительнице, приехавшей в королевство Сиам обучать детей короля. Они долго и безуспешно искали актера на роль короля. Актриса Мэри Мартин, утвержденная на роль учительницы, уговорила Юла показаться авторам. Вот как описывает Роджерс встречу с Юлом: «На сцену вышел бритоголовый человек, сел, положил ногу на

ногу, взял гитару, ударил по струнам, издал странный вопль и запел нечто языческое. Мы с Оскаром переглянулись и сказали: «Да, это то, что нужно».

Эта роль будто специально была написана для Бриннера. Настал его воистину звездный час, и он решил не упустить его. В эту роль он вложил все: детские воспоминания о жизни в Харбине, цыганскую удасть парижских ресторанов, навыки циркового акробата. Он вспомнил советы своего учителя Михаила Чехова обращать внимание на внешний облик исполняемого персонажа: все артисты выступали в обычных костюмах, а он был полураздетым, босиком, на лице был грим в виде маски, как в японских театрах кабуки. Все это настолько впечатлило создателей спектакля, что они сменили акценты, и роль короля сделали главной.

Премьера прошла с триумфом на Бродвее 26 февраля 1951 года. Газета «New York Herald Tribune» писала: «Бриннер создал образ, повторить который будет трудно». Каждый вечер толпы поклонников окружали театр, для поддержания порядка вызывалась полиция. Спектакль шел на Бродвее три года, потом были гастроли по Америке. Всего было сыграно 4625 представлений. С тех пор бритая до блеска голова Юла Бриннера стала его «визитной карточкой».

В 1956 году в Голливуде начались съемки киноверсии спектакля

«Король и я». Фильм, как и спектакль, также имел шумный успех. Та же газета «Нью-Йорк Геральд Трибюн» писала: *«Бриннер — Король, и вы не забываете об этом ни на секунду»*. Через год великая итальянская актриса Анна Маньяни вручила за роль в этом фильме лучшему киноактеру года Юлу Бриннеру золотую статуэтку Оскара. Его парижский друг, великий Жан Кокто, узнав об этом, воскликнул: *«Юлу Бриннеру нужно было сойти с ума, чтобы додуматься до того, что он когда-нибудь сможет стать великим Юлом Бриннером»*.

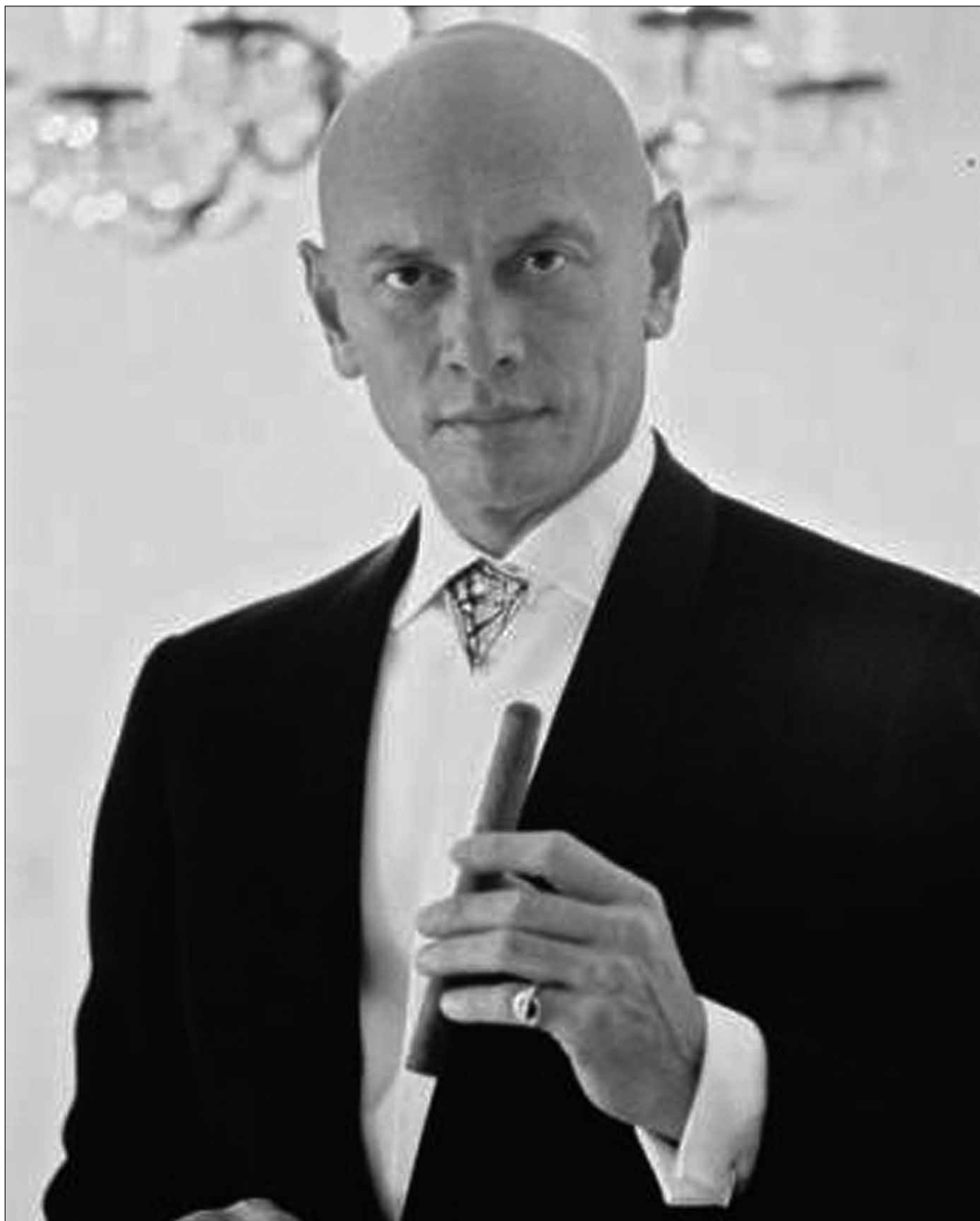
В 1958 году, подменив умершего актера, он снялся в фильме «Соломон и царица Савская» с Джинной Лоллобриджидой в главной роли и заработал один миллион долларов. Юл не умел и не любил считать деньги, и у него скопились долги как раз на эту сумму. Налоги в США в то время доходили до 90%. Чтобы не платить их, он решил уехать в Швейцарию. Однако надо было выполнить одно условие: прожить за границей не менее пяти лет без заезда в США. Бриннер нарушал этот закон несколько раз. Но эти, казалось бы опрометчивые, поступки объяснялись тем, что Юл приступил к выполнению проекта, который задумал еще до отъезда в Швейцарию.

Он решил переделать киношедевр Акиры Куросавы «Семь самураев», переместив действие в Америку, а точнее — в Мексику. В 1959 году Юл выкупил у Куросавы права

на этот сюжет и начал работу над фильмом. Именно для этого он приехал в Голливуд, где на киностудии «United Artists» снимался ставший культовым вестерн «Великолепная семерка». Сын Юла вспоминает: «Юл Бриннер выглядел очень экзотично — его дедушка был швейцарец, а бабушка бурятка. Это ограничивало возможность выбора ролей, поэтому в начале своей карьеры (кино, театра) ему давали роли только экзотичных мужчин: египтянина, русского, короля Сиама. Отец решил доказать, что действительно может сыграть любую роль, поэтому настолько сильно было его желание делать «Великолепную семерку», чтобы доказать, что он может играть американского ковбоя так же хорошо, как Джон Уэйн». И Бриннер доказал это.

Его герой — хладнокровный и загадочный, немногословный и ловкий ковбой Крис Адамс — олицетворял образ благородного защитника крестьян мексиканской деревушки в предгорьях Сьерра-Невада от набегов и грабежей бандитов. Фильм вышел в 1960 году и с огромным, в том числе кассовым, успехом прошел на экранах всего мира, в том числе в СССР. Бриннер заработал огромные деньги и всемирную славу. Теперь нарушитель налогового законодательства США смог уплатить свои долги.

В то время Юл увлекся филателией. Увлечение привело к неожиданному результату. ООН объявило

1959 год Всемирным годом беженцев. Юл собрал коллекцию марок по этой тематике и оказался вовлеченным в это благородное дело, по-

лучив место специального консультанта Верховного комиссара ООН по делам беженцев. Он объездил десятки лагерей беженцев, сделал

телевизионный фильм и даже написал книгу. Весь полученный гонорар Юл пожертвовал в пользу беженцев. Взволнованный судьбой обездоленных детей, он решил удочерить двух вьетнамских девочек, которых назвал Миа и Мелоди.

Бриннер стал суперзвездой, его брутальный образ завораживал мно-

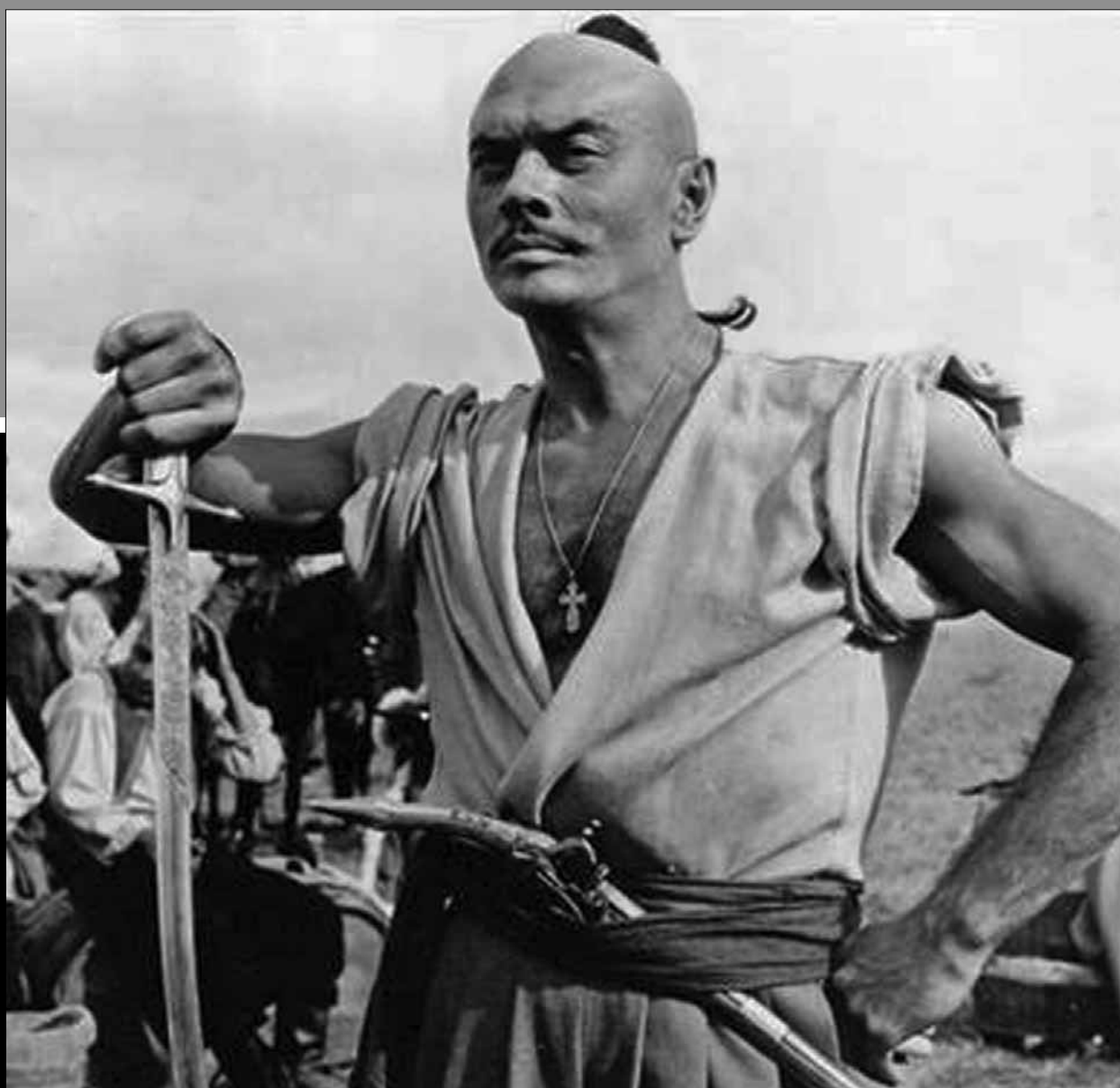
гочисленных поклонниц. Среди его возлюбленных были самые красивые, самые знаменитые актрисы: Джуди Гарланд, Мерилин Монро, Ингрид Бергман.

Особый след в жизни Юла сыграла Марлен Дитрих. Вот что рассказывал он сам об их романе: «Наш роман с Марлен был предопреде-

лен, причем и здесь она осталась великой Женщиной, которая всегда влюбляется в то, что создает своими руками. Женщиной, которая уничтожает тебя прежнего и конструирует тебя нового, а, закончив работу, берет тебя на правах автора. Что ей взбрело тогда в голову, почему фрау Дитрих потребовала у

парикмахера побрить меня наголо, она так и не объяснила. Но когда я, глядя в зеркало, машинально провел по бритому черепу, она положила на него свою руку и сказала: «Мистер Бриннер, мне кажется, в таком виде у Вас не должно быть никаких проблем с репертуаром». Марлен Дитрих — это, конечно, от-

дельная глава, это даже не любовь, а некое мелодраматическое ослепление, это все как одна бесконечная сцена, которую репетируешь круглые сутки. Мы появлялись в обществе, звонили друг другу со съёмки, мы буквально впивались друг в друга при встречах. Гостиницы, гостиницы, гостиницы — видимо, только они и подходили больше всего для нашего романа, только в них мы чувствовали себя готовыми на все, шокируя горничных отсутствием одежды во время доставки завтрака, обеда и ужина. Собственно, благодаря Марлен я чуть-чуть, немного понял, что такое настоящая женщина».

Любопытно, что Марлен Дитрих в своей книге «Размышления», с теплотой и любовью вспоминая о своих великих учителях и друзьях, ни единым словом не упоминает Юла Бриннера.

Любовные похождения мужа не очень радовали Вирджинию. Она начала частенько выпивать, и отношения между ними вконец испортились. После двадцати лет совместной жизни они разошлись. Вирджиния больше не вышла замуж, но сохранила любовь к бывшему мужу до конца жизни. Юл Бриннер был женат четыре раза.

Проживая в Швейцарии, Юл не сидел сложа руки и снялся в десятке фильмов. После успеха «Великолепной семерки» он получал многочисленные предложения, в том числе и от европейских кино-

компаний. Он снялся в «Братьях Карамазовых», в «Тарасе Бульбе», в «Возвращении великолепной семерки». А в фильме «Путешествие», о подавлении советскими войсками восстания в Венгрии в 1956 году, Юл сыграл советского майора Зубова, после чего мечта побывать когда-либо на Родине стала уже не реальной.

Иногда он снимался в течение года сразу в трех-четырёх фильмах. Картины были в основном посредственными, делались ради зарабатывания денег и не приносили Юлу удовлетворения. Всего фильмография Юла Бриннера насчитывает 69 фильмов.

В 1972 году Юл вернулся из Швейцарии в США и снялся в телесериале «Анна и Король», который оказался не особенно удачным. Он мечтал возвратиться на сцену, и как раз в это время композитор Митч Ли, автор популярного мюзикла «Человек из Ламанчи», пригласил Бриннера на главную роль в музыкальной комедии по мотивам гомеровской «Одиссеи». В течение года Юл гастролировал с этим спектаклем по городам Америки. Спектакль также был слабый, и зрители шли лишь только для того, чтобы посмотреть на Юла Бриннера.

Тем не менее, Юл убедился, что публика по-прежнему его помнит и любит, и после двадцатилетнего перерыва решился на рискованный эксперимент: заново поставить на сцене спектакль «Король и я».

Правда, перед генеральной репетицией случилась неприятность, у Юла пропал голос. Выручил сын Рокки, который еще с детства знал все роли наизусть, а его голос невозможно было отличить от голоса отца. Репетиция прошла успешно: отец — на сцене, а сын — за кулисами. К премьере голос помогли восстановить тибетские монахи. В течение восьми лет, каждый день, а иногда и два раза в день, Юл выходил на сцену, и каждый раз вносил в образ что-то новое. После победных гастролей по Америке труппа отправилась в Англию, где также

был полный успех. Юл Бриннер приобрел такую популярность, что даже был представлен королеве Великобритании. Он любил рассказывать удивительную историю, которая, якобы, произошла с ним в Лондоне. В гостинице, в которой проживал Юл, разместились также главы государств, прибывшие на международный саммит. Выходя как-то из гостиницы, Бриннер увидел стоявших в ожидании своих машин короля Греции Константина, короля Испании Хуана Карлоса и короля Иордании Хусейна. Они узнали Юла, поздравляли его, любезно пообщались с ним,

и он услышал, как стоявший неподалеку швейцар сказал своему помощнику: «Жаль, что это не покер: у нас на руках четыре короля!»

После возвращения в Америку в Сан-Франциско был сыгран 4000-й спектакль. По этому поводу состоялось чествование Бриннера. Но оно было омрачено известием, что у Юла обнаружен рак легких в запущенной, неизлечимой стадии. Он был заядлым курильщиком с 15 лет, выкуривал по 2–3 пачки сигарет в день. И хотя в возрасте 50 лет все-таки бросил курить, было уже поздно.

В середине июня 1985 года актриса Мэри Мартин, которая когда-то «вывела Юла в Короли», вручила ему специальную театральную премию «Тони», а 30 июля на Бродвее был сыгран последний, 4633-й спектакль «Король и я». Юл играл, преодолевая боль в спине, так как рак поразил уже и позвоночник, но не пропустил ни одного представления. Условия контракта были жесткие: в случае невыхода на сцену он должен был компенсировать стоимость всех проданных билетов.

На телевидении и в прессе Юла стали величать «Королем Голливуда». Правда, некоторые уточняли — «Король в Голливуде». Предсказание цыганки Маруси сбылось! А может, он и вправду возмнил себя королем? Слава вскружила ему голову. Он стал давать странные интервью, рассказывая журналистам, что является потом-

ком монголов или сыном восточного принца, а то и вовсе уверял, что его мать была бессарабской цыганкой, а сам он появился на свет в цыганской кибитке. Сын Рокки с горечью признает: «История моего отца одновременно счастливая и горькая. Несмотря на то, что он был прекрасным актером, к концу своей жизни он был отравлен славой».

Юл Бриннер понимал, что жить ему осталось недолго. И тогда мужественный «король» перед телевизионной камерой обратился с прощальным посланием к своим «подданным»: *«Я сейчас мертв лишь потому, что очень много курил, и потому всем, кто меня сейчас видит, я говорю: не дразните судьбу. Сейчас, когда стало известно о моей смерти, предупреждаю вас: не курите. Все, что угодно, только не курите. Если бы я мог вернуться назад и бросить курить, не было бы повода обсуждать мой рак, я в этом уверен».*

Юлий Борисович Бринер скончался 10 октября 1985 года. В тот же день его обращение было показано по телевидению и впоследствии неоднократно повторялось.

14 сентября 2005 года во Владивостоке на фасаде дома №15 по Алеутской улице, где родился артист, была установлена мемориальная доска, а 28 сентября 2012 года в сквере у этого дома открыли Юлу Бриннеру памятник. В Голливуде на Аллее Славы была заложена Звезда в его честь. □

Москва — Латакия — Москва

ЗАГРАНИЧНАЯ ЗАСТАВА

...Звонок из Управления МО по работе с личным составом был короток: «Нашим ребятам в Сирии нужна надежная литературно-музыкальная поддержка. Вас рекомендует Союз десантников России. Вылет завтра ночью, прилет тоже ночью послезавтра... Выступления в течение дня — на самой базе, на взлетной полосе и блокпостах...»

...05 утра. Сирия. Латакия. База Хмеймим. Большой военный транс-

портник, летевший последний час без габаритных огней (якобы, бандиты уже разжились «стингерами») и резко просевший (безопасности ради) с огромной высоты до полутора километров, застыл у самого входа в достаточно уютный зал аэропорта. В «красном углу» — портреты отца и сына Асадов, под ними два шелковых национальных флага, под которыми мы, разумеется, пощелкали фототехникой...

Мы — это малочисленный музыкально-литературный отряд: группа Ансамбля песни и пляски РВСН, певец Александр Маршал, настоящий бравоый десантник, кавалер ордена Мужества — автор-исполнитель Слава Корнеев (боевой позывной и одновременно творческий псевдоним: «Леший») и я — представитель нашей московской поэтической братии... Что там лежало в огромных самолетных отсеках кроме нас — неизвестно, но «...были мы тоже, как боеприпасы для русских воюющих душ...»

Нас встретили, размещать не стали — жизнь на базе начинается рано. Вместо будильника, сразу с 5 утра — рев двигателей наших «сушек», взлетающих почти вертикально друг за другом с 5–7 минутным интервалом к звериным логовам игиловских убийц...

Короткая встреча с командующим, и сразу — концерты и встречи — с морскими пехотинцами, десантниками, спецназом, позже — на самой необычной в моей жизни сцене — взлетной полосе, в коротком интервале между взлетами, перед личным составом аэродромно-технического обеспечения и в закрытых палатках — перед главными действующими лицами — героями-летчиками... Прошлись по базе: жилые модули, баня на «Урале», столовая, библиотека, патрули, и всюду родные приветливые лица. «Откуда, ребята?» «Тверь, Москва, Тагил, Питер, Воронеж...» — и так далее.

Выход за периметр строго запрещен. На колючих ограждениях таблички: «Воин! Твою жизнь высоко оценили враги. Для твоих родных твоя жизнь — бесценна!» Заместитель командующего поясняет: открыто озвучены игиловские расценки: за неживого русского — 30 тысяч долларов, за живого — в два раза больше. Охотников заработать хватает. При такой ювелирной работе наших летунов их с каждым днем будет больше... Еще бы вот сирийской армии не так лениво было воевать...

Крайний концерт — самый большой — перед обратным вылетом. Опять под рев турбин и дальнюю (никем молчаливо не объясняемую) стрекотню автоматов. В огромной палатке для принятия пищи (в том числе и духовной) — сирийскому апельсину негде упасть. Принимают «на ура»! На финале концерта все встают огромной бежево-песочной волной: «За нас, за вас и за Дамаск! За Россию!»

У Саши Маршала рука отваливается от бесконечных автографов. И нам хватает: Слава «Леший» раздаст своим братьям десантурные диски. У меня уже закончился привезенный запас книг и альбомов.

Прощаемся. Обещаем вернуться, желаем солдатской удачи. Взлетаем опять без бортовых огней. Через час-полтора под крыльями — огромные огненные океаны Багдада, Тегерана... А потом, уже попозже, местами спящая Москва...

ПОЛЕТ В СИРИЮ

Мы долго сидели, но быстро летели,
Меж звезд выбирая тропу.
А те, кто в нас видел воздушные цели,
Ладони тянули ко лбу,
Радарами щупали вечер вчерашний
И трогали завтрашний свет...
Нам было, конечно, немножечко страшно,
Но летчики знали ответ.

Отстреляны все тепловые капли,
Все целы — и люди, и груз.
И те, кто в нас видел воздушные цели,
Отжали на «стингерах» пуск.
Чужая земля, принимай же посланцев,
Не прячь под чадрой интерес:
Мы к нашим ребятам для песен и танцев
Спустились с горячих небес!

Не зря ж в самолете на бомбах сидели,
В восходе паря золотом.
И те, кто в нас видел воздушные цели,
Конечно же, знали о том.
А с севера вслед нам летели приказы
Поверх водоемов и суш,
Ведь были мы тоже, как боеприпасы,
Для русских воюющих душ!

Мы нашим бойцам станцевали и спели,
Любовью наполнили грудь,
А те, кто в нас видел воздушные цели,
Считают обратный наш путь.
Мы завтра взлетим над дорогой вчерашней,
На новый любуясь рассвет...
И будет, конечно, немножечко страшно,
Но летчики знают ответ!

ЗАГРАНЗАСТАВА

Солдату честь — главное жизни,
Мы ей привыкли дорожить...
На дальних подступах к Отчизне
Не зря нам выпало служить —
Там, где без Божьего закона
Плеская кровью на лазурь,
Восходят черные знамена
Из черных дыр песчаных бурь,
Где в смертных приступах азарта
Рубя чужие рубежи,
В границы Родины на картах
Уже вонзаются ножи...
Вот потому — не ради славы
И не для «силы напоказ» —
На заграничные заставы
Привел нас воинский приказ.
Мы здесь под небом обожженным,
Как громы, падаем с небес!..

...А дома матери и жены
Читают наши СМС:
Мол, все нормально — морем дышим —
Панамы, шорты и загар,
Есть в каждом «номере» кондишен,
И шведский стол, и финский пар...
... Пусть мы им этими словами
Согреем души и глаза...

А над «курортными местами»
Опять грохочут небеса.
И благодарная Держава
С надеждой смотрит, скинув грусть,
Как бережет загранзастава
В чужой земле родную Русь!

Октябрь 2015. Москва-Латакия. □

Василий Фролов

Завари мне липовый чай,
Чтоб пробрал целительный
жар,

И прижмись ко мне невзначай,
Удержи в плену своих чар.

И негромко песню мне спой,
Как когда-то пела мне мать.
Успокой меня, успокой,
Дрожь тревог попробуй
унять.

Впереди вся жизнь —
не скучай!
На двоих у нас —
сто друзей,

Завари мне липовый чай,
В голубую чашку налей.

Позади у нас — сто дорог,
Бороздили мы — сто
морей,

Подводить нам рано
итог —
Не прошли еще апогей.

А сейчас скорей исцеляй:
От невзгод и старых
обид,
Завари мне липовый чай,
Вся душа любовью
горит!

Огненной осени плач,
Ветра холодного шум,
Грусть от пустующих дач,
Буря нахлынувших дум.
Красные капли рябин,

Донора осени — кровь,
Крики уставших машин —
Все повторяется вновь.
Речки свинцовая гладь,
Лунно-молочная муть.

Светлана
Бестужева-Лада

Батька

Когда в феврале интеллигентная прослойка, желавшая привить стране демократию по англо-французскому образцу, сама не поняла, что же она натворила, Махно не столько понял, сколько почувствовал, что надо делать дальше. Часть народа стихийно ответила Февралю движением, которое, по аналогии с «пугачевщиной», назвали «махновщиной». Не конкретные действия локальных отрядов в южных степях — «махновщина», а ВСЕ то, что совершалось с 1917 по 1920 годы. И олицетворял эту стихию Нестор Иванович Махно.

МАХНО

Личность Махно и его идеи были весьма популярны среди крестьянства. В своей поэме «Страна негодяев» Есенин открытым текстом писал:

*«И кого упрекнуть нам можно?
Кто сумеет закрыть окно,
Чтоб не видеть, как свора
острожная
И крестьянство так любят
Махно?..»*

Махно был изображен в этой поэме под именем бандита Номаха (поэт просто переставил слоги в фамилии).

Но бандитом Махно стал не вдруг, он шел к этому последовательно, как только достиг сознательного возраста. Нестор Иванович родился в бедной крестьянской семье 7 ноября 1888 года в Гуляйполе Екатеринославской губернии. Он был пятым и последним сыном — отец его вскоре умер.

Нестор окончил Гуляйпольское двухклассное начальное училище. С малых лет нанимался на сезонные сельскохозяйственные работы к помещикам и зажиточным крестьянам. С 1903 года работал подсобным рабочим в малярной мастерской, в купеческой лавке и, наконец, на чугунолитейном заводе М. Кернера в Гуляйполе. Там и произошел полный переворот в его сознании.

И не только в сознании — в жизни. С конца августа 1906 года Махно стал активным членом «Крестьянской группы анархо-коммунистов»

(другое название — «Союз вольных хлеборобов»), действовавшей тогда в Гуляйполе, и участвовал в террористических актах и «экспроприациях» богачей. Тогда же прозвучал ставший впоследствии знаменитым клич «Грабь награбленное!»

Но впервые его арестовали не за это, а за незаконное хранение оружия — в конце 1906 года (вскоре его, правда, почему-то освободили). На свободе он провел около полугода, а затем снова был арестован по обвинению в покушении на жизнь гуляйпольских стражников Захарова и Быкова. Содержался он в Александровской уездной тюрьме, но... был освобожден под залог в 2 тысячи рублей. Как этого удалось добиться, и откуда взялись деньги — неизвестно.

Буквально через полтора месяца его опять арестовали, на этот раз уже за убийство чиновника военной управы. Сессией Одесского военного окружного суда от 22 марта 1910 года он был приговорен к смертной казни через повешение. Просидел в камере смертников 52 дня, но...

Но так как к моменту совершения преступления Махно не достиг совершеннолетия (21 года), царские палачи заменили казнь бессрочной каторгой. И не «в глубине сибирских руд», а в каторжном отделении Бутырской тюрьмы в Москве.

Здесь же и начались «университеты» Махно. Помогала и богатая библиотека тюрьмы, и общение с другими заключенными. В камере он

познакомился с известным анархистским активистом, бывшим большевиком Петром Аршиновым, который в будущем станет значимой фигурой в истории «махновщины». Аршинов, хоть и был всего на год старше Махно, занялся его идеологической подготовкой. Как он вспоминал позднее, «практически необразованный Махно постарался использовать тюрьму в целях самообразования и проявил в этом отношении крайнюю настойчивость. Он изучил русскую грамматику, занимался математикой, русской литературой, историей культуры и политики, экономикой...»

Упорный, не желающий смириться с полным бесправием личности, Махно всегда спорил с начальством и за семь лет шесть раз попадал в карцер, нажив себе, таким образом, туберкулез, после чего не мог курить и, разумеется, окончательно озлобился. Можно понять: последней радости лишили.

После Февральской революции Махно, как и множество других заключенных, политических и уголовных, был досрочно выпущен из тюрьмы и уже через три недели вернулся в Гуляйполе. В столице ему, по видимому, «не показалось». В своих выступлениях на многочисленных митингах Махно постоянно подчеркивал, «что отсюда, из недр населения крестьянства, родится та мощная революционная волна самостоятельности масс, на которую революционный анархизм должен опереться».

25 марта он сделал доклад группе анархистов, в котором говорил о необходимости организации Крестьянского союза, что «даст возможность крестьянам самим подойти вплотную к вопросу о земле и провозгласить ее общественным достоянием, не дожидаясь решения об этом важном для крестьян вопросе «революционного правительства».

В тот же день Махно выступил на собрании местного Общественного комитета, возглавлявшегося офицерами, где добился решения о пере выборах и о том, что будущий комитет перейдет под контроль организуемого Крестьянского союза. Это было необходимо, как считал Махно, для того, чтобы помочь рабочим и крестьянам понять, «что они, при сознательном отношении к делу революции окажутся единственно верными носителями идеи самоуправления, без опеки каких бы то ни было политических партий и их слуг правительств».

Как говорится, дома и стены помогают. Махно был немедленно избран товарищем (заместителем) председателя волостного земства. Бывший «узник царизма» стал председателем Гуляйпольского крестьянского союза (оставался им и после реорганизации Союза в Совет рабочих и крестьянских депутатов). Словом, политическая карьера складывалась на удивление удачно, но... как-то скучновато.

Чтобы жизнь не казалась слишком пресной, Махно сформировал

отряд «Черная гвардия» и начал нападать на поезда, расстреливать помещиков, промышленников, офицеров. Вскоре после приезда его отряд захватил в ссудо-сберегательной кассе села Жеребцы несколько тысяч рублей, на которые закупил оружие. Ведь, с точки зрения анархизма, экспроприация была одним из важнейших средств борьбы за свободу. Не за свободу от чего-то, а за свободу вообще.

Нестор Иванович всегда отличался нетерпеливостью. Он выступал за немедленные радикальные револю-

сандровске Махно заявил, что трудовое крестьянство не доверяет дела революции обществам, комитетам и тому подобным организациям. Он был горячо поддержан эсерами, и съезд вынес резолюцию о переходе земли в пользование трудового общества без выкупа.

Резонанс на юго-востоке Украины был сильным: к Махно приезжали делегации с вопросом: с чего и как начать? Ответы, к сожалению, неизвестны.

По просьбе металлистов и деревообделочников он вступил в их про-

В

торой раз Махно был арестован за убийство чиновника военной управы и приговорен к смертной казни через повешение. Просидел в камере смертников 52 дня, но... так как к моменту совершения преступления не достиг совершеннолетия, казнь ему заменили бессрочной каторгой в каторжном отделении бутырской тюрьмы в Москве, откуда он был досрочно выпущен и вернулся в Гуляйполе

ционные преобразования до созыва Учредительного собрания. Уже 1 мая 1917 года подписал депешу в Петроград с требованием изгнать из Временного правительства 10 «министров-капиталистов». Почему-то к его требованию не прислушались.

Тогда Махно организовал манифестации под лозунгом «Долой правительство и все партии, стремящиеся навязать нам этот позор» (войну до победы). В мае на уездном крестьянском съезде в Алек-

фсоюз и руководил забастовкой с требованием повышения зарплаты. Хозяева уступили, а авторитет Нестора Ивановича после этого взлетел до небес.

Июльский расстрел демонстрации в Петрограде Махно назвал «гнусным, ничем не оправданным преступлением буржуазии». Довольно смелое заявление для человека, расстрелявшего к этому времени не меньше десятка «буржуинов» исключительно за социальное происхождение.

В июне того же года по инициативе Махно на предприятиях Гуляйполя был установлен рабочий контроль, при поддержке сторонников пламенный революционер разогнал прежний состав земства, провел новые выборы, стал председателем земства и одновременно объявил себя комиссаром Гуляйпольского района. Обладая при этом непрерываемым авторитетом, он, по сути, установил личную диктатуру.

По инициативе Махно при Гуляйпольском Совете рабочих и крестьянских депутатов был создан комитет батраков, деятельность которого направлена против местных помещи-

ков. Он также был избран делегатом губернского съезда Крестьянского союза в Екатеринославе и попутно осудил участие в работе Государственного совещания П.А. Кропоткина, которого, вообще-то, очень уважал и считал одним из столпов анархизма.

Тем же летом Нестор Иванович Махно возглавил «комитет по спасению революции», разоружил помещиков и буржуазию в районе. На районном съезде Советов был избран председателем и вместе с другими анархистами призвал крестьян игнорировать распоряжения Временного правительства и Централь-

ной Рады, «немедленно отобрать церковную и помещичью землю и организовать по усадьбам свободные сельскохозяйственные коммуны, по возможности, с участием в этих коммунах самих помещиков и кулаков».

Помимо приверженности к анархизму, Махно были не чужды и некоторые утопические замашки. Но блестящую идею «украинского Томаса Мора» почему-то никто не поддержал — ни крестьяне, ни помещики. То есть отобрать помещичью и церковную земли крестьяне были готовы, но вовсе не для того, чтобы создавать коммуны с бывшими владельцами. Помещики же и священнослужители были категорически против реализации идеи вообще. Блестящий проект с треском провалился.

Но Нестор Иванович не опустил руки, а 25 сентября 1917 года, ровно за месяц до основного события того года в России, подписал декрет уездного Совета о национализации земли и разделил ее между крестьянами. Вот и все. Не понадобилось ни из пушек палить, ни почту и телеграф захватывать. Просто, как все гениальное.

Отношение Махно к Октябрьской революции было, мягко говоря, неоднозначным. Убежденный антигосударственник, он считал весьма положительным, что с буржуазным государством покончено. Но «то обстоятельство, что этот революционный переворот привел к власти партию большевиков и левых социалис-

тов-революционеров, не должно обольщать украинских революционных тружеников, сознательные крестьяне и рабочие должны видеть в этом новый этап вмешательства власти в революционное творчество тружеников на местах и, следовательно, новую волну борьбы власти с народом».

Правда, после событий в Петрограде Махно как бы остепенился. С 1 по 5 декабря 1917 года в Екатеринославе он принял участие в работе губернского съезда Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов в качестве делегата от Гуляйпольского Совета, поддержал требование большинства делегатов о созыве Всеукраинского съезда Советов. Попутно был избран в состав судебной комиссии Александровского ревкома для рассмотрения дел лиц, арестованных Советской властью.

Но «быть как все» ему быстро наскучило. Вскоре после арестов меньшевиков и эсеров Махно стал выражать недовольство действиями судебной комиссии и предложил взорвать городскую тюрьму и освободить арестованных. Предложение не прошло.

Чрезвычайно негативным было отношение Нестора Ивановича к выборам в Учредительное собрание. Он назвал складывавшуюся ситуацию «карточной игрой» и не только:

«Не партии будут служить народу, а народ — партиям. Уже теперь... в деле народа упоминается одно лишь его имя, а вершат дела партии».

Не получив поддержки в ревком, Махно вышел из его состава. И все последующие годы прошли под знаком непрерывно меняющейся позиции по отношению к непрерывно меняющимся политическим (и военным) силам на Украине.

После захвата Екатеринослава отрядами Центральной Рады (декабрь 1917 года) Махно занял активную позицию в борьбе с противниками революции: стал инициатором проведения экстренного съезда Советов Гуляйпольского района, вынесшего резолюцию с требованием

войсками организовал вместе с группой соратников отряд, сражался против кайзеровских войск и правительства Украинской державы.

Махно приветствовал Брест-Литовский договор и считал его одним из самых удачных тактических маневров, какие могли только развернуться в общей революционной стратегии. В отместку украинские и немецкие военные власти сожгли дом его матери и расстреляли старшего брата.

После отступления и расформирования отряда в Таганроге Махно решил детально ознакомиться с де-

Ч

тобы жизнь не казалась слишком пресной, Махно сформировал отряд «Черная гвардия» и начал нападать на поезда, расстреливать помещиков, промышленников, офицеров, грабил банки, считая «экспроприацию» одним из важнейших средств за свободу — свободу не от чего-нибудь, а вообще

«смерти Центральной Раде» и высказавшегося за организацию противоборствующих ей сил, но от поста председателя Совета отказался.

Немного позже приветствовал победу революционных сил в Екатеринославе и возглавил Ревком, созданный из представителей анархистов, левых эсеров и украинских социалистов-революционеров.

В начале апреля 1918 года после захвата Екатеринослава и прилегающего района австро-германскими

ятельностью анархистов, для чего отправился «в турне» по маршруту Ростов-на-Дону — Саратов — Тамбов — Москва.

В Москве встретился с местными лидерами анархистов: Аршиновым, А.А. Боровым, И.С. Гроссманом, П.А. Кропоткиным, Л. Черным (Турчаниновым), а также руководителями советского правительства: В.И. Лениным, Я.М. Свердловым, Л.Д. Троцким, Г.Е. Зиновьевым, присутствовал на заседаниях Всерос-

сийского съезда профсоюзов текстильщиков и успел принять участие в работе Московской конференции анархистов, выработавшей тактику борьбы против гетманщины и австро-германских войск на Украине.

Махно в своих воспоминаниях писал, что Ленин живо интересовался вопросом, как крестьяне его местностей воспринимают лозунг «Вся власть Советам!» После беседы с ним Махно заявил:

— Я лично почувствовал, что начинаю благоговеть перед Лениным.

Однако в то же время он пришел к выводу, что в Москве «центр бумажной революции», способный только на советы. Но на всю жизнь запомнил слова, сказанные ему П.А. Кропоткиным: «Нужно помнить, дорогой товарищ, что борьба не знает сентиментальностей. Самоотверженность, твердость духа и воли к намеченной цели побеждают все».

По согласованию с Всеукраинским бюро по руководству повстанческим движением и выполняя решение Таганрогской конференции анархистов, 29 июня 1918 года Махно покинул Москву для организации вооруженной борьбы против немецко-австрийских и гетманских войск на Украине.

21 июля 1918 года с паспортом на имя И.Я. Шепеля он прибыл в Гуляйполе и подпольно организовал небольшой партизанский отряд, вскоре соединившийся с партизанским отрядом Ф. Щуся. Уже к осени вокруг отряда Махно сгруппирова-

лись силы других партизанских отрядов, действовавших в Александровском уезде. Махно фактически стал руководителем повстанческого движения в Екатеринославской губернии.

Родилась «махновщина», которую сам Махно характеризовал как «лучшее антигосударственное революционное движение широких украинских масс». Гуляйпольским анархистам он писал:

«Общими усилиями займемся разрушением рабского строя, чтобы вступить самим и ввести других наших братьев на путь нового строя. Организуем его на началах свободной общественности, содержание которой позволит всему не эксплуатирующему чужого труда населению свободно и независимо от государства и его чиновников, хотя бы и красных, строить всю свою социально-общественную жизнь совершенно самостоятельно у себя на местах, в своей среде... Да здравствует наше крестьянское и рабочее объединение! Да здравствуют наши подсобные силы — бескорыстная трудовая интеллигенция! Да здравствует Украинская социальная революция!»

Из воспоминаний начштаба армии махновцев В.Ф. Белаша:

«... Числа 20 сентября в Дибровском лесу мы соединились. Наш отряд возрос до пятнадцати человек. Простояли мы в лесу спокойно, что-то дня три, расширили землянку Щуся, а потом решили катнуть в Гуляйполе. Но, ввиду того, что там

было много австрийцев, выкачивавших хлеб, останавливаться в нем было опасно. Тогда мы решили ехать в деревню Шагарово и подобрать там наших ребят, скрывавшихся от австрийцев. Махно тогда ничем не проявлял себя и был как все, маленький и равный. До этого прогремевший налетами Щусь пользовался у нас военным авторитетом. Однако он не имел над нами власти, и если надо было куда-нибудь идти, все сообща решали вопрос и, в зависимости от настроения отряда, принимали то или иное решение...

...Нас было тридцать шесть человек, и, находясь в центре леса, мы не знали, как выйти из кольца в поле. Что делать? Остаться тут или поставить карту на прорыв? Мы колебались.

Щусь, сторонник умереть в лесу, пал духом. Противоположностью ему был Махно. Он выступил с речью и призвал щусевцев последовать за гуляйпольцами, которые были сторонниками прорыва. Щусевцы поддались его влиянию и заявили:

— Отныне будь нашим батькой, веди, куда знаешь.

И Махно начал готовить прорыв...»

Отряд батьки совершал молниеносные налеты и сразу исчезал, чтобы внезапно появиться в другом месте. Излюбленным тактическим приемом Махно было появление в стане противника в форме гетмановских частей.

Он также возглавил и борьбу с режимом С. В. Петлюры. 27 ноября 1918 года занял Гуляйполе, объявил село «столицей» войска, ввел в нем осадное положение и организовал «Гуляйпольский революционный штаб».

Затем, неожиданно для всех, принял предложение Екатеринославского комитета КП(б)У о совместных военных действиях против Директории и 27–29 декабря 1918 года, совместно с красногвардейскими отрядами, занял Екатеринослав. Его заслуги оценили по достоинству: уже 30 декабря он стал главнокомандующим так называемой Советской революционной рабоче-крестьянской армией Екатеринославского района.

Однако, потерпев сокрушительное поражение в бою с петлюровцами, махновцы с большими потерями оставили Екатеринослав, и Махно, с отрядом всего около 200 человек, вернулся в Гуляйполе. Естественно, без всех своих новообретенных титулов и регалий.

В январе — феврале 1919 года в районе Гуляйполя Махно был по горло загружен самыми разнообразными делами: вел бои против вооруженных формирований немцев-колонистов, препятствовал мероприятиям по проведению большевиками продразверстки, призывал крестьян явочным порядком претворить в жизнь идею «уравнительного землепользования на основе собственного труда» и... отправлял в города Рос-

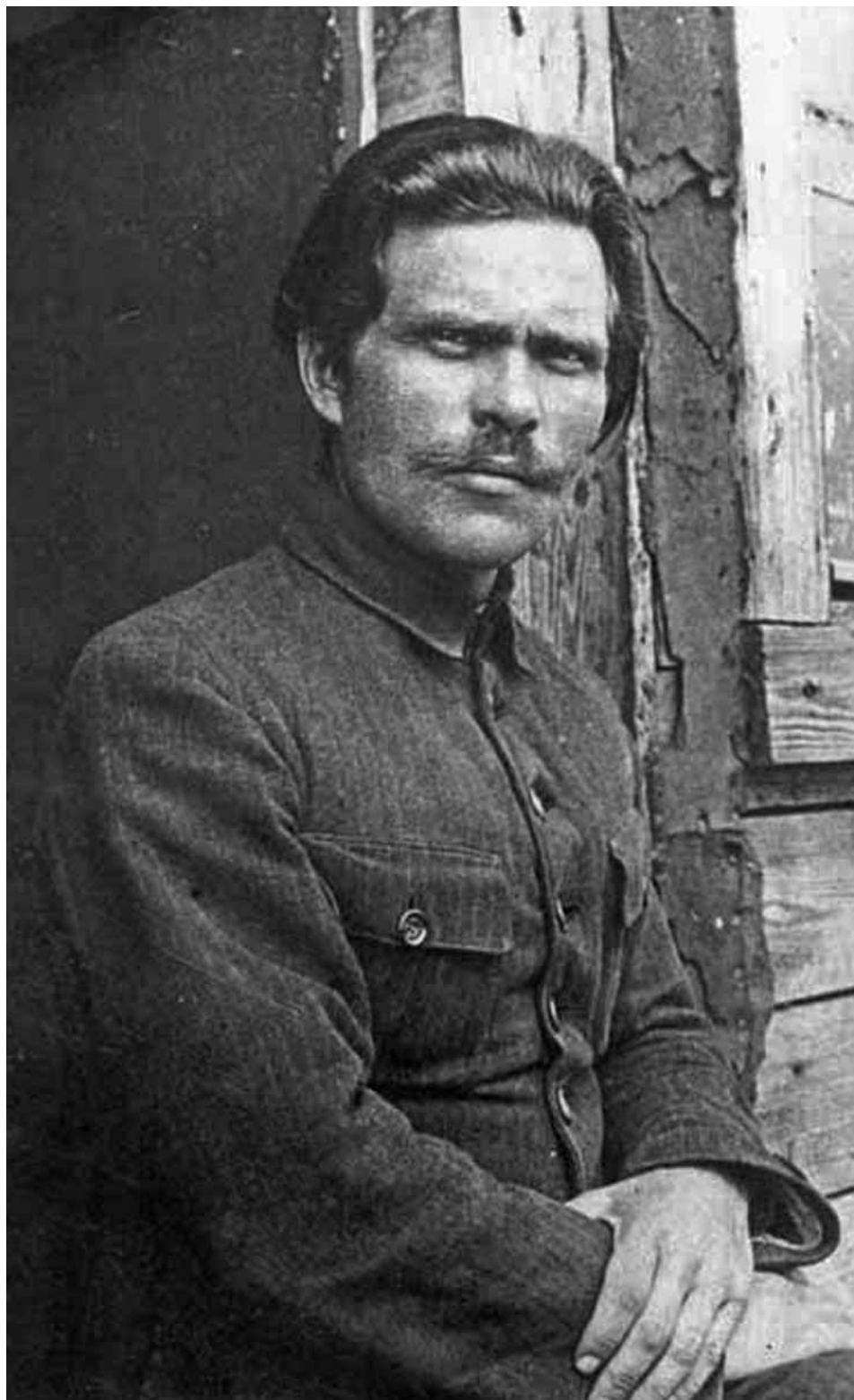

сии эшелоны с хлебом, на вагонах которых было написано: «От Батьки Махно».

В середине февраля 1919 года, в обстановке угрозы наступления войск генерала А.И. Деникина на Донбасс, махновцы заключили военное соглашение с командованием Красной Армии, согласно которому их повстанческая армия численностью до 50-ти тысяч человек, вошла в состав 1-й Заднепровской украинской советской дивизии Украинского фронта. Бригада под командованием комбрига Махно находилась в оперативном подчинении командования Южного фронта и сражалась против деникинских войск на правом фланге фронта на линии Мариуполь — Волноваха.

За рейд на Мариуполь, замедливший наступление белых на Москву, комбриг Махно, по некоторым сведениям, был награжден орденом Красного Знамени за номером 4. Действительно ли это было, или это всего лишь очередная красивая легенда, достоверно установить так и не удалось. Во всяком случае, сам Махно о высокой награде предпочитал помалкивать — на всякий случай. Или просто потому, что ее не было.

Понять логику поступков Махно достаточно сложно, в основном, из-за отсутствия таковой. В апреле 1919 года на 3-м районном съезде Советов Гуляйпольского района он был избран почетным председателем, а в своей речи заявил, что Советская

власть изменила «октябрьским принципам», коммунистическая партия узурпировала власть и «оградила себя чрезвычайками».

Вместе с Щусем, Коганом и Мавродой Махно подписал резолюцию съезда, в которой выразалось неодобрение решений 3-го Всеукраин-

ского съезда Советов по земельному вопросу (о национализации земли), протест против ЧК и политики большевиков, требование удаления всех назначенных большевиками лиц с военных и гражданских постов. Но, встретившись чуть позже с Антоновым-Овсеенко, от своей подписи наотрез отказался.

Одновременно махновцы требовали «социализации» земли, фабрик и заводов, изменения продовольственной политики, свободы слова, печати и собраний всем левым партиям и группам, неприкосновенности личности, отказа от диктатуры коммунистической партии, свободы выборов в Советы трудящихся крестьян и рабочих.

С 15 апреля 1919 года на Южном фронте Махно командовал повстанческой бригадой, входившей в состав 3-й Украинской советской армии. После начала мятежа Григорьева (7 мая 1919 года) он занял выжидательную позицию, а затем решил остаться на стороне украинского советского правительства Раковского.

В начале июня 1919 года бригада Махно, не получая от командования Красной Армии боеприпасов и снаряжения, в боях с частями Кавказской дивизии под командованием генерала А. Г. Шкуро понесла тяжелые потери. Белые прорвали фронт, заняли Донбасс.

6 июня 1919 года приказом председателя РВС РККА Льва Троцкого Махно был объявлен вне закона

«за развал фронта и неподчинение командованию», и командиром бригады вместо него был назначен Круссер А.С.

Махно принял решение о разрыве соглашения с Советским правительством и направил телеграмму Ленину, а также Каменеву, Зиновьеву, Троцкому, Ворошилову, Раковскому, в которой сообщил о своей преданности революционному делу и объяснил принятие решения о разрыве с Красной Армией постоянными нападками на него со стороны «представителей центральной власти» и «прессы коммунистов-большевиков». Одновременно просил освободить его от командования дивизией (в июне был издан приказ о переформировании повстанческой бригады махновцев в штатную стрелковую дивизию) «ввиду создавшегося невыносимо-нелепого положения».

После разрыва с большевиками Махно с остатками своей бригады отступил в Херсонскую губернию и совместно с Григорьевым продолжил вооруженное сопротивление войскам Деникина, присоединяя к себе небольшие отряды повстанцев и красноармейцев-окруженцев, формируя, таким образом, боееспособные части повстанческой армии.

В середине июля 1919 года Махно возглавил Реввоенсовет объединенной Революционно-повстанческой армии Украины (РПАУ), а затем стал ее главнокомандующим.

С началом наступления белых войск на Москву, летом 1919 года,

Махно начал широкомасштабную партизанскую войну в тылу у белых и вновь призвал крестьянских повстанцев к союзу с красными:

«Главный наш враг, товарищи крестьяне, — Деникин. Коммунисты — все же революционеры... С ними мы сможем расчитаться потом(!). Сейчас все должно быть направлено против Деникина».

Теснимый регулярными частями белых, он увел свои партизанские отряды на запад и к началу сентября подошел к Умани, где попал в полное окружение: с севера и запада — петлюровцы, с юга и востока — белые. В своих воспоминаниях Деникин писал:

«Махно вступил в переговоры с петлюровским штабом, и стороны заключили соглашение: взаимный нейтралитет, передача раненых махновцев на попечение Петлюры и снабжение Махно боевыми припасами. Для выхода из окружения Махно решился на смелый шаг: 12 сентября он неожиданно поднял свои отряды и, разбив и отбросив два полка генерала Слащева, двинулся на восток, обратно к Днепру. Движение это совершалось на сменных подводах и лошадях с быстротой необыкновенной: 13-го — Умань, 22-го — Днепр, где, сбив слабые наши части, наскоро брошенные для прикрытия переправ, Махно перешел через Кичкасский мост, и 24-го он появился в Гуляйполе, пройдя за 11 дней около 600 верст.

...В результате в руках повстанцев оказались Мелитополь, Бердянск,

где они взорвали артиллерийские склады, и Мариуполь — в 100 верстах от Ставки (Таганрога). Повстанцы подходили к Синельникову и угрожали Волновахе — нашей артиллерийской базе... Случайные части — местные гарнизоны, запасные батальоны, отряды Государственной стражи, выставленные первоначально против Махно, легко разбивались крупными его бандами. Положение становилось грозным и требовало мер исключительных. Для подавления восстания пришлось, невзирая на серьезное положение фронта, снимать с него части и использовать все резервы. ...Это восстание, принявшее такие широкие размеры, расстроило наш тыл и ослабило фронт в наиболее трудное для него время».

Таким образом, партизанские действия Махно по разрушению тыла белой армии оказали заметное влияние на ход войны и помогли красным отбить наступление Деникина на Москву. Что вряд ли входило в планы самого Махно, если у него вообще были какие-то планы.

1 сентября 1919 года Махно провозгласил создание «Революционной повстанческой армии Украины (махновцев)», а 15 сентября махновцы в очередной раз заняли Екатеринослав.

На заседании Реввоенсовета армии и съезде крестьянских, рабочих и повстанцев в Александровске Махно выдвинул программу действий, сводящуюся к созданию са-

мостоятельной крестьянской республики в тылу деникинских войск (с центром в Екатеринославе).

Программа Махно предусматривала отмену диктатуры пролетариата и руководящей роли коммунистической партии и развитие самоуправления на основе беспартийных «вольных Советов», организацию «третьей социальной революции» для свержения большевиков и установления народной власти и собственности крестьянских масс на землю.

На 2-м районном съезде Советов Гуляйпольского района он заявил:

кого Махно был объявлен вне закона (махновская армия также подлежала ликвидации).

Желая привлечь крестьян на свою сторону, правительство генерала Врангеля предложило Махно союз против большевиков, обещая в случае победы провести широкую земельную реформу. Однако Махно от предложения отказался. Посланник Врангеля был публично казнен в Гуляйполе.

Желая использовать боееспособные части повстанцев против Врангеля, осенью 1920 года правитель-

С

паспортом на имя И.Я. Шепеля Махно прибыл в Гуляйполе и подпольно организовал небольшой партизанский отряд. Постепенно вокруг его отряда сгруппировались силы и других партизанских отрядов. Фактически Махно стал руководителем повстанческого движения в Екатеринославской губернии

«Если товарищи большевики идут из Великороссии на Украину помочь нам в тяжелой борьбе с контрреволюцией, мы должны сказать им: "Добро пожаловать, дорогие друзья!" Если они идут сюда с целью монополизировать Украину, мы скажем им: "Руки прочь!"»

После ликвидации деникинского фронта в конце 1919 года у правительства большевиков отпала нужда в союзе с повстанцами-анархистами, и 11 января 1920 года приказом Троц-

ство большевиков вновь предложило Махно военный союз. Он в очередной раз подписал соглашение, теперь уже с правительством только что созданной УССР. В результате этого соглашения отряд повстанцев численностью до 2,5 тысяч бойцов был отправлен в район Перекопа.

Части Махно первыми ворвались на Литовский полуостров в Крым, форсируя и преодолев в брод Сиваш, и положили начало разгрома

войск Русской армии генерала Врангеля.

Но после завершения военных действий красное командование решило избавиться от ставшего ненужным союзника. Отряд махновцев был окружен, однако смог выйти с полуострова. В ходе отступления он был настигнут превосходящими силами красных и частично уничтожен пулеметным огнем, спастись удалось единицам.

Вскоре после падения белого Крыма командование Красной Армии издало приказ о передислока-

17 апреля 1921 года газета «Звезда» №238 опубликовала сообщение об успешной борьбе «трудящихся Бердянского уезда» совместно с частями Красной Армии против отрядов Махно. В статье в частности было сказано:

«Не устояли махновские шайки перед регулярными частями Красной Армии, банды были разбиты и разогнаны. Жизнь в городе и уезде после того, как миновал призрак "махновщины", вошла в нормальную колею».

В конце лета 1921 года, после многочисленных столкновений

После ликвидации деникинского фронта у правительства большевиков отпала нужда в союзе с анархистами, и приказом Троцкого Махно был объявлен вне закона (махновская армия тоже подлежала ликвидации)

ции махновцев на Южный Кавказ. Считая этот приказ ловушкой, Махно отказался подчиниться. Ответом большевиков стала военная операция по «ликвидации партизанщины».

Махно несколько месяцев перемещался с остатками своих бойцов по Украине, уходя от преследования. При этом отдельные соединения красных, в особенности принимавшие участие в совместных с Махно боях, сражались против махновцев «нехотя», иногда переходя на сторону повстанцев.

с превосходящими силами Красной Армии, остатки отрядов повстанцев были прижаты к румынской границе. 28 августа Махно с отрядом из 78 человек перешел границу в районе Ямполья. Был ранен 12 пулями, контужен, у него была перебита нога.

Румыны немедленно интернировали махновцев. Долгое время им пришлось жить в очень плохих условиях, в тифозных вшивых бараках, без лекарств и перевязок, питаясь кукурузной похлебкой. Через две недели после их прибытия нарком иностранных дел РСФСР Чичерин

потребовал выдачи Махно. Но румыны несколько месяцев отвечали отказом.

Весной 1922 года Махно вместе с женой и еще тремя товарищами бежал из румынского лагеря. Это произошло не без помощи местных властей, отнюдь не заинтересованных ни в потакании большевикам, ни в конфликте с ними.

22 апреля беглецы оказались в Польше, также в лагере для интернированных лиц. Махно приехал в Европу без гроша в кармане, в одной гимнастерке. Деньги на еду он иногда получал от американских анархистов. В польской политике 20-х годов Махно представлял интерес для многих. Первыми пришли петлюровцы с предложением об организации общего фронта эмигрантов против коммунистов, но он даже не пожелал с ними разговаривать. Вслед за украинскими националистами пришли и польские коммунисты. Махно отклонил и их планы.

25 сентября 1923 года он был арестован, помещен в варшавскую тюрьму и вскоре предстал перед судом по обвинению в подготовке восстания в Восточной Галиции для присоединения ее к Советской Украине. Суд, естественно, оправдал Махно и он был отправлен на поселение в город Торунь.

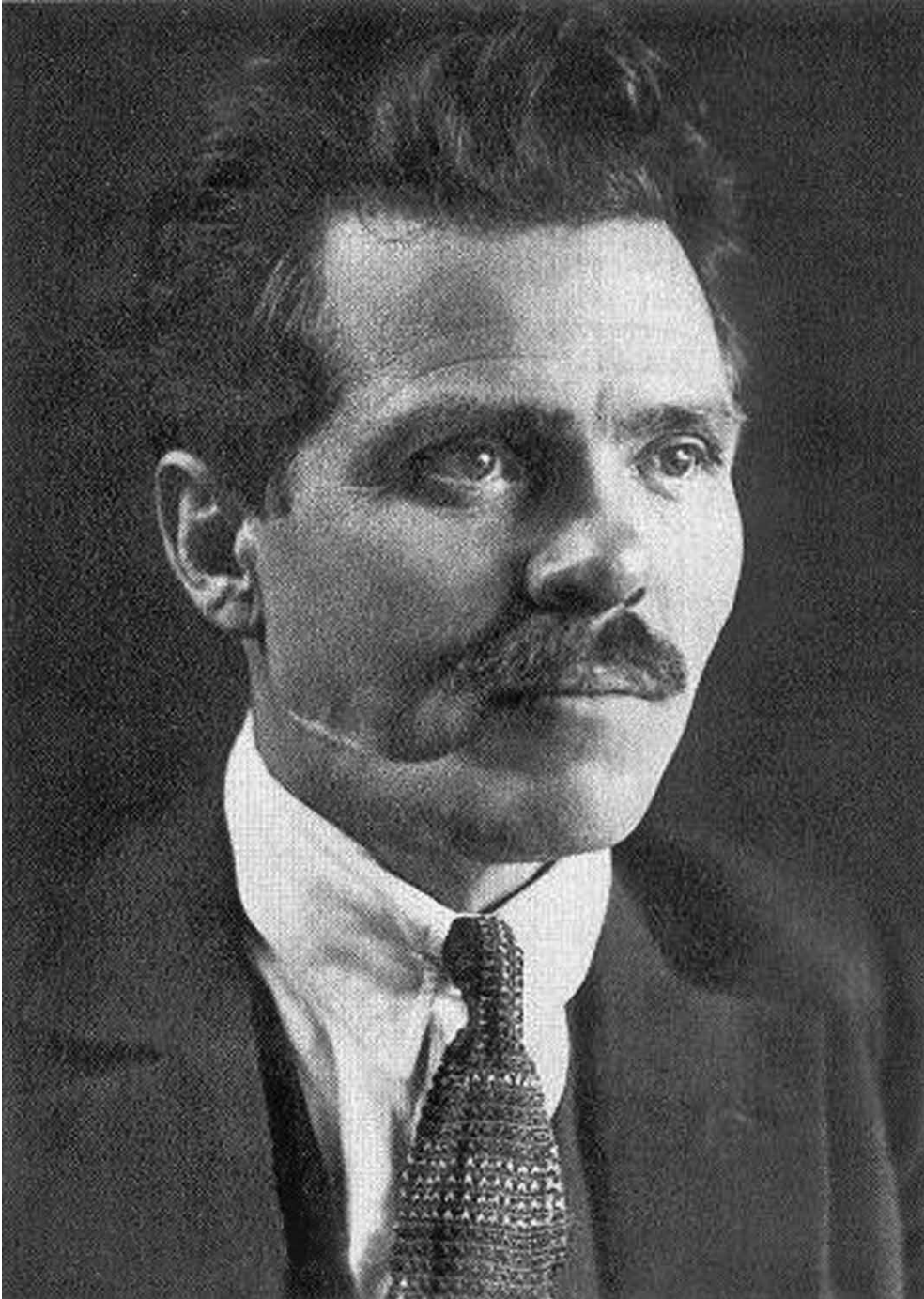
В декабре 1923 года Махно сделал публичное заявление о борьбе против большевиков и Советской власти, вызвавшее отрицательную реакцию польского правительства.

После попытки самоубийства его перевели под надзор полиции в город Данциг. В том же году с помощью российских анархистов-эмигрантов он добился разрешения на выезд в Германию.

Но в Данциге его захватили чекисты и повезли в Берлин, в советское посольство. Махно выбросился из автомобиля и сдался немецкой полиции, после чего его вывезли в Париж.

Махно подрабатывал столяром, плотником, даже занимался плетением домашних тапочек. Помощь

*Нестор
Махно
в эмиграции:
20-е—30-е гг.
XX века*

ему оказывали местные организации анархистов. Связей с Россией не было почти никаких. До 1934 года он жил в пригороде Парижа — Венсенне.

В последние годы жизни Махно активно участвовал в жизни европейских анархических объедине-

ний, публиковал отдельные очерки в анархическом журнале «Дело труда» (Париж), готовил мемуары, вел упорную борьбу против клеветы в сторону «махновщины» и самой его личности.

В то же время стали звучать резкие обвинения Махно и его армии в

еврейских погромах во время боевых действий. В результате бурных разбирательств, с привлечением независимых свидетелей и объективных фактов, Махно и его соратники были полностью оправданы в этом вопросе. Также были опровергнуты домыслы, основанные на рассказах одного из белых офицеров, по поводу его многоженств, а также разгулов и резни, якобы устраиваемых махновцами повсеместно во время гражданской войны.

Его жизнь за границей не была бессмысленной, как у многих эмигрантов. Испанцы призывали его возглавить их революцию. Именем Махно была названа одна из военных бригад испанских анархо-синдикалистов, сражавшихся против армии генерала Франко. Разбитый чахоткой и мучимый старыми ранами, Махно помогал, чем мог, давал советы восставшим пролетариям Кастилии. Здоровье его было сильно подорвано множеством ранений, в том числе тяжелых, полученных в боях, и лично участвовать в боевых действиях он уже не мог.

Известно, что Махно был дважды женат: первый раз на своей землячке Анастасии Васецкой, которая родила ему сына, но мальчик прожил всего неделю, а вихрь революционных событий навсегда развел супругов. Во втором браке с Галиной Кузьменко родилась дочь Елена, носившая в юности, согласно немецкому паспорту, фамилию Михненко. Махно развелся с Галиной

в Париже в 1927 году, и она с дочерью уехала в Германию. В 1945 году обе были арестованы в Германии агентами НКВД, привезены в СССР, осуждены, долго содержались в ГУЛАГе. Но в 1954 году были освобождены и дожили жизнь относительно спокойно: Галина умерла в 1978 году в возрасте 84 лет, Елена — в 1992-м, в возрасте 70 лет.

Образ Махно кардинально менялся в разные годы. Официальная пропаганда в СССР изображала Махно и его соратников бандитами и антисемитами. Яркий пример тому — трилогия А.Н. Толстого «Хождение по мукам», в которой рассказывается о взятии махновцами Екатеринослава.

С другой стороны, народное творчество относило махновцев к «героям гражданской».

*«За горами, за долами
жде синів своїх давно
батько мудрий, батько славний,
батько добрий наш — Махно...»*

(Крестьянская песня времен гражданской войны)

6 июля 1934 года в возрасте 45 лет он умер в парижской больнице от костного туберкулеза. Тело Нестора Махно было кремировано, а урна с прахом замурована в стене колумбария кладбища Пер-Лашез, в ячейке под номером 6685.

Батько Махно... Человек, о котором знают практически все и не знают практически ничего... □

ЗАЩИТНИЦА-2

Эта книга вряд ли была бы написана без предшествующих, длинных и захватывающих бесед с Мариной Вячеславовной Кащенко и Александром Всеволодовичем Алексеевым. Тем не менее, все нижеизложенное — литературное художественное произведение, в связи с чем претензии от «опознавших себя» персонажей категорически не принимаются.

Глава 1

Другая Россия. Белогорск. Радости и беды уральского городка

Вот уж правду говорят, что есть как минимум две России — Москва и не Москва. И это вовсе не два разных географических измерения — как Север и Юг, например. Скорее, как две разные планеты. Потому что в них даже время течет по-разному: в столице — стремительно, а в многочисленных «не столицах» — вальяжно и не спеша.

Впрочем, и там, и там живут люди, которым все давно без разницы. Типа — живут, но не очень управляют своей жизнью. Да и не стремятся к этому.

Такими в полной мере были все члены небольшой семьи Гильдеевых.

Отец, Тимур Рифатович, сорока шести лет от роду, выглядел как немощный старик. По состоянию здоровья своего он и был стариком: былую

Журнальный вариант

силу сжег алкоголь, употребляемый в количествах, неподъемных даже для его, в прошлом могучего, организма.

Сын, как это часто бывает, пошел по отцовским стопам. Неплохой парень, добрый и веселый. Вот только пить начал рано, и сразу крепко. Армия для него была просто спасением, жаль, что ненадолго. Однако, по возвращении оттуда, юный Ринат Тимурович, к радости мамы Далии, все же как-то слегка остепенился. Да и работа не позволяла «квасить» ежедневно: Ринат ездил на старом автобусе, возил шоферов после смены домой и рано утром на автобазу, для чего специально открыл в правах новую категорию — «Д».

И слава богу, что перестал, потому что судьба уготовила ему тяжкое испытание, которое пьяному никак не пройти.

Лихой мотоциклист обгонял по «встречке» старенький «Жигуль», неторопливую пенсионерскую «четверку», просевшую на задние колеса из-за груза картошки. Обгонял, к тому же, на повороте, рискуя не только своей жизнью, но и еще двумя чужими. Ринат даже не успел нажать на педаль тормоза, как из-за поворота выскочило ЭТО и на полной скорости влетело ему под колеса.

Вряд ли уместно описывать в деталях, что было дальше...

Формально Ринат Тимурович мог быть обвинен в смерти, как написано в законе, «двух и более лиц». Однако девять сидевших в салоне шоферов четко указали следователю, что в данной ситуации он ничего сделать не мог. Фактически — об него просто ударились, шансов избежать трагедии у водителя автобуса не было.

Эту же версию подтвердила техническая экспертиза. Автобус, кстати, оказался, несмотря на возраст, исправен. И очень-очень уместным было то, что Ринат предыдущим вечером ничего не пил, иначе все стало бы для него гораздо хуже.

Хотя, если уж совсем честно, то не выпил он потому, что мама Далия встала на пороге и сказала сыну — только через мой труп. Ринат, у которого присутствовали и деньги, и желание, обернулся, было, в поисках помощи от такого же постоянно страждущего отца, но увидел лишь его чуть не бездыханное тело: Тимуру Рифатовичу хватило ранее принятого, чтобы на несколько часов покинуть постылую действительность.

В тот вечер Ринат здорово разозлился на мать, отменившую ему желанное удовольствие. Зато, когда закрывали уголовное дело — в виду отсутствия состава преступления, — был ей несказанно благодарен. Его и так преследовали ночные кошмары — на мотоцикле убилось целое семейство: отец, мать и ребенок, девочка. А если бы он еще и знал, что виновен в их смерти — то как дальше жить?!

После той страшной трагедии Ринат ходил сам не свой.

Поскольку автобус оказался серьезно поврежден, его пересадили на совсем древний «зил», выпуска конца пятидесятых. По обоюдному согласию с ментами, «ЗИЛ»-ветеран техосмотров не проходил. Правда, и госномеров не имел. Обычная практика — выкинуть жалко, еще послужат, но требованиям, предъявляемым к автомобилям, уже не удовлетворяют. Такие машины назывались почему-то «бобиками» или «дворнягами». Ездили они обычно по территории автобазы — огромной, как все на Урале, площадей здесь никогда не жалели. Перевозили тяжелые детали и агрегаты. Иногда ненадолго выскакивали по какой-то надобности в город, «дэпээсники» были местные и легко прощали подобные прегрешения.

Впрочем, город — не совсем то, что мы себе обычно под этим словом представляем.

Все те же горы, те же подъемы и спуски, что и на сотню километров вокруг.

Те же сосны на склонах: невысокие, кривоватые, зато с медвяной корой, золотящейся в солнечных лучах. А в непогоду — почти черные.

В центре — несколько блочных многоэтажек, пара новомодных «монолитов» и даже забранная в бетон, с пешеходной зоной и стилизованными под старину фонариками, симпатичная набережная. Но это — на левом берегу. На правом — вплотную подходя к реке — то, что в Сибири с полным основанием именуют тайгой.

В пятистах метрах от центра дома становились ниже. А еще дальше — улицы обступали обычные деревенские избы. Некоторые — из бревен, некоторые — из камня. Статус у каменных был точно ниже, поэтому те, кто о статусе заботился, свои каменные дома обкладывали облицовочным материалом: кирпичом, новомодным сайдингом или просто белой штукатуркой. Таких тоже хватало.

На въезде с уфимского тракта дорога раздваивалась. Прямая широкая улица вела в центр. А узкая — заворачивала направо и лезла в крутую гору чуть не под сорок пять градусов. Внизу целые кварталы бараков пугали подъезжающих своими кривыми черными стенами. Бараки, кстати, были деревянными, их в свое время строили зэки. Впрочем, не только почерневшие от старости и непогод бараки выглядели страшновато. Были такие же дома поменьше, частные, вдоль улицы, карабкавшейся в гору. Кроме перманентной нищеты, усугубляемой вредными привычками, здесь все могло мгновенно усугубиться горным расположением, когда один дом нависает над другим, тот над третьим и так далее.

Один хороший ливень на вершинах — и со двора верхнего соседа может улететь к нижнему что угодно, бывало, что и сам дом съезжал — горы шутить не любят.

Район назывался Откос и считался неблагополучным. Кто сумел вырваться из привычной здешней колеи — хорошей учебой, мелким бизнесом или просто удачно «зашившись» от пьянки, — старались перебраться в более престижные места.

Именно на Откосе обитала семья Гильдеевых. Здесь вырос Тимур, сюда привел свою юную жену Далию, отсюда же вывез на кладбище своих, тоже еще не старых, но выработавшихся и измученных спиртной отравой родителей.

Жила в Белогорске еще одна семья, наполовину русская, наполовину башкирская. Отец — Ишмурзин Радик Алиханович. Мама — Вера Ивановна. Разумеется, Ишмурзина — здесь редко оставляют девичью фамилию. Старшую дочь называли русским именем Наташа, а младшую — башкирским (и татарским) — Алсу.

Папа был известным человеком в городе.

Именно он последние четверть века рулил городской автобазой. Умный, трудолюбивый и, что принципиально — мало пьющий. Такого оборота, кстати, в Белогорске не знали. Если человек не уходил в запои и не срывался с катушек, то про него говорили — не пьет.

Валютных миллионов не скопил, однако все, что должен иметь уважаемый житель Белогорска, Радик Алиханович имел и давно вошел в высшие слои здешнего общества.

Мама была доброй и заботливой, как ей и положено. И очень-очень занятой, несмотря на то, что ни дня не работала по трудовой книжке. На ней — дети, дом, живность, участок (как при доме, так и еще отдельно, за городом). Горничная стандартным укладом городка не предусматривалась.

Старшая дочь Наталья была стройной, аккуратной, более-менее симпатичной брюнеточкой. И — умной. В лучшей школе городка — а где еще могли учиться дочери завгара Ишмурзина? — она была первой ученицей. Блестяще сдала выпускные и, с родительского благословения, укатила в столицу, став студенткой престижного московского вуза.

Младшая, Алсу, любила сестру и одновременно слегка завидовала ей. Она получалась в семье как Золушка. Так уж сложилось: Наташка после уроков бегом на кружок или дополнительные занятия, а Алсу, не проявлявшая никакой тяги к учению, — на хозяйство. Дрова принеси, печку протопи, золу потом вынеси, за огородом следи — ну точно, Золушка. Разве что не у злой мачехи, а у любящих и любимых мамы с папой.

В Золушкину обязанность входило также носить домашние обеды отцу.

Вот тут-то, на автобазе, и пересеклись тропинки дочери завгара Алсу и сына алкоголика Рината.

Живой обоюдный интерес был совершенно понятен.

Она — ренуаровская девушка, пышная, серо-голубые глаза с поволокой, соломенная охапка волос. Он тоже не подкачал — невысокий, но физически очень сильный. Придя недавно из армии, парень не обнаружил своего выпускного костюма — тот был пропит. Поэтому Ринат щеголял в «дембельском прикиде», что не только не принижало парня, но делало даже более крутым в девчоночьих глазах. А еще Ринат постоянно выглядел очень грустным, еще не отойдя от той ужасной трагедии.

Вот таким, грустным и печальным, и встретила его Алсу.

Они сразу понравились друг другу, а когда девушка узнала причину грусти Рината, взаимная симпатия стала еще сильнее, а потом переросла в настоящую любовь.

Родители Алсу, узнав об этом, были категорически против.

— Сын алкаша будет алкашом, — убеждала дочку мама. — Ты хочешь быть хозяйкой в их доме на Откосе? — В городке это был самый неблагополучный район, и, конечно, Алсу не хотелось быть хозяйкой старого полуразваленного дома с дырявым сортиром на улице.

— От осинки не родятся апельсинки, — вторил ей отец.

Дочка же от обсуждения волнующей темы аккуратно уходила.

Она не могла бы поклясться на Библии или Коране, что безумно любит этого парня, зато точно знала, что не хочет, как Наташка, портить зрение за компьютером да книжками. Хочет же она — свой дом, мужа и того, что за этим неизбежно последует: детей девушка любила всегда. И всегда жалела, что Наташка — старшая, а не младшая сестренка.

В общем, родители, проведя профилактические беседы, немного успокоились: Алсу больше разговоров о Ринате не заводила, хотя подвозил он ее до дома частенько.

Оказалось — рано успокоились.

Все случилось в сенокос, когда полгорода брали отпуск: скотину держали очень многие, и в сене на зиму нуждались почти все.

Ни Радик Алиханович, ни Вера Ивановна так и не смогли понять, как все произошло, ребята вроде постоянно были на виду.

Но — произошло. Вернувшись после сенокоса домой, Алсу объявила родителям, что ждет ребенка. Это в корне меняло дело. Посоветовавшись, те приняли единственно верное решение — играть свадьбу.

Получилось не пышно, но очень достойно. Большой дом Ишмурзиных был полон гостей, в том числе — из городской элиты.

Незадачливый новый родственник, отец жениха, Тимур Рифатович, разумеется, набрался, правда, тихо, спокойно, без скандалов. Зато

сам Ринат пил совсем мало и ушел со свадьбы с молодой женой почти трезвым.

И потекла обычная жизнь: работа по дому, ожидание первенца.

Конечно, изба Гильдеевых не шла ни в какое сравнение с огромным домом родителей Алсу. Но, пока любовь не остыла, интерьеры — последнее, что волнует любящих.

Семейная идиллия закончилась быстро и, можно сказать, одномоментно. Однажды вечером Ринат не пришел домой.

В десять — нет. В двенадцать — нет.

Алсу позвонила отцу, тот молча выслушал и повесил трубку.

Через полчаса перезвонил сам.

— Он в полиции, — сказал Радик Алиханович.

Зачем-то погладив здорово округлившийся живот, Алсу, сдерживая страх, спросила:

— За что?

— Сбил четверых, — ответил отец. — Шли на ночную смену по проезжей части.

— Живы? — выдохнула она.

— Не все, — уклончиво ответил Радик Алиханович. Алсу в трубку услышала всхлипывания мамы. — Не волнуйся, доча, — тяжело вздохнув, пообещал Ишмурзин-старший. — Будем его вытаскивать. Куда ж деваться, родственник, — печально закончил он.

Несомненно, у завгара с двадцатипятилетним стажем все необходимые связи имелись. И в ГАИ, и в следствии, и в суде.

Возможно даже, на начальной стадии расследования им были получены некие гарантии.

По крайней мере, к адвокатам Радик Алиханович за все время следствия не обращался, ни к местным, ни к уфимским, ни к московским. А обратился он к ним лишь тогда, когда следствие завершилось, и дело было передано в суд.

Видимо, мощный общественный резонанс сделал невозможным спускание его на тормозах.

Прокурор, разумеется, тоже знакомый, объяснил завгару, что ничего сделать нельзя. Вина доказана многочисленными уликами, три жертвы скончались, еще одна женщина находится в глубокой коме. И еще сказал одну вещь — его зятю инкриминируют, как минимум, две статьи. Первая — нарушение ПДД, повлекшее за собой смерть двух и более лиц. Это — неосторожность. Вторая — оставление сбитых им лиц в опасности. А вот это уже умышленное преступление.

Тесть неудачливого водилы не зря был четверть века завгаром. Он точно знал, как опасны две перечисленные юристом статьи, соединенные вместе.

Одно лишь убийство по неосторожности — будет колония-поселение. Одно лишь оставление в опасности — срок в лагере, правда, небольшой (к тому же по этой статье редко дают реальные сроки).

Все гораздо хуже, когда статьи по неосторожному и умышленному преступлению вменяют одному и тому же лицу. Это сразу переводит отбытие совокупного наказания из колонии-поселения на зону. Пусть даже за первое дали десять лет, а за второе — только полтора года. Сложением наказаний может получиться, скажем, одиннадцать лет. Но уже не на поселении, в полусвободной общаге, да еще с приездом и проживанием рядом семьи, а в конкретном лагере, за «колочкой» с овчарками и прочими тюремными прелестями.

Потыркался завгар в городке, съездил за адвокатами в Уфу. Все они объяснили по-дружески: «попала березка под трактор». И, поскольку вариантов больше не оставалось, отправился в Москву, и там у земляков выведал про лучших защитников...

И вот он уже сидит в ничем не примечательной адвокатской конторе у трех вокзалов, в кабинете адвокатессы Ольги Шеметовой, за ее ничем не примечательным, слегка обшарпанным столом, и рассказывает о беде, постигшей их семью.

Шеметова, очень внимательно слушая, пока не могла найти ни единой зацепки, позволяющей хотя бы усомниться в выводах следствия. Ехать же в далекую Башкирию, чтобы присутствовать на судебном процессе в роли статиста, она не собиралась. Гонорар, конечно, от этого бы не убыл, просто Ольга считала себя Защитницей с большой буквы. А настоящие Защитницы, без смысла и пользы для доверителей, в суды «не ходят». Пусть даже за безумные гонорары.

Здесь же плохо было все.

Женщин, идущих в ночную смену на завод «Спецметалл», сбили ночью, на перекрестке — точнее, развилке — двух дорог. Пригородное неширокое шоссе расходилось здесь под острым углом на две улицы.

Тела на ужасных фотографиях были разбросаны веером, с большими промежутками друг от друга.

Три трупа, одна — полутруп.

Убийцу даже искать не пришлось.

«ЗИЛ»-«дворняга» врезался в забор за пару улиц от места ДТП. Когда через час его заметил патруль, то парня долго не могли привести в чувство, настолько он был пьян.

На пассажирском месте сидел единственный свидетель, Степа Волобуев, друг Рината. Он был не так пьян, как водитель, и кое-что вспомнил. Например — белое пятно перед глазами, когда они выезжали на злополучный перекресток. И еще — звонкий удар.

Все это в очередной раз подтверждало версию о виновности Гильдеева: на голове одной из погибших был белый платок. А рядом с другой жертвой, с разmozженной головой, нашли кусочек гайки-барашка. Он в точности совпадал с отломом на гайке для крепления внешнего зеркала заднего обзора на древней машине Рината.

И что здесь искать хорошему адвокату? Единственно, что вещал Гильдеев-младший — клялся, что не помнит, чтобы сбивал людей. Ну, так он и всего остального не помнит, если даже не смог из-за руля выйти, когда в забор въехал.

Адвокату в таких случаях остается лишь просить суд пожалеть его крохотного, пока не родившегося ребеночка. Но вряд ли сильно пожалеют: у убитых им женщин остались шестеро деток.

Вообще, для маленького городка произошедшая трагедия была как взрыв бомбы. К злосчастному Ринату сформировалась отчетливая стойкая ненависть. Стольким людям сломал жизнь! И все из-за пьяни. Разумеется, горожане припомнили ему и прошлую трагедию. Теперь факт того, что Гильдеев вышел тогда сухим из воды, трактовался, как поддержка имеющего связи завгара.

Короче, не спрячь его менты в СИЗО, Ринат сейчас на городских улицах долго бы не прожил, разорвали бы голыми руками на мелкие части.

— Боюсь, я не смогу вам помочь, — извиняющимся тоном произнесла Ольга.

— Но... как же... — растерялся Ишмурзин. — Вы не можете отказаться! Вы же адвокат!

— Могу, уважаемый. Я действительно не вижу пользы от своего присутствия. А получать деньги ни за что не приучена. — Она даже привстала, показывая потенциальному доверителю, что аудиенция окончена.

Тот же, прибитый своей бедой, все не уходил. Наконец, что-то решив, сказал:

— Вы знаете, мой зять — не подарок. Пьющий, бесхарактерный.

Ольга молча кивнула в знак согласия. Теперь, конечно, знает.

— Но есть один момент в нем, — задумчиво продолжал Радик Алиханович. — Может, поэтому я и согласился отдать за него дочь.

«Не поэтому, — подумала Шеметова. — Ты ж сам сказал, что она залетела». Но вслух спросила:

— И почему же?

— А он не врет, — сказал завгар. — Вообще не врет, и все тут! И упорно твердит, что никого не сбивал.

— Нет, — не согласилась Ольга. — Он упорно твердит, что не помнит, как сбивал. Ну, так если он, врезавшись в забор, тут же уснул — что он в принципе может помнить?

— Все остальное — помнит, — осторожно сказал Ишмурзин. — Маршрут, где и с кем пил, сколько выпил.

— Это он все следователю доложил?!

— Хуже уже не будет, — усмехнулся завгар.

— К сожалению, — вынуждена была согласиться Шеметова. Ей очень не хотелось ввязываться в безнадежное дело, даже за хорошие деньги. Но и жестко отказывать тоже было не по-человечески.

Решение пришло само собой.

— Давайте вот как поступим, — предложила она. — Я отправлю данные из дела вашего зятя на экспертизу. Есть у нас очень опытный эксперт по ДТП, он все посмотрит. Если найдет хоть малейшую зацепку — я ваша. Идет?

— Идет, — с облегчением выдохнул завгар. — И пусть посмотрит, почему тела так далеко разлетелись. Я много чего видел в жизни. Но чтобы от удара — в разные стороны...

Ольга еще раз взглянула на схему дорожно-транспортного происшествия.

Местоположение жертв действительно напоминало развернутый веер.

И в самом деле — почему так?

Она тут же позвонила их постоянному эксперту, Александру Ивановичу Переверзеву, объяснила ситуацию. В трубке послышался недовольный говорок.

— Я вас очень прошу, — сказала Шеметова. — Ну кто, кроме вас, способен в этом разобраться?

Когда Ольга Викторовна о чем-то очень просила, отказать ей было сложно. Переверзев обещал дать предварительный ответ до выходных.

— В общем, будем ждать заключения эксперта, — обратилась она к завгару, кладя трубку. — Если хоть что-то будет, за что можно зацепиться — я ваша. Если нет — извините.

— Согласен, — быстро сказал Ишмурзин. — А если зацепка будет — можно я вас вместе с Олегом Всеволодовичем приглашу?

— Можно, — усмехнулась Ольга.

Ей уже самой захотелось, чтоб какие-никакие зацепки все-таки нашлись. И тогда — с любимым! — в далекую Башкирию...

Глава 2

Москва. Личный триумф адвокатессы Шеметовой

Кто знает, почему юная Ольга аж с седьмого класса средней школы так стремилась в адвокатуру?

Да все знают.

Потому что других причин у романтических дурочек, как правило, не бывает. Ну, не за деньгами же? Если б послушалась родителей, не одобрявших ее выбор, имела бы много больше. С ее-то умом и настойчивостью.

Однако не послушалась.

О чем еще ни разу не пожалела.

Именно об этом думала Шеметова, летя со страшной скоростью по тротуару, как большая комета рассекая летевшую с небес сырую морось. Солнца в Москве не видели уже неделю, а серые тучи как нависали над столицей, так и продолжают нависать.

Сегодня у нее был свободный день. Он случился неожиданно: отменилось сразу два посещения подзащитных. Одно — в СИЗО, там карантин по гриппу, другое — в суде, потому что ее присутствие или отсутствие на заседании ровным счетом ничего не меняло. Дело было тривиальным, относительно быстро закончилось, и сегодня судья должна была лишь зачитать окончательный приговор. Поэтому Ольга решила посетить свою любимую контору.

В их старой адвокатской конторе чемпионом по полным оправданиям в уголовных процессах был, конечно, Гескин. За полвека активной практики он имел четыре подобных случая. За ним шел Олег, однажды оправдавший парня, обвиненного во взломе палатки. Багров сумел найти безупречное алиби, подтвержденное эмвэдэшными же фото- и видеодокументами. Парень, оказывается, в хлам пьяный, был доставлен полицейскими другого района в «обезьянник» за плохое поведение.

Весь вечер и полночи просидел в сорока километрах от места, где в это же самое время «разбомбили» палатку.

А молчал, как партизан, потому что напился вовсе не с женой.

В общем, у Багрова тогда больше сил ушло на улаживание дел с супругой бузотера, чем на судебную тяжбу. Только в этом случае парень был готов признать собственное алиби.

Олег безумно гордился своим оправдательным приговором. И это был, наверное, главный козырь в его бессмысленном, но ожесточенном профессиональном соревновании с Шеметовой. Теперь же и его не стало.

К чести Олега, он мужественно перенес уравнивание позиций с любимой женщиной, и даже сам сбегал за тортом. Второй принес Гескин. Сказал проникновенную речь, что очень рад видеть за собой людей, ни в чем ему не уступающих.

Ну, это приврал старик. Кое в чем им еще долго придется его догонять.

В мудрости. В осмотрительности и разумной осторожности, весьма полезной как для тех, кого он защищал, так и для него самого. Аркадий Семенович не уставал повторять, что главная удача адвоката — когда он «принес существенную пользу своему доверителю». Не забывая далее добавить: «не получив при этом проблем и, желательно, заработав деньги».

И, разумеется, Аркадий Семенович на две головы был выше своих молодых коллег в корпоративных связях. Казалось, старик знал всех, причем ни с кем не был в ссоре.

Гескин плотно опекал Антона Крымова, их нового адвоката, самого молодого в коллективе. До появления Тошки на его иерархическом месте была Ольга, и хоть взрослая она дама, а все равно иногда обидно. Вот такая странная ревность. В разное время опекаемыми Гескиным были и Багров, и Томский. Просто замечательно, что приходят новички, а Аркадий Семенович остается. Подольше бы так.

В общем, посидели тепло, как обычно в их конторке. Кроме вышеперечисленных, имелась Валентина Семеновна, вернувшаяся из отпуска. Как будто и не уезжала: вынула чуть не изо рта у Волика кусок жирного торта, отодвинула конфеты от Багрова. Ольга и так бы ему не позволила, диабет сладким не вылечишь. Однако суровая контороуправительница не собиралась пускать дело на самотек.

В конце застолья она по-простому спросила Олега Всеволодовича:

— А ты, красавец, когда жениться-то собираешься? Мне еще долго ждать?

Олег, в жизни не терявший самообладания, вдруг смутился. Шеметовой не без злорадства пришлось его выручать.

— Вообще-то я не готова, — сказала Ольга. — Или вы не меня имели в виду? — ловко перевела она все в шутку.

— Тебя, тебя, — ничуть не смутившись, ответила Валентина Семеновна и со строгим видом повернулась к Багрову: — Жду еще полгода.

— А потом? — Он, похоже, реально напрягся.

— А потом выдам ее замуж, претендент есть. — Это была обоснованная угроза, Валентина Семеновна, движимая своими инстинктами, обрала уже не одну пару, в том числе — из застарелых холостяков.

Вечер, как говорится, становился томным.

В этот момент и зазвонил телефон.

Снял трубку Тошка. Перебросился с собеседником парой приветственных фраз и передал трубку Ольге:

— Это Александр Иванович.

Александров Ивановичей в обороте конторы было целых два: сантехник, который давно уже их обслуживал, и эксперт-криминалист Переверзев.

Бас эксперта узнавался с первого звука.

— Оленька, я сделал, что обещал, — сказал он.

— Есть, за что зацепиться? — не слишком надеясь, спросила она. Ей все же хотелось слетать на Урал, она еще никогда не была в тех краях. Ну, и если честно, слетать вместе с Багровым, ведь предполагаемый доверитель настойчиво приглашал их обоих.

Когда-то именно в такой поездке завязался их бурный и одновременно, как ни странно, вялотекущий роман.

— Немного, но есть, — ответил эксперт. — Никаких алиби для вашего подопечного не найдено, зато обнаружены совершенно необъяснимые детали.

— Я вся — внимание, — напряглась Ольга.

— Бампер-переломы у потерпевших не совпадают, — после интригующей паузы произнес Переверзев.

— У всех четверых?

Это и в самом деле была интрига.

Бампер-перелом — термин, наименование травмы, по расположению которой можно судить о высоте бампера автомобиля, нанесшего эту травму. Другими словами, расстояние от стоп до места повреждения. Разумеется, при ударе в человека, находящегося в вертикальном положении.

— В том-то и дело, что нет, — ухмыльнулся на том конце провода Переверзев. — У первых двоих — 28-29 сантиметров, а у двоих оставшихся — 52-56.

— Солидная разница, — загорелась Ольга. Если бы у троих этот параметр совпал, а у одной — нет, еще можно было бы предположить, что одна из женщин почему-то изменила позу. Да и то, скажем, нагнись она в момент удара — тип поражения костей был бы другим. А здесь две потерпевшие — с высотой удара в полметра, и две — почти в два раза ниже.

— Да уж, — согласился Александр Иванович. — Одно из двух: либо две покойницы одновременно подпрыгнули, либо в наезде участвовал не один автомобиль.

— Есть еще третий вариант — две покойницы могли присесть.

Их разговор вовсе не был черным юмором. Такая уж профессия.

— Две машины? — живо отреагировал Багров.

— Не одна, — из соображений корректности поправила его Шеметова.

— А что он говорит про разброс тел? — спросил Олег.

— Кстати, такой веер из покойников одна машина тоже сделать бы не смогла, — словно услышав этот вопрос, сказал Переверзев.

— Но ведь и не встречные, — задумалась Ольга.

— Точно не встречные, — заверил эксперт.

— Короче, надо ехать, — приняла она решение.

— А смысл? — не понял Александр Иванович. — Даже если всплывет вторая машина. Ну, будет на нем два покойника из четырех. Это что-то сильно меняет?

— Не знаю, — честно ответила Ольга. — Просто я обещала доверителю, что, если будут зацепки, то поеду.

— Ну, зацепки есть, — не без гордости согласился Переверзев. Он же сам эти зацепки и нашел.

Багров встретился с Ольгой глазами и улыбнулся. Ее сердце аж зашлось от радости. Значит, он тоже хочет поехать с ней!

Улетали ночью.

Рейс был только до Уфы, а оттуда на выбор — машина или маленький аэроплан. Радик Алиханович, курировавший их по телефону, машину отсоветовал: в распадках поднимались туманы, очень опасно, лучше лететь.

Билеты на маленький винтовой борт купили легко, но поле крошечного аэродрома Белогорска тоже накрыло туманом, и порт самолеты не принимал.

Три часа проторчали в неудобных креслах, пока, наконец, не объявили посадку.

Когда дошли до самолета, невольно замедлили шаг — такой он был маленький и, похоже, очень старый.

— Долетим? — усомнилась Шеметова.

— Он еще долго будет летать, — успокоил ее пожилой дядька с большим черным портфелем. — Пока не развалится.

Неспешно разбежавшись и легко взлетев в воздух, старенькая птичка, плавно маневрируя, нацелила нос на показавшиеся вдали горы. Туман в горах уже рассеялся, и с небольшой высоты полета можно было разглядеть и покрытые лесом предгорья, и высокие вершины, и ленты дорог, частенько закручивавшихся в серпантин. Реки попадались не часто, и, за редким исключением, были не широки...

Адвокатов встречали прямо у трапа.

Вообще, конечно, не положено. Но то, что не положено простому горожанину, порой не возбраняется начальнику самого крупного (если точнее — единственного) гаража Белогорска.

Уселись в серый цельнометаллический «УАЗ-452», в простонародье именуемый «буханкой». Спартанские кресла с металлическими дугами, почти отсутствующая амортизация и откровенный грохот двигателя, по объяснениям Ишмурзина, с лихвой компенсировались неприхотливостью, а, главное — безумной проходимостью машины.

И, и слава богу.

Подъехали прямо к суду, заседание давно началось, и было оно не первым, а вторым — обязанности защитника временно выполнял местный юрист.

Суд проходил в главном зале, что объяснялось повышенным общественным интересом к процессу. Он был полон под завязку.

Интерес ощущался явно недобрый. Когда адвокаты вошли в зал, двести пар глаз с ненавистью посмотрели на них. Ну, не все, конечно, с ненавистью. Некоторые — просто с неодобрением, типа, защищать москвичи приехали отъявленную тварь. Понятно, что это их работа, однако — мало уважаемая.

После кратких формальностей адвокаты вошли в процесс.

Председательствующий, судья Гареев Диас Ильярович, был совсем молодой, немного за тридцать, высокий брюнет, в тонких модных очках. Умные глаза с иронией посмотрели на вновь прибывших.

«Серьезный противник», — оценила его про себя Шеметова. Она не поленилась навести справки, да и всезнающий Гескин помог.

Потомственный юрист, Диас родился в Белогорске и выезжал из него лишь два раза — для того, чтобы закончить Московский государственный университет и, чуть позже, защитить в нем же добротную кандидатскую диссертацию. У Ольги даже было мнение, что они там, в Москве, встречались — уж больно знакомыми показались легкая ироническая улыбка при виде вошедших московских адвокатов и интеллигентное лицо.

Впрочем, достоинства судьи в данный момент ее мало радовали. Теоретически судья в процессе нейтрален. Однако — только теоретически. Парень собственными талантами и усердием выстраивал себе замечательную карьеру: по слухам Гескина, его ждала высокая должность в Уфе. А здесь такое громкое дело, в котором, к тому же, все действительно ясно. С одной стороны — три трупа и женщина в коме. С другой — потом-

ственный пьяница, до этого убивший за рулем, пусть и не по своей воле, еще троих.

Поэтому Ольга именно судью видела своим главным процессуальным противником, а вовсе не прокурора — хотя именно он выступит в финале с перечнем грехов их подзащитного и с длинным списком доказательств этих грехов.

Почему? Потому что прокурор на процессе был попроще: Юрий Евграфович Милин. Он тихо дослуживал до пенсии, никуда особо не рвался. К тому же в этом деле ему можно было себе позволить расслабиться: на стене висела схема дорожно-транспортного происшествия с отмеченными местами нахождения тел. Убитых женщин знало полгорода. У них осталось шестеро сирот. Поэтому каждая стандартно-жесткая фраза прокурора вызывала злое одобрение публики.

«А ведь скоро начнут демонстрировать вещдоки», — напряженно подумала Ольга. — Когда в ход пойдут фотографии изуродованных тел, а еще хлеще — окровавленные платки и блузки, впору будет вызывать в зал дополнительную охрану».

Подсудимый, Ринат Гильдеев, сидел в своей клетке, обхватив голову руками так, что лица не было видно совсем. Иногда он начинал потихоньку раскачиваться на месте. Конвоир делал тихое замечание, и Ринат снова принимал неподвижное положение, ладонями закрывая лицо.

В первых рядах сидели многочисленные родственники потерпевших, и где-то в середине зала — мать Рината, Даля Аскарровна. Если родственники были с траурными приметами — черные платки, черные костюмы, то мать предполагаемого убийцы была в черном вся. Единственный сын, единственная надежда — и вот такое горе.

Отец Рината не пришел в суд, что, наверное, было кстати: вряд ли вид вечно пьяного папаши подсудимого убавил бы гнев родственников убиенных.

В общем, был бы сейчас суд присяжных — эти двенадцать, набранные из горожан, не стали бы морочиться с вердиктом, а своими руками бы разорвали подсудимого на куски.

«Редкий случай, когда суд присяжных опасен для правосудия», — подумала Ольга. Впрочем, здесь о присяжных можно было даже не вспоминать: дело по определению не подпадало под его юрисдикцию.

А прокурор тем временем заканчивал свое выступление. Нельзя сказать, что Юрий Евграфович тщательно его готовил. Он просто слово в слово зачитал обвинительное заключение, пришедшее из следствия. Хотя как раз те сработали по полной программе, перечислили все смертные грехи предполагаемого преступника. И их было так много, и были они

такими страшными, что, казалось, определение «предполагаемый» можно смело отбрасывать.

— Подсудимый, вам понятно обвинение? — спросил судья у Гильдеева.

Тот убрал руки с головы, испуганно посмотрел на председательствующего и отрывисто сказал:

— Да, понятно.

Судья задал последний — «ритуальный» — вопрос:

— Признаете ли вы свою вину?

Ринат судорожно сглотнул слюну и тихо, но отчетливо, ответил:

— Я их не сбивал. Клянусь — не сбивал...

— Тварь! Сволочь! Выродок! — десятками голосов взорвался зал.

— Прекратить! — громко стукнул молотком судья. — Иначе всех удалю!

Люди смолкли, лишь злые шепотки еще ползли по залу, как шипение заливаемого водой костра.

— Я вас понял, — повернулся Гареев к подсудимому. Он был хороший судья и старался соблюсти все правила даже тогда, когда судить приходилось такую мерзость. — Завтра продолжим судебное следствие, и у вас, с вашими адвокатами, — снова ироничный взгляд в сторону Шеметовой и Багрова, — будет полная возможность себя защитить.

Зал опять было всколыхнулся ненавистью, хотя на открытый протест уже не осмелился. Только когда после окончания заседания люди потянулись к выходу, многие из них, покидая зал, бросали злые, а то и презрительные взгляды на защитников убийцы.

К адвокатам подошла жена Радика Алихановича, крепкая и еще симпатичная Вера Ивановна.

— Муж велел отвезти вас в гостиницу, — сказала она.

Ишмурзин еще в Москве предлагал гостям остановиться у него дома, однако адвокаты решили, что удобнее будет работать в гостинице. Да и открывать перед чужими людьми свои отношения тоже не хотелось.

— Я вам малины принесла. — Это уже подошла Даляя, мать их подзащитного, протягивая литровую баночку.

— Господи, как пахнет волшебно! — восхитилась Ольга.

— Так не садовая же, — впервые за день, а может и за неделю, улыбнулась Даляя. — Горная. Оттого и душистая.

— Мы вам еще много чудес покажем, — пообещала, улыбаясь, Вера Ивановна. На ее полноватых щеках нарисовались смешные, задорные ямочки.

На следующее утро они действительно, как обещала Ишмурзина, поехали не в суд, а на природу. Оказывается, пожилого прокурора с присту-

пом колик вечером увезла «скорая». Вроде все более-менее улеглось, однако день придется пропустить, а потом — выходные. Так что три дня были в их полном распоряжении — не лететь же обратно в Москву?

Глава 3

.....

Башкирия. Белогорск. Шеметова в бане

Подъем был непривычно ранний.

Уже знакомый серый «УАЗ» подъехал прямо к гостинице. За рулем сидел сам завгар Ишмурзин.

Голодный, а оттого недобрый Багров вышел первым, Ольга чуть задержалась, занимаясь своим макияжем.

Устроились, насколько могли, удобно — с учетом максимальной утилитарности данного средства передвижения.

Ближе к выезду из города Ишмурзин негромко сказал:

— Вот здесь все и случилось.

Багров попросил остановить машину.

На самом деле ему вовсе не хотелось покидать насиженное место, но он был профи, однозначно профи, и упустить возможность еще раз покопаться в источниках информации категорически отказывался. Ольга, присоединившись к нему, сразу включилась в дело.

Две улицы расходились — если ехать из района в город — под острым углом. Точнее, одна, главная, шла дальше, а вторая, чуть наискось, не очень круто уходила вверх. Женщины, идя к заводу, видимо, переходили перекресток наискосок и спешили, возможно, они опаздывали на ночную смену, производство здесь было безостановочным.

Москвичи уже знали, что заводик, несмотря на размеры, очень важен, ибо производит какие-то особо редкие металлы и сплавы. И основал его сам Петр I, точнее, промышленники по его высочайшему указу.

Вот и теперь, невзирая на ранний час, уже появились редкие прохожие, в основном женщины. Они бросали взгляд на остановившуюся «буханку», на Ишмурзиных и деловито снующих по перекрестку москвичей. Некоторые равнодушно отводили глаза. Некоторые, сопоставив факты и поняв, кто суетится перед ними, мрачнели взором, показывая свое отношение к родственникам и защитникам негодяя.

— Машина шла в город, — сказал Ишмурзин. — Меня тоже удивило, что Ринат на «бобике» уезжал в район.

— Что такое «бобик»? — спросила Шеметова.

— Ну, «зиллок» его, очень древний. Хоть и на ходу, а ГИБДД эксплуатацию официально уже не разрешает. Поскольку «бобики» без номеров, по городу на них стараются не ездить. А за город — тем более. Их еще за это «дворнягами» кличут.

— То есть, Ринат ездил на «дворняге»? — уточнила Ольга. Она пока не понимала, почему ей это важно. Просто знала, что важно.

— Да, — подтвердил Радик Алиханович. — Его автобус не на ходу был. Радиатор разворочен после прошлой аварии, ждали новый, самим варить это месиво не хотелось.

Москвичи были в курсе про прошлую аварию, так что ничего не уточняли.

Прямо напротив перекрестка, точнее — разветвления дорог, стоял старый каменный одноэтажный дом.

— Мрачный какой, — заметил Багров, показывая на него рукой. Действительно, хозяйева почему-то выбрали темную, чуть не черную краску.

— На вкус и цвет... — откликнулся Ишмурзин. Он такой краской свой дом не покрасил бы никогда.

— Олечка, иди сюда! — позвала Багрова Ольга. — Что это такое? — спросила она, показывая рукой на землю, с другой стороны от темного дома и совсем рядом с полотном дороги.

— А что там такое? — не заметил ничего криминального Багров, но, подойдя поближе, внимательно рассмотрел серое пятно на коричневой земле, даже пальцем поковырял, и сказал: — Цемент, по-моему.

— Здесь, видать, дорожный знак стоял раньше, — подошел к ним Ишмурзин. — А это его фундамент.

Народу становилось все больше. Ручеек рабочих сгущался, а атмосфера под их недобрыми взглядами становилась все напряженнее.

— Может, поедем? — не выдержав, предложила Вера Ивановна. Но муж так сурово посмотрел на нее, что она не осмелилась перечить и молча залезла в салон «УАЗа».

Честно говоря, Ольге тоже уже хотелось уехать с этого гибельного места. Вместе с потоком мрачных людей, одетых в преимущественно темные одежды, все это создавало ощущение чего-то очень трагичного и, возможно, даже опасного.

— Сейчас поедем, — согласился Багров. Он на всякий случай визуально оценил и примерно привязал на листке бумаги расстояние от домика до места гибели женщин, включив в рукописную схему неопознанный пока цементный фундамент.

Они забрались в свой специфический микроавтобус и покатали дальше, на выход из городка. По бокам шли совсем уж простенькие избы и домики, один раз мелькнула маленькая неоновая вывеска круглосуточного магазинчика. Проехали плотину через речку, ее водой питался завод, для чего и соорудили небольшое водохранилище, и довольно бойко катили еще часа полтора. Наконец свернули с асфальта на грунтовку и остановились на полянке, по местным меркам — ровной. С одной стороны она окаймлялась лентой речки, быстрой и даже на взгляд холодной. С другой — смешанным лесом, весь низ которого был устлан кустами малины. Ее было столько, что сладкий душистый аромат разносился далеко вокруг.

Шеметова с наслаждением сняла туфли и прошла босиком по невысокой траве.

— А клещей здесь нет? — вдруг испугалась она.

— Отродясь не было, — успокоила ее Вера Ивановна.

Завгар с женой занялись костром, Ольга же нацелилась на малину, однако, будучи женщиной воспитанной, предложила свою помощь по хозяйству.

— Спасибо, у нас работников хватает, — засмеялась Вера Ивановна, показывая на себя, мужа и младшую дочь, которая, проснувшись, вылезала из «буханки». — Да и стыдно гостей запрягать.

— Ничего не стыдно, — не согласилась Ольга, но тему продолжать благоразумно не стала, а неспешным шагом направилась в сторону малиновых кустов.

— Ольга Викторовна, далеко не уходите! — крикнула ей вслед Алсу.

— А что, медведь съест? — засмеялась Шеметова.

— Скорее, напугает, — объяснила девушка. — Он мясо только зимой потребляет. Летом они травоядные.

— И летом могут задрать, — уточнил Ишмурзин, — так что, действительно, не уходите далеко.

Малина была невероятно сладкой. Настолько сладкой, что уже через десять минут Шеметова решила выйти на полянку и сделать два важных дела: попить ключевой воды (родник ей уже показала Вера Ивановна) и проследить, чтобы сладкой малиной не увлекся Олег Всеволодович.

Воду она набрала, тоже вкуснющую, студеную. А за Олегом следить не пришлось, так как адвокат Багров продолжил то, чем занимался всю дорогу. Удобно расположившись в теньке от огромной ивы, он спал, заботливо укрытый пледом.

— Я и внизу ему подстелила, — пояснила Вера Ивановна. — А то прямо так лег. Ох и устаете вы, наверное... — пожалела она московских гостей.

Ольга благодарно взглянула на хозяйку и предложила:

— Давайте все-таки я вам помогу.

— Ну, если так хочется, — хитро улыбнулась та. — Сходите с Алсу, наберите грибов, как раз на двадцать минут займетесь.

— На всех — за двадцать минут набрать? — удивилась Ольга.

Зря удивлялась.

Даже в сосны ходить не пришлось.

Алсу отвела ее к речке, и здесь показала целую колонию лесных шампиньонов. Кроме того, они еще нарезали нежных шляпок зонтиков — Шеметова не раз видела эти грибы в Подмоскovie, но не знала, что они съедобны.

Как же все было вкусно!

Молодая печеная картошечка, жареные свежайшие грибки. А в казане уже блестела чешуей средних размеров рыба. Во множественном числе, разумеется. Ее сеткой в заводи наловил Радик Алиханович.

После позднего завтрака захотелось поспать.

Очень кстати оказались выгруженные Радиком Алихановичем резиновые матрасы.

Ольга прилегла на матрас рядом с Олегом, возле нее устроилась и Алсу.

— А вы знаете, Ольга Викторовна, он действительно никого не сбивал, — вдруг полусшепотом сказала она.

— Почему ты так думаешь? — удивленно спросила Ольга.

— Я же говорю, он никогда не врет, — горячо зашептала Алсу, опасливо поглядывая на родителей: те, видимо, запретили ей тревожить адвокатессу на отдыхе. — Если б это Ринат сделал, обязательно бы сознался.

— Боюсь, что он просто не помнит, если даже из машины не смог вылезти, когда в забор въехал, — заметила Ольга.

— Все он помнит! — не согласилась девушка. — Он же рассказал, где вино брали. Сам сказал, что звонко стукнуло, когда этот чертов перекресток проезжал.

— Вот-вот, звонко стукнуло, аж гайку на зеркале сломал. Обо что?

— Не знаю! Но точно не об человека же, раз звонко! Не видел он там людей, понимаете? А как можно не увидеть четырех людей?

— Если сильно пьяный — можно, — подумав, сказала Ольга.

Ей меньше всего хотелось огорчать женщину, тем более — беременную, однако нужно смотреть правде в глаза. Да, возможно, они посеют сомнение в голове судьи этими странными данными по бамперам переломов. Возможно, часть вины мысленно спишут на не найденный второй автомобиль. Но его-то собственную вину куда девать?

— Я точно знаю — это не Ринат сделал, — после паузы упрямо повторила Алсу. — Хотите, скажу — почему? Я даже судье этого не сказала бы, — с каким-то скрытым вызовом добавила она.

— Хочу, — удивленная ее тоном и горячностью, кивнула Шеметова.

— В прошлый раз, когда под него мотоцикл въехал, он полгода как не свой был. Хотя невиновен на сто процентов! Он так переживал! На кладбище ходил, один, без всех. Я видела, за ним тогда пошла. А сейчас — не переживает. Вообще не переживает, только тюрьмы боится. Говорит, его совесть чиста. Не сбивал он этих женщин, точно говорю! — Последние слова Алсу чуть не прокричала.

«Это точно не надо говорить в суде, — подумала Ольга. — Убить четверых и не переживать — такое даже самый объективный судья спокойно не переварит».

Вслух же ничего говорить не стала.

Да и что она могла сказать?

После непродолжительного, но крайне освежающего сна, праздник жизни продолжился.

Сначала втроем, с Олегом и Верой Ивановной, пошли в бор.

За настоящими грибами, как она выразилась.

И это были настоящие грибы!

Большие, без единого червячка, белые, с твердой, бугристой, коричневой шляпой. Крепкие подосиновики с головным убором ярчайших расцветок. Подберезовики хозяйка почему-то не брала. Зато лисички выстригла аккуратно и добросовестно, оставляя на развод лишь мелочь.

С такой скоростью сбора их не маленькие корзинки наполнились удивительно быстро. У Шеметовой даже появилось ощущение, что она не в лес дикий вошла, а в стилизованный магазин даров природы.

А после грибов началась настоящая экзотика.

Ольгу научили плавать стилем «стиральная машина». До этого она умела брассом, кролем и на спине. А вот теперь — может «стиральной машиной».

Вера Ивановна показала ей чудное местечко буквально в пятидесяти метрах от их стоянки, и Ольга резвилась в воде так, как никогда в жизни. Вода, конечно, могла быть и потеплее. Зато в нагретом воздухе, да еще под солнечными лучами, тело мгновенно согревалось, никакие полотенца не нужны.

Единственно, чего не хватало — удовольствия просто поплавать. Вера Ивановна категорически запретила не то что отплывать — отходить от берега дальше, чем на пять шагов. Сильное течение, мощные водовороты и холодная вода делали плавание в такой реке реально опасным

занятием. А в качестве компенсации предложила научить Ольгу новому стилю плавания.

Узнав, что ей предстоит, она слегка призадумалась, однако отступить было поздно, и Ольга согласилась.

Оказалось, что этот стиль требовал некоторых технических ухищрений. Радик Алиханович соорудил специальное приспособление, и этот узкий капроновый трос протянул через рукав реки. В середине, где трос ложился на воду, на него была надета своего рода пенопластовая трубка. То есть, внутри — трос, снаружи — пенопласт.

Вера Ивановна решила личным примером воодушевить массы. Войдя осторожно в проток, она руками держалась за пенопластовую трубку, а пенный вихрь вытягивал женщину в струнку, массируя водными струями и миллионами пузырьков. Ну, точно стиральная машинка!

А чтобы ее, не дай Бог, не унесло по течению, она была подстрахована таким же капроновым тросиком за талию.

Короче, Шеметовой было страшно, но она уже загорелась.

Радик Алиханович обвязал ее страховочным тросом и помог спуститься в «стиральную машину».

Вода обожгла холодом, однако совсем ненадолго. Уже через несколько секунд Ольга поняла, что такое блаженство. Струи мягко мотали ее из стороны в сторону, а миллиарды пузырьков с неземной нежностью ласкали тело.

Но спустя пять минут завгар скомандовал возвращаться на берег.

— Почему, Радик Алиханович? — запротестовала Ольга.

— Потом поймешь, — засмеялась Вера Ивановна, а ее муж, не тратя времени на долгие объяснения, деловито подтягивал Ольгу к берегу, как огромную рыбу.

Поняла она очень быстро. Тело почти мгновенно отреагировало приятной, но сильной усталостью, как после хорошо выполненной физической работы...

Багров идти в «стиральную машину» отказался. Он сидел в тени дерева и о чем-то сосредоточенно размышлял.

Время шло к вечеру.

Радик Алиханович, вырыл неширокую, но довольно глубокую ямку, набросал туда сухих деревяшек и поджег. Затем добавил деревяшек побольше и довел их до состояния красных углей.

Жена его в это время доставала из «буханки» какие-то свернутые полиэтиленовые полотнища.

Еще через полчаса — солнце уже тихо катилось к горизонту — стали вырисовываться контуры неведомой ранее Шеметовой конструкции.

Именовалась она — баня по-башкирски.

В середине была яма с углями. На нее, соответственно, брошены камни, которые очень скоро становились горячими. А сверху ставилось что-то вроде полиэтиленовой палатки, высотой, шириной и длиной метра в два. Один полог банной палатки был двойным, распаивающимся, когда человек входил или выходил.

Заходили по одному, парились, как кому нравилось.

Беременная Алсу — нетяжелым сухим жаром. Завгар — жаром ядреным, да еще с парком, «подкрашенным» настоями лесных трав и медом. Ольга выбрала средний вариант. Она уже не стеснялась, понимая, что за двойным полиэтиленом ничего, кроме контуров, никто не увидит. А чего стесняться контуров?

Когда все насладились процедурой и слегка отдохнули (опять с чайком, пирогом и малиной), начали собираться домой.

Ехали в темноте, в том числе — по серпантину, но никто особо не волновался, завгар, уроженец этих мест, мог бы и с закрытыми глазами машину довести.

Проезжая злополучный перекресток, Багров снова попросил притормозить.

Он вышел один — Ольга не смогла себя заставить покинуть уютное кресло.

Постоял на одной стороне дороги, перешел на другую, поковырялся около цементного пятна, которое завгар Ишмурзин определил как фундамент некогда стоявшего здесь дорожного знака. Затем молча вернулся в машину.

— Надумал что-то? — спросила Шеметова.

— Похоже, да.

— Что именно? — С Ольги мгновенно слетела сладкая дремота.

— Знак он задел. Зеркалом. Потому и удар звонкий.

— Так знака ж нет, — не поняла она.

— Значит, был, — отстаивал свою гипотезу Багров. — Надо узнать, когда его сняли. Там в середине даже дырка от трубы осталась. Если б давно — ее бы уже засыпало.

— Наверняка в ГАИ города можно узнать, — задумалась Ольга. Маловероятно, конечно, заполучить такую удачу. Но ведь еще углядеть надо! Знак, которого уже нет. Молодец ее Багров!

У гостиницы вышли, поблагодарили Ишмурзиных и простились.

Москвичи пошли к подъезду, хозяева поехали домой спать.

— А знаешь, я ему теперь верю, — вдруг заговорил Олег.

— Кому? — спросила адвокатесса. Хотя уже сама поняла — кому.

— Если он не переживает, значит, совесть чиста. Наличие совести парень доказал в прошлом эпизоде. А если совесть чиста, да еще помнит, где что пил и куда ехал, — значит, не сбивал.

— Ты слышал, как мы с Алсу говорили? Я думала, ты спишь.

— Ничего я не слышал, просто умею соображать.

Ольга улыбнулась и обняла Багрова.

Конечно же, он слышал.

Но и соображать умеет.

Сообразил же про знак.

Вот будет фокус, если его действительно убрали после аварии...

Глава 4

.....

Южный Урал. Суд идет!

Прокурор к понедельнику поправился.

Юрий Павлович выглядел даже бодрее, чем в первые дни процесса — сказывалось то, что он, после снятия болей, практически три дня отдыхал. До этого у прокурора выходных было немного, он никак не мог дождаться пенсии, чтобы вырваться из жестокого ритма буден. Когда-то, по молодости, такая «беличья» жизнь даже нравилась. С возрастом и накопившимися болячками стала тяжеловатой, а иногда и просто трудно переносимой. К тому же давно и напрочь исчезла романтика, в свое время приведшая его в прокуратуру.

Кстати, если бы он не поправился так быстро, пришлось бы либо приостанавливать суд до его выздоровления, либо начинать все заново: требование несменяемости состава суда прямо прописано в уголовно-процессуальном кодексе, хотя прокурора и секретаря суда заменять как раз можно.

Что ж, этот процесс не предвещал сложностей. Во время длинных допросов, когда свидетели оглашали и так всем известные факты, Юрий Еврафович даже умудрялся слегка вздремнуть. Это большое искусство — на 10–15 секунд отключаться, да так, что глаза остаются открытыми, а спина — прямой.

Разумеется, воспользоваться своим благоприобретенным даром он мог только после того, как заканчивал допрос свидетелей. УПК в этом плане все трактует однозначно — сперва идут свидетели обвинения, по-

том — защиты. Если свидетель вызван прокурором — то сначала и опрашивается прокурором. И, наконец, после того, как свидетеля опросят и прокурор, и адвокат, начинает задавать вопросы судья.

В суд было вызвано множество народа. По собственному желанию пришло еще больше: в зале имелось чуть больше двухсот мест, и пустые образывались только тогда, когда кто-нибудь выходил. Занимали их быстро — те же допрошенные свидетели, как правило, никуда не уходили, оставались на процессе.

Не допрошенные же, в соответствии с кодексом, не имеют право находиться в зале, и вынуждены ожидать своей очереди на скамейках в холлах. Причем было их столько, что, хотя пристав то и дело бегал за новыми свидетелями, скамейки все еще оставались занятыми.

Наибольший интерес теоретически представлял допрос единственного, кроме подсудимого, очевидца трагедии, Степана Волобуева. Однако этот молодой мужчина оказался не очень ценным источником информации. Достаточно сказать, что Степан, как и Ринат Гильдеев, после того, как «ЗИЛ»-«дворняга» врезался в забор, машину покинуть самостоятельно не сумел. Их обоих выволокли из кабины сотрудники ДПС. Кстати, сначала без привязки к фатальному дорожно-транспортному происшествию на перекрестке. Уже потом, проанализировав имеющиеся факты, взяли со Степана объяснение, а Рината задержали по подозрению в совершении ДТП со смертельным исходом.

Позже в обвинительном заключении еще добавилась статья об оставлении в опасности, которая, будучи преступлением умышленным, могла перевести весь срок наказания из относительно либеральной колонии-поселения в обычную brutальную зону.

— Что вы видели в тот вечер, расскажите, — потребовал прокурор.

— Мало что видел, — признался Степан, понуро наклонив лобастую, коротко стриженную голову. Волобуев чувствовал себя крайне неловко. Он не первый раз был в суде. Дважды отбывал реальное наказание: сначала — за драку, на «малолетке», потом — за пьяное ДТП, правда, без трупов, но с тяжкими телесными.

Вообще, для ясности, нужно сказать, что в этом уральском городке едва ли не половина мужчин познали на себе тяжелую длань закона. И, пожалуй, не меньшее количество этой дланью в разных смыслах являлись: кроме личного состава местных правоохранительных органов, в окрестностях имелась колония общего режима и две колонии строгого.

Если же углубиться чуть дальше в историю, то можно было смело утверждать, что в каждом коренном горожанине имелась кровь каторжника или охранника, а во многих — и тех, и других.

— Конкретнее, пожалуйста, — велел свидетелю прокурор. — Когда вы начали потреблять алкоголь с Гильдеевым?

— С утра, — простосердечно признался Степан.

— Как это? — Даже многоопытный Юрий Евграфович удивился. — Пришли на автобазу и начали пить?

— Нет, мы оба выходные были, — объяснил тот.

Ольга с облегчением глянула на сидевшего в зале Ишмурзина. Если б работяги напились на базе, ему бы тоже перепало.

— А как машина оказалась у Гильдеева?

— Он хотел в ней поковыряться. Слесаря не любят возиться с «дворнягами».

— То есть, подсудимый привез машину к своему дому с прошлого вечера?

— Так точно, — ответил Степан.

— Что было дальше?

— Мы выпили пива и сняли бензонасос, — сказал Волобуев и замолк.

— Дальше, — попросил прокурор.

— Потом всякое пили. Потом отец его пришел, с ним пили. Он же и насос собрал, двигатель завелся с пол-оборота.

— А потом? — Вопрос был дежурный. И так ясно, что потом кончилась водка.

— На районе ничего не достали. Либо закрыто, либо не продали, боятся теперь. Мы поехали на плотину. Там, в «неонке», взяли две бутылки, беленькой, — медленно, отрывистыми фразами излагал Степан. — Одной сразу догнались, вторую повезли домой.

— Ехали быстро? — спросил Милин.

— Быстро, — тихо ответил Волобуев.

— Момент удара видели?

— Нет. Белое чтой-то сверкнуло, когда на развилку выскочили. И щелчок, звонкий такой. Я даже в зеркало глянул.

— И что увидели?

— Темно было. Ничего не увидел.

Ничего больше свидетель уже не помнил.

Подошел черед задавать вопросы защите.

— Скажите, вы уверены, что не видели, как ваш грузовик сбил четырех человек? Или есть сомнения? — спросил Багров.

— Уверен, — ответил Степан. — Если б сбили — остановились бы.

Зал недовольно загудел.

Волобуев поднял голову и сказал:

— Я, когда своего сбил, — остановился и вызвал врача. И Ринат ждал, после своей аварии.

— Твари, сволочи! — закричала, срываясь в слезы, женщина в черном платке. — Этот сбил, тот сбил! Чтоб вы сдохли! Гореть вам в аду!

— Призываю к порядку! — стукнул молотком Диас Ильярович Гареев. Однако заплаканную женщину — явно родственницу потерпевших — вывести приставам не приказал. Он понимал, что это только цветочки. Когда пойдут страшные вещдоки — атмосфера станет еще более тяжелой.

Степан, не понимая, в чем дело, вертел во все стороны своей крупной головой.

— А чуть подробнее про что-то белое, которое вы увидели на перекрестке, не можете сказать?

— Не могу.

— Ну, хоть оно маленькое было или большое?

— Не маленькое, — подумав, ответил Волобуев. — Не помню точно, — мотнул он головой.

— А куда вы поехали после перекрестка?

— Ко мне домой. Ринат же дальше живет, на Уфимском шоссе, на Откосе. Наконец задал свой вопрос председательствующий.

— Вы собирались пить дальше? — спросил он у Волобуева. Тот, покраснев, не ответил. — Ну, так что вы собирались сделать с оставшейся бутылкой? — не слезал с него Гареев.

— Выпить... — прошептал Степан.

— А потом уже поехать через весь город домой, на Откос, — подытожил судья.

Больше у него вопросов к Волобуеву не было, поэтому Юрий Евграфович вызвал нового свидетеля...

Вообще, это были, несомненно, самые тяжелые для защитников дни.

Что они могли противопоставить прокурору?

Один за другим Вилин вызывал горожан. Судья устанавливал их личность, спрашивал об отношении к подсудимому и потерпевшим, рассказывал о правах и обязанностях и предупреждал об ответственности за дачу ложных показаний. После чего свидетель давал подписку, обязательно приобщаемую к материалам дела.

Ну а потом начался тихий адвокатский ужас.

Потому что, закончив с формальностями, свидетели честно рассказывали, сколько Ринат выпил, как часто выпивал, как, в нарушение установленных правил, поехал по городу на машине без госномеров. Как быстро гонял, в том числе — торопясь за вожделенным напитком.

И, наконец, — самое ужасное.

Тщательно протоколируемые рассказы о том, как и в каком порядке лежали трупы.

Какие повреждения получили несчастные женщины.

Каким образом был расколот череп или разорвана печень — зачитывались результаты судебно-медицинской экспертизы.

Демонстрировались обрывки платьев, колготки с засохшей бурой кровью, фотографии искореженных и смятых женских тел.

Весь первый ряд, где в основном сидели родственники сбитых женщин, зашелся в сдавленных криках и рыданиях.

Если бы взгляды могли убивать, то Ринат Тимурович Гильдеев был бы уже давно мертв.

В соответствии с УПК последовательность доказательств устанавливает та сторона, которая их предъявляет. Здесь же, как весь этот ужас ни показывай, результат получался один и тот же. И такой зримый, что, начиная с шестого заседания, в зале появилось еще несколько солдат конвойной службы и четверо дополнительно вызванных полицейских с кобурами — Диас Ильярович всерьез опасался попытки самосуда.

Сам он никаких эмоций не выказывал, слушал внимательно и спокойно, если задавал вопросы — то коротко и по существу.

Серьезный противник, подумала Шеметова.

Впрочем, с такими доказательствами засадить парня на полжизни может даже студент третьего курса. Противопоставить этому натиску негативу пока что было нечего.

Все, что можно сделать, Шеметова сделала: характеристики с места работы, рассказ о волонтерской работе Рината в городском хосписе. То есть, хосписа, как такового в госпитале не было. Но активный и милосердный главврач городской больницы организовал небольшое отделение паллиативной медицины. Там собирались те, кто раньше был обречен на смерть в мучениях. Теперь же последние свои месяцы и дни больные доживали без боли и отвратительных ощущений — технологии известны давно, просто до умирающих ни у кого руки не доходили. Так вот, Ринат Гильдеев, мучаясь от пережитого, сам выбрал себе послушание после первой аварии.

Собственно, и все. Не считая, конечно, разной высоты бампер-переломов. Но до них пока очередь не дошла.

Юрий Евграфович тем временем выпустил на сцену свое главное оружие — техническую экспертизу, проведенную по инициативе следствия.

В ней эксперт безапелляционно ответил на вопрос, поставленный следователем. «Картина с трупами», по его мнению, вполне могла быть создана неспешно с большой скоростью «ЗИЛом» и его вдрызг пьяным водителем.

Железным подтверждением казался найденный на месте происшествия — а точнее, жестокого преступления — обломок крепежного барашка от наружного зеркала «ЗИЛа». Эксперт отметил само повреждение на автомобиле, а отломанную часть нашли прямо на дороге. Кусочек точно подходил к части, оставшейся на раме, к которой крепилось зеркало — об этом тоже было техническое заключение.

И, наконец, — это уже не из экспертизы, — казалась логичной связь белого пухового платка с головы одной из погибших и увиденной Волобуевым белой вспышкой. Щелкающий звук также ложился в жуткую схему: удар тем самым барашком по голове женщины в белом платке.

Платок, разумеется, демонстрировался среди вещдоков — с большой, сильно окровавленной, дырой.

Кстати, ни мелькнувшее что-то впереди белое, ни хлесткий звук удара не отрицал и сам подсудимый (Рината, в соответствии с УПК, можно было опрашивать в любой стадии процесса, при его согласии, разумеется). Он тоже все это видел и слышал.

Да уж, тяжелое испытание для адвокатов...

Экспертиза в деле — такой документ, который не перепрыгнуть. Особенно если она проводится по инициативе следствия или суда: в этом случае в ней обязательно имеется официальное предупреждение эксперта об уголовной ответственности за отказ от дачи заключения и заведомо ложное заключение (статья 307 УК). Заключение московского эксперта Переверзева столь важных моментов не содержало, да и не могло содержать.

Выбор у Олега и Шеметовой был невелик. Указать на имеющиеся разночтения и ходатайствовать о проведении новой или дополнительной экспертизы. Очень часто суд отказывает: зачем, и так ведь все ясно.

Тогда адвокат ходатайствует о вызове в суд в качестве специалиста своего эксперта.

Если и здесь будет отказ, то в ход идет ходатайство о вызове того эксперта, кто делал заключение.

В последнем случае судье уже отказать сложнее, так как сама суть судебного процесса заключается в устности и гласности при обсуждении всех имеющихся доказательств.

Вызванного эксперта защитники стараются переубедить, показать ему его ошибку, попросить его сменить позицию. Разумный человек, как пра-

вило, не держится за собственную оплошность. Упертые же могут и на белое говорить черное. Как фишка ляжет.

В случае с упертым — дело адвоката внести сомнения в результаты экспертизы, доказать судье, что она не надежна и может рассыпаться при апелляции.

Но до этого важного события — полемики с экспертом — нужно было еще дожить.

Итак, после оглашения результатов экспертизы суд имел следующее:

1. Вдрызг пьяного Рината, пойманного недалеко от места трагедии.
2. Отломанное ушко от барашка, крепящего зеркало на «ЗИЛе», найденное рядом с трупами.
3. Когда-то белый, а теперь буро-красно-серый пуховый платок одной из убитых женщин.
4. Звук удара обо что-то неопознанное во время проезда перекрестка, подтвержденное обоими водителями.

Более чем достаточно, чтобы выполнить просьбу прокурора и осудить Рината Гильдеева на двенадцать лет — максимальная мера наказания — за нарушение правил управления транспортным средством, повлекшее гибель двух и более лиц. А также — на два года за оставление сбитых им людей в опасности.

Итог этих законоведческих изысканий виделся таким.

Двенадцать лет за наезд — в общаге колонии-поселения.

Два года за умышленное преступление — в обычной колонии общего режима.

Двенадцать же плюс два, скорее всего, дадут тринадцать (чистая арифметика здесь не вполне пригодна), причем — реального срока в колонии.

И, может, это не так уж несправедливо.

Пьяные водители сбивают пешеходов, конечно, без прямого умысла, если они не террористы.

Но косвенный-то — есть. Имеется косвенный умысел! Разве они не знали, что, набухавшись и нарушая правила дорожного движения, станут смертельно опасными на дороге?

Тем временем, закончили зачитывать заключение экспертов.

Наступал первый момент истины в этом тяжелейшем для защиты процессе. Багрову предстояло внести смуту в умы с помощью имеющейся у него альтернативной экспертизы от Переверзева.

Это, конечно, очень мало.

Не сравнить с железобетонными аргументами обвинения.

Впрочем, Олег Всеволодович, как и его любимая коллега и женщина Шеметова, всю свою жизнь были сторонниками двух классических историй.

Первая — про лягушку в молоке.

Вранье, конечно. Физики уже доказали, что сметана сбиться не могла. Да разве есть разница, правильная тут физика или кривая? Главное, что тут правильная концепция.

Ну а вторая история — про репку. Мышка-норушка несравнимо меньше дедки или бабки. Однако вовремя приложенное, даже небольшое по размеру, усилие может помочь вытащить очень большую репу...

Впрочем, совершать юридические подвиги адвокату Багрову предстояло уже завтра, на следующем заседании.

Сегодняшнее закончилось.

Люди, взъерошенные и нервные, расходились, бросая злые взгляды на клетку с Гильдеевым и презрительные — на его московских адвокатов.

Глава 5

Белогорск. И грянул бой!

Вчера, после заседания, собирались было прогуляться по зеленым улицам городка, но быстро отказались от подобной идеи.

Еще на ступеньках суда к ним подошел какой-то хмурый мужик с портфелем и спросил:

— Извините, а вам самим не стыдно защищать убийцу?

— Приходите завтра на процесс, — спокойно ответил Багров. — Услышите много неожиданного.

Тот промолчал, повернулся и ушел. Видно было, что остался при своем мнении.

На следующий день Олег чувствовал себя неважно, и Ольга отправилась на «юридическую войну» в одиночку.

Диспозиция там не изменилась.

Все тот же «черный» первый ряд.

Все тот же забитый до отказа зал.

Те же недобрые взгляды людей и профессиональное спокойствие судьи.

Ольга начала без прелюдий, с главного.

Единственная поправка ко вчерашнему пейзажу — привезенная из Москвы схема дорожно-транспортного происшествия. Та самая, из экспертизы, в которую она перекочевала со схемы, нарисованной еще по свежим следам инспекторами ГИБДД. Единственное ее отличие от вчерашней — она в три раза больше. И, чтобы не возбуждать дополнительные эмоции, места тел были обозначены просто кружочками с цифрами.

Все это, с разрешения судьи, было закреплено на стене. Адвокат стояла рядом, с длинной деревянной указкой.

Она уже обратилась с ходатайством о приобщении заключения Переверзева к материалам дела. Гареев отказал, поскольку эксперт не был привлечен к работе следствием или судом. Однако, как человек умный, разрешил использовать в обсуждении.

Шеметова ударила главным калибром.

— Прошу обратить внимание, здесь нет никаких технических сложностей, — предварила она свою следующую реплику. — Хотя эти данные полностью ставят под сомнения все предыдущие выводы.

Зал, несмотря на очевидную неприязнь к защитникам убийцы, замер. Все понимали, что сказав такое, адвокатесса вынуждена будет открыть что-то невероятное.

Она и открыла.

— Как мы знаем, были сбиты четыре женщины, идущие через перекресток к заводу. Обвинение считает, что их сбил грузовик подсудимого. Тогда как понять и объяснить следующий факт, обнаруженный весьма опытным экспертом, Переверзевым Александром Михайловичем. Даже не так, обнаружили его медэксперты, а Переверзев лишь обратил внимание.

Зал напряженно молчал, желая немедленно узнать, что же такого обнаружили врачи и заметил эксперт.

— Так вот, — спокойно продолжила Ольга. В дальнейшем тексте она намеренно старалась избегать слов «ноги», «женщины», «погибшие», чтоб еще более не напрягать обстановку. И пока не употребляла термины, которые могли быть непонятны залу. — Нижние конечности потерпевших сломаны. У всех четырех. Но у двух — на высоте 28-29 сантиметров, а у двух других — на высоте 52 и 56 сантиметров соответственно.

Публика пока не поняла сути сказанного, да и прокурор тоже. Лишь у Гареева удивленно взметнулись вверх брови.

— Ну и что? — на всякий случай отметил прокурор. Хотя уже понял — что, опыт у него был огромный. И судорожно раздумывал, как купировать внезапно вылезшую проблемку. Впрочем, пока он не считал ее крупной.

— Как — что? — усмехнулась Шеметова. — В корректных терминах высота травмы, от стопы до места удара, называется бампер-перелом.

Вот и получается, что две потерпевшие были сбиты низким автомобилем — скорее всего, легковым. А две — каким-то другим. А какие еще могут быть мнения? Высота бамперов отличалась почти в два раза.

Понятно, что здесь уже не могло быть сказано про изменение поз перед ударом самими потерпевшими, как они обсуждали в разговоре с экспертом. Если захотят, пусть об этом говорят процессуальные противники. Даже намек на «подпрыгнули-присели» будет расценен родственниками жертв, как издевательство над покойными.

Зал ошарашенно молчал.

А Ольга бросила в образовавшийся прорыв «оставшиеся танки». Немногочисленные, к сожалению.

— Теперь посмотрим на схему, — сказала она.

Зал молча внимал. Когда схему укрупнили, каждый смог увидеть и оценить сам.

— Итак, удар, по версии обвинения, был нанесен машиной, несущейся от плотины. А жертвы разбросаны веером. Причем, посмотрите — две жертвы слева, две — гораздо правее. Как одна машина, пусть даже бешено мчащаяся, могла натворить такое? Она же не два захода сделала! — сказала Шеметова и осеклась — не приняли бы за неуместную шутку. Но за шутку никто не принял. Даже враждебно настроенные родственники потерпевших мучительно размышляли над сказанным.

Большая схема не оставляла сомнений в ее правоте. Два смертельных кружка слева, и два чуть поодаль и правее — все это противоречило здравому смыслу и законам физики, если преступником был только Ринат Гильдеев.

Под конец Ольга пальнула тем, что осталось.

— Когда меня пригласили в этот процесс, я сначала отказалась. Я не люблю защищать убийц. И пока Переверзев не нашел эти нестыковки, разрушающие обвинение, я не подписывала соглашение о защите. Теперь же я абсолютно уверена, мой подзащитный не сбивал четырех несчастных женщин.

Сказано было предельно точно. Четырех женщин он, по-видимому, действительно не сбивал. Двоих — мог. Но не говорить же об этом адвокату? Пусть прокурор говорит, если заметит.

В принципе судья мог счесть ее заявление не относящимся к делу, но не вмешался.

Зато не выдержал прокурор. Он — опытный, заметил все.

— В ваших словах тоже нестыковка, — сказал Юрий Евграфович. — Даже если бы, как вы считаете, была вторая машина, это не снимает вины с подсудимого. Отломок от барашка был с его «ЗИЛа». Так что к защите предполагаемых убийц вы все же вполне готовы.

— Не так, уважаемый коллега, — корректно, но твердо ответила ему Ольга. — Я бы не стала защищать человека, если б без сомнений считала его убийцей. Однако появились сомнения. Весьма обоснованные, надо сказать. И я буду разбираться до конца. Это и есть наша позиция.

— Вы закончили? — спросил Гареев.

— Нет, ваша честь, — ответила Шеметова. — Я ходатайствую о проведении дополнительной судебной экспертизы в связи с выше разъясненными обстоятельствами.

— Отказываю, — спокойно ответил тот. — Имеющейся пока достаточно.

— Следующее ходатайство, — не останавливаясь, продолжила Ольга, — о проведении тем же экспертом, что делал предыдущую, дополнительной экспертизы, чтобы получить ответ на наши вопросы.

— Также отказано, — стукнул молоточком судья.

— Хорошо, но мы можем, по крайней мере, устно и гласно задать вопросы эксперту, чье официальное заключение только что было оглашено судом? — не по форме спросила Шеметова, при абсолютно не снижающемся внимании зала.

— Можем, — так же неформально ответил Диас Ильярвич.

Он вовсе не хотел, учитывая резко изменившуюся ситуацию, подставляться в будущем под обоснованные апелляции защитников. Бамперовто, по всей видимости, действительно было два. Пусть даже это обстоятельство не снимает обвинений с подсудимого.

После обсуждения еще нескольких не столь важных вопросов судья прервал процесс на неопределенное время: эксперт проживал в Уфе, и требовалось согласовать с ним дату приезда в Белогорск.

Буквально в этот момент дверь в зал открылась, на пороге появился Багров: бледный, не улыбкающий, но абсолютно живой.

У Шеметовой еще один камень с души свалился.

Они попрощались с судьейскими и двинулись к выходу.

Ольга с глубоким удовлетворением отметила изменение отношения к ним публики. Оно было разным, это изменение.

Кто-то сосредоточенно обдумывал свалившиеся на голову новости и был еще насторожен к москвичам. Кто-то хотел пообщаться, чтобы получить дополнительные разъяснения — подошла даже женщина в черном платке, с первого ряда. Однако большинство просто одобрили Шеметовский подход к жизни. Если человека обвиняют, а тебе не все ясно — стой за него, пока не разберешься. Это вовсе не походило на циничный вариант «защищаю, коли платят». И было в новинку для большинства горожан.

Не успела Ольга вернуться в гостиницу после заседания, как в дверь номера постучали, и на пороге появились Ишмурзины.

У них уже была инсайдерская информация: процесс приостанавливался на две недели, эксперт сможет приехать только в такое время, сейчас он в отпуске.

Поскольку экспертиза была ключевой в деле, адвокаты сочли позицию Гареева правильной. А это значит, что с первым же рейсом они вернутся домой. Что, на самом деле, весьма кстати: в Москве осталось немало текущих дел, и по ним тоже производятся действия, требующие присутствия адвокатов.

Серьезная просьба собравшихся уезжать москвичей к Ишмурзиным состояла в следующем: в городе теоретически могут быть свидетели невиновности подсудимого, и следовало их найти.

Искать предполагалось сразу всеми возможными способами.

Задействованы будут городское радио, кабельное телевидение, местные вставки эфирного ТВ — здесь была предусмотрена бегущая строка.

И, наконец, последнее по списку, но не по важности — объявления. Причем не только в двух местных газетах, но и на столбах, заборах, информационных досках, стенах домов и палаток.

Задача ставилась простая: все горожане — желательно без исключений — должны были иметь возможность увидеть текст.

Который будет прост и понятен каждому:

«Просим свидетелей аварии, случившейся там-то и во-столько-то, сообщить нам в любой форме все, что вы видели. Не дайте осудить невиновного. Не дайте уйти от наказания виноватому». Далее — телефоны и прочие координаты.

Такой широкий бредень, улыбнись им удача, мог принести ценнейшую информацию.

Исполнение взял на себя Радик Алиханович.

По деловитому виду старого завгара было понятно, что с задачей он справится в лучшем виде.

Через два часа, подброшенные к аэродрому на все той же «буханке», москвичи уже спешили на летное поле, к маленькому самолетику.

Теперь он почему-то не вызывал у них страха.

А ближе к утру они уже выходили из такси у своего дома. Матово отсверкивал смоченный ночным дождем асфальт. Проглядывало из расползшихся туч недавно восставшее солнце.

Как же хорошо дома!

Башкирия. Белогорск. Вот мчится тройка почтовая...

А в Башкирии, тем временем, процесс все никак не возобновлялся.

Уфимский эксперт уже вернулся из отпуска, но теперь уехал в неотложную командировку судья. В Москву — все шло к тому, что Гареев, молодой крепкий профессионал, вот-вот получит какое-то высокое назначение.

Ольге пауза была на руку, дел накопилось невпроворот, но при этом она ни на миг не забывала, что все судебные задержки и оттяжки ее подзащитные проводят в тюрьме. Если удастся доказать невиновность, то это время оказывается незаслуженно украденным из их жизни.

Хотя, что касается Рината, при любом повороте событий его вряд ли освободят. Уже хорошо, что не линчевали во время поимки — город был потрясен произошедшей трагедией.

В общем, снова Ольга и Олег сели в самолет, летящий в башкирскую столицу, лишь поздней осенью. В Москве было уже сыро и холодно. Снег выпадал дважды, но ни разу не удержался. Теплая земля его мгновенно растапливала. К тому же в столице, из-за собственного тепловыделения, всегда на несколько градусов больше, чем в дальнем Подмосковье.

Вылетели из Москвы осенью, а в Уфу прилетели зимой.

В самолете познакомились с еще одним белогорцем, молодым парнем Сергеем. Точнее, он с Шеметовой и Олегом уже был заочно знаком, ходил на два заседания суда. Они же его, разумеется, в огромной толпе никак не выделили.

— Я вас сначала чуть не возненавидел, — честно сказал Сергей. — Думал, как же надо свою карму не любить, чтоб такую сволочь защищать.

— У каждой сволочи тоже должен быть защитник, — не согласился Багров. — А то сначала изыдем адвокатов у сволочей — потом останемся без защиты сами.

— Это я понимаю, — отмахнулся парень. — Теоретически. Но убийца четырех...

— Трех, — уточнила Шеметова. Она, как любой юрист, ценила точность изложения.

— Четырех, — грустно покачал головой Сергей. — Вы разве не слышали, что Полина Ивашова умерла? Я тех троих только в лицо знал, а с Полиной мы вместе в техникуме учились. Теперь он колледжем стал.

— А чего ж все-таки не возненавидели? — вернулся к началу разговора Багров.

— Когда вы карту развернули. У меня, как никак, техническое образование. Не могли так женщины улететь после столкновения. Ну, и про разные высоты бампер-ударов.

— Бампер-переломов, — машинально поправил Олег. — А как вы думаете, другие в зале тоже поняли, что виноват не Ринат?

— Не один Ринат, вы хотите сказать? — удивленно переспросил Сергей.

— Думаю, вообще не Ринат.

— Почему?

— Не готов пока объяснить, — честно ответил адвокат. — Размышляю. Но ощущение такое есть.

Ольга, наверное, не стала бы на данном этапе предполагать полную невиновность своего подзащитного. Но что-то и ей мешало принять очевидную версию следствия. Может, потому что она слишком очевидна? Или потому, что всерьез разбираться с делом никто почему-то не захотел.

Впрочем, какие могут быть интересанты в такой трагедии? Вон завгар если только. Единственное заметное, по городским меркам, лицо. Но он — заведомо на стороне подсудимого.

— Короче, народ к вам стал по-другому относиться, — закончил оптимистично парень. — Видят, что не за деньги пашете, а за истину.

— И за деньги тоже, — вставил Багров.

— Ладно, не только за деньги, — рассмеялся Сергей. — Многим понравилось, что вы никого не боитесь. Стоите на своем, даже Гареев вам не указ.

— А почему вдруг судья должен командовать адвокатом? — Это уже Шеметова обозначила позицию. — Процесс должен быть состязательным.

— Это понятно, — отмахнулся Сергей. — Но просто у нас в городке не всякий осмелится спорить с Гареевым.

— Он столь ужасен? — не выдержав, улыбнулся Багров.

— Говорят, он хороший мужик, — не принял шутки Сергей. — Мы с ним в одной школе учились, кстати — лучшей в городе, только он сильно старше. Лично я с ним не сталкивался. Но много слышал, что он справедливо все делает. И с большими людьми при этом ладить умеет. Так что у мужика предстоит серьезная карьера. Местные с ним стараются не пререкаться.

— Понятно, — вздохнул Олег. Не пререкающиеся адвокаты в его представлении выглядели как... ну, допустим, — акула без зубов. Или солдат без оружия. Или, наконец, глашатай без языка.

— Я еще приду на суд, — сказал перед самой посадкой парень. — Мне интересно, что дальше будет. Как детектив прямо. Хоть и не верю, что Гильдеев их не сбивал.

— Судебное решение не имеет права быть основанным на вере, — уже серьезно произнес Багров, — а только исключительно на знаниях и точной информации. Вот как-то так.

Шасси самолета стукнуло о бетонку, лайнер подъехал к аэровокзалу. Народ потянулся на выход, адвокаты попрощались с попутчиком.

То, что он сказал — про ненависть, перешедшую в интерес и даже в доверие — не могло не радовать. И за себя приятно. И потому, что общественное мнение в таком процессе тоже дорогого стоит. В плане определения срока наказания — уж точно.

Печальной же была четвертая смерть в их деле. Как по факту, так и из-за утяжеления вины.

Да и проблема острой нехватки фактов, которые, возможно, могли бы облегчить участь их подзащитного, тоже пока не поддавалась решению.

Теперь Ольга и Багров должны были купить билеты — либо на маленький аэроплан, как в прошлый раз, либо на автобус. Наземный транспорт напрягал из-за обещанной в прогнозе пурги. А воздушный — потому что его уже испробовали, и, говоря честно, — не понравилось.

И тут они снова увидели Сергея.

— Меня папа встречает, — сказал он. — На джипе. Нас только двое, вещей тоже немного. Если хотите, мы вас прихватим.

— Поехали? — спросила Ольга Багрова. Ей понравилось, как взрослый уже человек сказал — папа. Не — отец, а папа. С любовью.

Джип оказался джипом лишь в функциональном смысле — четыре ведущих, понижающая передача и рамный кузов. Впрочем, Багрова и Шеметову «УАЗом» не напугать — видали, ездили. И не сказать, чтоб не понравилось.

Отец Сергея, мужчина лет пятидесяти, был потрясающе похож на сына.

Вернее — наоборот. Но не в этом дело. Он был просто вылитый сын, только как в фотошопе — состаренный.

И тоже, как сын, немедленно рассказал про эволюцию чувств на процессе Гильдеева. Папаша, как оказалось, был на всех заседаниях. Причем ходили с друзьями — все они знали семьи погибших и горели желанием возмездия пьяному негодяю.

Схема наезда и комментарии к ней внесли сумятицу в мысли. Ненависть и горе требовали выхода, но не на первом же встречном алкаше отыгрываться!

А еще Александр Витальевич — так его звали — сказал адвокатам, что много шума наделали появившиеся в городе объявления. Значит, Ишмурзин сработал четко. Поиск свидетелей приобретал новые масштабы.

И сын, и отец в один голос говорили, что после них по городу пошли слухи о всяких новых версиях, в том числе — довольно неожиданных.

— Какие именно? — сразу наострили уши защитники.

— Вроде, говорят, что в ДТП участвовал кто-то крутой, кого теперь срочно выгораживают.

— А про Рината что говорят?

— Разное говорят, — ответил Александр Витальевич. — От «разорвать на куски» до «невиновен».

— Да, его отвязать от дел сложно, — заметила Шеметова.

— А вы думаете, его там не было? — не удержался младший Смирнов.

— Думаю, был, — ответила Ольга. — Гайку ж от зеркала нашли. Да он и не отрицает, что проезжал перекресток. Однако, думаю, Гильдеев не сбивал женщин.

— Почему вы так решили?

— Хотела оставить для суда, — улыбнулась Ольга, — но вам скажу. Парнишка, может, и не интеллеktуал. Зато с совестью. В первой аварии был невиновен, а весь испереживался. А сейчас спокоен. Говорит — совесть чиста.

Они замолчали, вглядываясь в свалившуюся внезапно тьму.

«Козлик» пока несся по равнине, гор, расположившихся впереди, из-за темноты не было видно, однако именно они нагнетали появившееся в спартанском салоне «УАЗа» напряжение.

Фары выхватывали по обе стороны дорожного полотна уже наметенные сугробы. Шесты с привязанными красными тряпками пока, правда, торчали еще высоко. В конце зимы их бывало, с верхом закрывало снегом.

Пурга и здесь, на равнине, могла принести бед. Однако вдесятеро она была опасней в горах. Где видимости — ноль. Где шестов может не быть вообще. Где не заметил крутого поворота, проехал с десятков метров прямо и... полетел как бескрылая железная птица, в пропасть.

«Может, лучше все же аэроплан, — про себя подумала Ольга. — Сорок минут страха, и ты на месте».

Здесь же страха было часов на шесть, что здоровья никак не добавляло.

В пургу они попали сразу перед горами.

Налетело, закружило.

Свист ветра прорывался даже сквозь рев мотора.

В какой-то момент дворники перестали справляться, и водитель увел свой вездеход в дорожный карман при автобусной остановке.

— Пять минут переждем, — сказал он. — Такая свистопляска обычно не долго.

Он достал навигатор, отметил свое положение.

Прямо перед горами.

Последний километр равнины, хотя гор в черноте ночи видно по-прежнему не было. Не было видно и машин, ни встречных, ни попутных — в этих местах к штормовым предупреждениям относятся серьезно.

Очень быстро ветер стал стихать, и поток снега, бросавшегося на ветровое стекло «УАЗа», резко уменьшился.

Водитель времени зря не терял, пока стояли — дозаправился из канистры. Мотор в нарушение правил не выключал.

Лучше не сильно нарушить правило, чем потом, если, не дай бог, не удастся запустить движок, всем просто вымерзнуть — электронный термометр показывал минус пятнадцать.

Чепуха, конечно, по сравнению с бывавшими тут сорока пятью. Но человек слаб. Ему и пятнадцати хватит, если несколько часов он не сможет себя согреть извне. Особенно, когда с сильным ветром: теплоотдача увеличивается в разы.

Машина тронулась и даже разогналась, громыхая скатами по мгновенно образовавшимся снежным застругам. Казалось бы, снег на асфальте — подумашь, проблема. Однако если его в среднем полметра, да еще и распределен он по полотну крайне неравномерно — вот здесь сразу поймешь, чем «УАЗ-469» лучше шестисотого «мерса».

А дальше случилось почти чудо.

Ветер стих полностью!

Более того — тучи разошлись! А в освободившемся пространстве засияло «цыганское солнце» — яркий полный круг луны.

— Ну, вы нам пургу убрали! — оживился Смирнов-старший. — За это я вам кое-что покажу.

Шеметова, если честно, уже ничего не хотела увидеть, кроме гостиничной койки. Неудобной, жестковатой. Зато без пурги, мороза и пропастей.

Вездеход тем временем карабкался по серпантину вверх.

Ольга считала — что быстровато. Сидевший же за рулем Александр Витальевич считал, что в самый раз. Он даже радио включил, что свидетельствовало о его уверенности, и Ольга, в конце концов, успокоилась —

Смирновы никак не походили на семью камикадзе, и незаметно для себя уснула.

Проснулась она от остановки.

— Что случилось? Мотор заглох?

— Все нормально, — усмехнулся водитель. — Слышите — работает. Пойдемте, я что-то вам покажу. — Он протянул ей большой шерстяной плед. — Только закутайтесь.

Багров от приглашения отказался, только потянулся лениво и переложил тело на другой бок. Осуждения он не заслуживал: в Москве пахал как папа Карло, имел право.

Ольга же повелась, что они там ей такого могли показать?

Шли буквально шагов пятнадцать, когда Ольга вдруг увидела ЭТО и резко остановилась.

Они стояли на крутом откосе.

Справа уходила в черное небо того же цвета скала. Уже метрах в трех от площадки они полностью сливались.

Сзади — дорога с бухтевшим «уазиком». Его выдавал шум мотора и тускло горевшие подфарники. Дорога обходила их слева и уходила вниз, относительно плавными зигзагами спускаясь в пропасть. А прямо перед ними эта самая пропасть и была.

В пургу — ничего бы не заметили. Да и в обычную ночь тоже.

Сегодня же ночь была необычной. Ни ветра, ни снега, ни шума мимо проходящих машин. Зато луна светила так, что можно было даже читать.

А еще она красиво — и объемно! — подсвечивала уходящую вниз бездну. Не отвесную, как Большой каньон. Но и ни коим образом не похожую на обычный, пусть даже высоченный, косогор.

То тут, то там за камни цеплялись сосны.

— И почему я не художник? — прошептала Шеметова. Фотоаппарата у нее с собой тоже не имелось. Однако не было ни малейшего сомнения в том, что эту картину — с пропастью, с соснами, с луной, залившей все вокруг мертвым, мощнейшим светом, — она не забудет никогда.

— Ну как? — спросил, довольный произведенным эффектом, Александр Витальевич.

— Спасибо, — только и смогла ответить Ольга.

Лопух Багров так ничего и не увидел. А она и не стала ему ничего рассказывать. Какой смысл? Как рассказать о миллионе тонн серебра, пролитого на черные горы?

После очередных бесконечных «налево-направо» и спусков-подъемов увидели впереди свет.

— Почти приехали, — сказал Сергей. Они с отцом заметно расслабились, ощущая близкий конец небезопасного приключения.

Вот и стела с названием города.

Тут же дорога раздвоилась. Их, главная, пошла прямо. Боковая, узкая, с плохим крошенным асфальтом, полезла наверх, направо.

— Откос, — сказал Александр Витальевич. — Плохое место.

— Почему? — спросил проснувшийся Багров, хотя адвокаты уже слышали про этот район.

— Так сложилось, — усмехнулся тот. — Здесь всегда жили каторжники и алкаши. Уже триста лет.

— А нормальные люди разве здесь не живут? — удивилась Шеметова.

— Нормальные — уезжают. Либо превращаются в каторжников и алкашей, — объяснил Смирнов-старший.

Еще через пять минут «уазик» подкатил к гостинице.

Тормоза скрипнули, кузов затрясся — точно не «мерс».

«Зато сколько он жизнью спас — в горах, в пустынях» — с неожиданной теплотой подумала Ольга. Ей он, конечно, жизнь не спасал, однако прекрасные воспоминания оставил. И в прошлый раз, когда «буханка» возила их познать настоящую Башкирию. И в этот — с внеплановой остановкой по случаю полнолуния.

Глава 7

Белогорск. Райсуд. И на эксперта бывает проруха

Процесс возобновился с выступлений сразу двух экспертов. Обоих привезли вертолетами из Уфы.

Зал опять набился полный, внимание к суду не только не падало, но даже нарастало. Немалую роль сыграло упорство московских адвокатов. Хотя теперь уже все напоминало самоподдерживающуюся реакцию: москвичи и объявления вызвали в городе волну обсуждений дела. Обсуждения дали новые свидетельства. А те — в свою очередь, новый вал дискуссий.

Когда Гареев объявил о начале заседания, ни одного свободного места в зале не имелось.

Припоздавший главред местной газеты был вынужден удовольствоваться стулом, принесенным приставом по указанию Диаса Ильяровича, который — в качестве растущего публичного лица — предпочитал выказывать прессе знаки уважения.

Первым судья вызвал эксперта-медика Равиля Владимировича Асеева.

Молодой человек, явно до тридцати, вышел и встал перед микрофоном. Он явно волновался, что не могло не радовать Шеметову. Ведь ей предстояло сейчас фактически опровергнуть предложенную суду экспертизу.

Уточнив с Асеевым кое-какие обязательные моменты, судья предоставил слово прокурору.

— Равиль Владимирович, — начал тот, — скажите пожалуйста, вы по-прежнему считаете, что четверо пострадавших могли быть сбиты машиной подсудимого?

— Я указал в тексте, что травмы характерны для наезда автомобиля на человека, — не совсем по вопросу отвечал эксперт. Его волнение не спадало. — У всех потерпевших, которых я осматривал. Они, несомненно, были сбиты автомобилем.

— Поскольку там оставила следы машина подсудимого, то, следовательно, эти травмы могли быть нанесены именно «ЗИЛом» Гильдеева. Я правильно вас понял? — дожимал неуверенного в себе эксперта прокурор.

— Видимо, да, — ответил тот.

— У меня вопросов больше нет, — с довольным видом проговорил Милин.

— Есть ли вопросы со стороны защиты? — спросил Диас Ильярович.

— Да, ваша честь! — хором откликнулись оба. С медэкспертом разговаривать собиралась Шеметова, Олегу Всеволодовичу же предстояло сражаться с автором автотехнической экспертизы.

— Задавайте, — разрешил судья.

— Уважаемый Равиль Владимирович, — начала Шеметова, — скажите, пожалуйста, как так могло получиться, что бампер-перелом у двоих потерпевших почти вдвое выше, чем у остальных?

— Простите? — покраснев, переспросил уфимский эксперт. Поскольку он не мог не знать, что такое «бампер-перелом», то получалось, что просто тянул время, наткнувшись на странности.

Ольга великодушно не стала его торопить. Это, кстати, было оценено публикой.

— Так что скажете по данному поводу? — повторила она вопрос, когда молчание неприлично затянулось.

— Я не обратил на это внимания, — наконец честно признался эксперт.

У Ольги с души камень свалился.

Человек делает свою работу. Делает, как умеет. И как все работающие, иногда совершает промахи. Важно то, что осознав промах, человек это признал. Единственная гарантия, что данный промах не повторится.

— Но вы согласны с тем, что удар двоим потерпевшим был нанесен на высоте менее тридцати сантиметров, а третьей и четвертой — более пятидесяти?

— Да, это так, — мотнул головой Равиль Владимирович. Он стал совсем красным и даже машинально расстегнул ставший вдруг тесным ворот рубашки.

— Бывали ли в вашей практике — или, может быть, вам известны из других источников — случаи, когда одна и та же машина, совершившая наезд, оставляла разновысотные бампер-переломы?

— Нет, мне не известно, — ответил эксперт.

— И последний вопрос, — сказала Ольга.

Она реально гордилась предстоящим вопросом. Ведь, чтобы понять предстоящую нестыковку экспертизы, она ломала голову не один день.

Ей с самого начала не казалась верной версия, что голову третьей пострадавшей — в белом платке — разбило зеркалом Гильдеевского «ЗИЛа». Не верилось — и все тут. Как говорится, интуиция — дитя опыта.

— Скажите пожалуйста, — при замершем зале продолжала она. — Как следует из заключения, Ольга Георгиевна Земельнова могла быть убита ударом зеркала автомобиля подсудимого. При этом был поврежден белый пуховой платок, уже фигурировавший в вещественных доказательствах. Я верно излагаю?

— Верно, — подтвердил Асеев. После того как он сознался в фактической ошибке с высотой переломов, эксперт заметно успокоился и не ждал новых проблем.

— Тогда как объяснить тот факт, что подтвержденный несколькими медицинскими документами рост погибшей женщины — один метр шестьдесят четыре сантиметра. А высота расположения зеркала — в нижней, отмечу, точке — метр восемьдесят. Как такое могло случиться? Шестнадцать сантиметров должно было остаться между верхней точкой головы погибшей и нижней точкой зеркала промчавшегося автомобиля. Вы можете это объяснить?

— Не могу, — тихо произнес эксперт.

Несмотря на двойную ошибку, Ольга не могла не ощутить к этому человеку уважения. Он мог бы попытаться что-нибудь придумать в оправдание своей версии. Или даже просто сказать — подтверждаю ранее данные показания. И, по большому счету, никто бы ему ничего не сделал.

Да и мало бы кто узнал.

Однако профессиональная совесть не позволила так поступить.

Но та же профессиональная этика Шеметовой требовала довести дело до конца.

— Следует ли понимать, что вы, как эксперт, отказываетесь от утверждения, что Ольга Земельнова была убита зеркалом автомобиля «ЗИЛ»?

— Отказываюсь, — как перед прыжком в холодную воду, выдохнул тот.

После чего был отпущен бесстрастным Гареевым восвояси.

Прокурор никоим образом не был беспристрастен, глядя в спину уходящему эксперту чуть ли не с ненавистью. Но сделать, разумеется, ничего не мог.

Зал, как зачарованный, следил за действием, и, казалось, не дышал, боясь спугнуть какое-нибудь новое открытие.

А Диас Ильярович уже послал секретаря пригласить следующего эксперта — после заседания они должны были одним вертолетом лететь в Уфу.

Этот — сразу видно — был совсем другим человеком.

Он подтвердил свои анкетные данные, произнесенные судьей, и приготовился к бою.

Сторона обвинения вопросов не имела, ведь показания эксперта зачитывали ранее, и прокурора они вполне устраивали.

Зато Багров жаждал крови.

Заранее была развернута огромная схема случившегося дорожно-транспортного происшествия.

— Скажите пожалуйста, — с разрешения Гареева начал он. — Вы по этой схеме делали заключение? — Адвокат показал рукой на доминирующую над залом картинку.

— Да, по этой. Только на маленьком листе выполненной.

— Насколько маленькой? — уточнил Олег.

— Примерно А4. Она есть же в деле, — отмахнулся тот.

— Но по сути схемы одинаковы? — Багров стремился к максимальной корректности доказательств.

— По сути — да, — не стал спорить Угольников.

— В заключении утверждается, что женщин сбил один и тот же автомобиль.

— Именно так. — Эксперт не видел здесь никаких нерешенных проблем.

— Тогда конкретный вопрос. Как считает уважаемый Виктор Петрович: каково было направление удара, пришедшегося на пострадавших?

— Там все написано, прочтите, — откровенно нахамил Угольников, вызвав недоброжелательный ропот зала.

— Виктор Петрович, процессом предусмотрено устное изложение и обсуждение доказательств, — спокойно сказал Гареев.

— Не вопрос, — ответил тот, достал копию своего заключения (это уголовно-процессуальным кодексом не возбраняется) и тупо зачитал его. По мнению эксперта, удар пришелся почти точно с запада на восток, от здания № 8 в сторону здания № 13. Закончив чтение, Угольников посмотрел на Багрова.

Тот не замедлил задать вопрос:

— Допустим, что вы правы. Удар был один и в указанном вами направлении. Но как тогда объяснить, что люди улетели в разных направлениях? — Олег показал рукой на схему, своими размерами сделавшей этот факт очевидным. — У вас есть объяснение этому факту?

— У меня есть заявление, — спокойно сказал Угольников и, не таясь, посмотрел на часы. — Можно, ваша честь? — обратился он к Гарееву.

— После ответа на вопрос адвоката, — бесстрастно ответил судья.

— Это и есть ответ адвокату, — ухмыльнулся Виктор Петрович. Затем четко, не торопясь, произнес одну-единственную короткую фразу: — Я настаиваю на данном заключении и не собираюсь его менять.

Народ откровенно заерзал, дураков-то нет, город довольно образован. Конечно, не спецы по баллистике да ударной биомеханике, но и не надо быть специалистом: одного взгляда на большую схему достаточно, чтобы понять — эксперт неправ.

Очевидно было, что Гареев также не одобряет поведения Угольникова. Впрочем, эксперт имеет право так поступить. Юридическое право у него есть.

В отличие от судмедэксперта, здесь у адвокатов нашла коса на камень. Однако это вряд ли можно было считать их поражением. Ставилась цель опорочить экспертизу, прямо обвиняющую их подзащитного. После выступления Угольникова смело можно было сказать, что поставленная цель Багровым выполнена. Заключение данного эксперта теперь вряд ли кто будет верить.

А неугомонный Олег Всеволодович уже готовил к подрыву следующую мину.

Да, в суде успели сказать, что «погибшая от удара зеркала» Ольга Георгиевна Земельнова была на шестнадцать сантиметров ниже, чем предполагалась якобы убившая ее часть автомобиля.

Но в материалах дела оставались протоколы, в которых Степан Волобуев рассказывал про громкий звонкий удар во время проезда злополучного перекрестка. Теперь настал черед «умереть» и этому козырю прокурора.

Багров непринужденно сообщил внимавшему залу, что облом барашка крепления зеркала произошел вовсе не вследствие удара о голову потерпевшей, а вследствие его столкновения с дорожным знаком!

Тут же ошарашенному зрителю был продемонстрирован габаритный макет знака, то есть — выполненный в точном соответствии с ГОСТом. А также вынесены мобильные стенды с еще двумя добротными картинками. Собственно, «картинкой» было только изображение знака, искусно внесенное на реальную фотографию страшного места.

Так вот, с учетом конкретной топографии местности, лопасть знака находилась точно на уровне крепления зеркала!

А чтобы судья и достопочтенная публика не сомневались, жестом фокусника Багров извлек из папки справку, честно полученную в ГИБДД. Именно на этом месте знак и стоял. Сняли его всего несколько месяцев назад. Кстати, всего через неделю после страшной аварии.

Зал взорвался десятками шепотков, слившихся в ровный мерный гул.

Диас Ильярлович был вынужден дважды сделать замечание, после первого народ не внял и шептаться не прекратил. Подействовала лишь его прямая угроза немедленно выдворить говорящих — гул пошел на убыль.

Багров закончил свою сенсацию стандартной просьбой приобщить продемонстрированные материалы и их анализ к делу.

Гареев немедленно отказал. Он имел такое право.

Зато Багров имел право ходатайствовать перед судьей о выходе на место. Чем немедленно и воспользовался.

«С целью проведения осмотра места происшествия» — как было сказано в ходатайстве.

Судебный эксперимент не предусмотрен российским законом. А вот осмотр — разрешен. Хотя и это чрезвычайно редкий случай. Так, в практике всех адвокатов конторы, на стадии рассмотрения дела судом, этот случай оказался уникальным.

Скорее всего, Гареев безо всякого удовольствия дал разрешение на подобные действия. Но что ему оставалось делать? Диас Ильярлович был отличным юристом и не хотел личных проблем на стадии рассмотрения кассаций и апелляций.

Зрелище, в итоге, выглядело феерично.

Чуть не весь зал поднялся, чтобы поучаствовать в отсутствующем в российском праве судебном эксперименте.

Дружная толпа, чтобы не слишком сильно вылезать на дорогу, стихийно вытянулась в колонну по трое, занимая в длину целый квартал.

Впереди шел высокий и представительный Багров, неся вертикально дорожный знак, как импровизированное знамя правосудия.

Подойдя к куску цемента в асфальте — фундаменту под ранее стоявший знак, — Олег Всеволодович вставил в заранее расчищенное отверстие стальную трубу знака.

Но и это было еще не все.

Самое приятное в жизни адвоката — показать в суде фокус. То есть ловким жестом вытащить из «юридической шляпы» такой факт, чтобы у процессуального противника разом спутались все карты.

Здесь такой фокус имелся. Только факт вылез не из шляпы, а прикатил своим ходом, прямо из гаража Ишмурзина.

Гильдеевский «ЗИЛ» находился в качестве вещдока на площадке хранения местного ГИБДД. Однако в гараже каталась еще пара однотипных дворняг, как две капли воды похожих на грузовик Рината и даже с совпадавшими годами выпуска.

Вот такой обшарпанный «ЗИЛок» сейчас аккуратно подъезжал к нехорошему месту, на котором совсем недавно лишились жизни четверо женщин.

Водитель подогнал машину поближе к знаку, развернувшись так, будто ехал со стороны плотины, а не из центра, и остановился сантиметров в пятнадцати от края лопасти знака.

Багров усиленно фиксировал увиденное на компактный «цифровик». Секретарь суда использовала казенный ноутбук, вбивая туда то, что диктовал ей судья, словесно описывавший наблюдаемые события и факты.

Непредвзятому человеку было совершенно очевидно: звонкий звук автомобиля Гильдеева мог издать лишь в одном случае — ударив правым зеркалом по дорожному знаку. Точнее, даже не зеркалом, а рамкой, на котором оно крепилось. И крепилось, кстати, той самой гайкой-барашком, отломок которой нашли здесь после аварии.

Вот и вся загадка.

Конечно, как отнесся суд к выявленным обстоятельствам, адвокаты узнают лишь из приговора. Однако и так понятно, чья версия выглядит предпочтительней: удар о голову (которая на 16 сантиметров ниже) или о лопасть знака, расположенную точно на траектории движения.

— Осталось только с белой вспышкой разобраться, — сказал уставший Олег Всеволодович, когда они, после закрепления полученных результатов и приобщения их к материалам дела, вернулись в гостиничный номер.

— Да. И будет полегче, — согласилась Шеметова.

Все серьезные утверждения обвинения, имевшиеся в деле, таким образом, расшатывались и опровергались. Впрочем, никаких доказательств невинности их подзащитного от этого не появлялось.

— А я тоже тут немного наснимала, — сказала Ольга.

И продемонстрировала любимому целую подборку однотипных объявлений. Исписанные толстым красным фломастером листки встречались в городе повсеместно. Снизу размещались вертикальные полоски-хвостики с телефонами адвокатов. По ним должны были звонить свидетели. Судя по количеству оторванных «хвостиков», их телефоны не должны были смолкать ни на минуту.

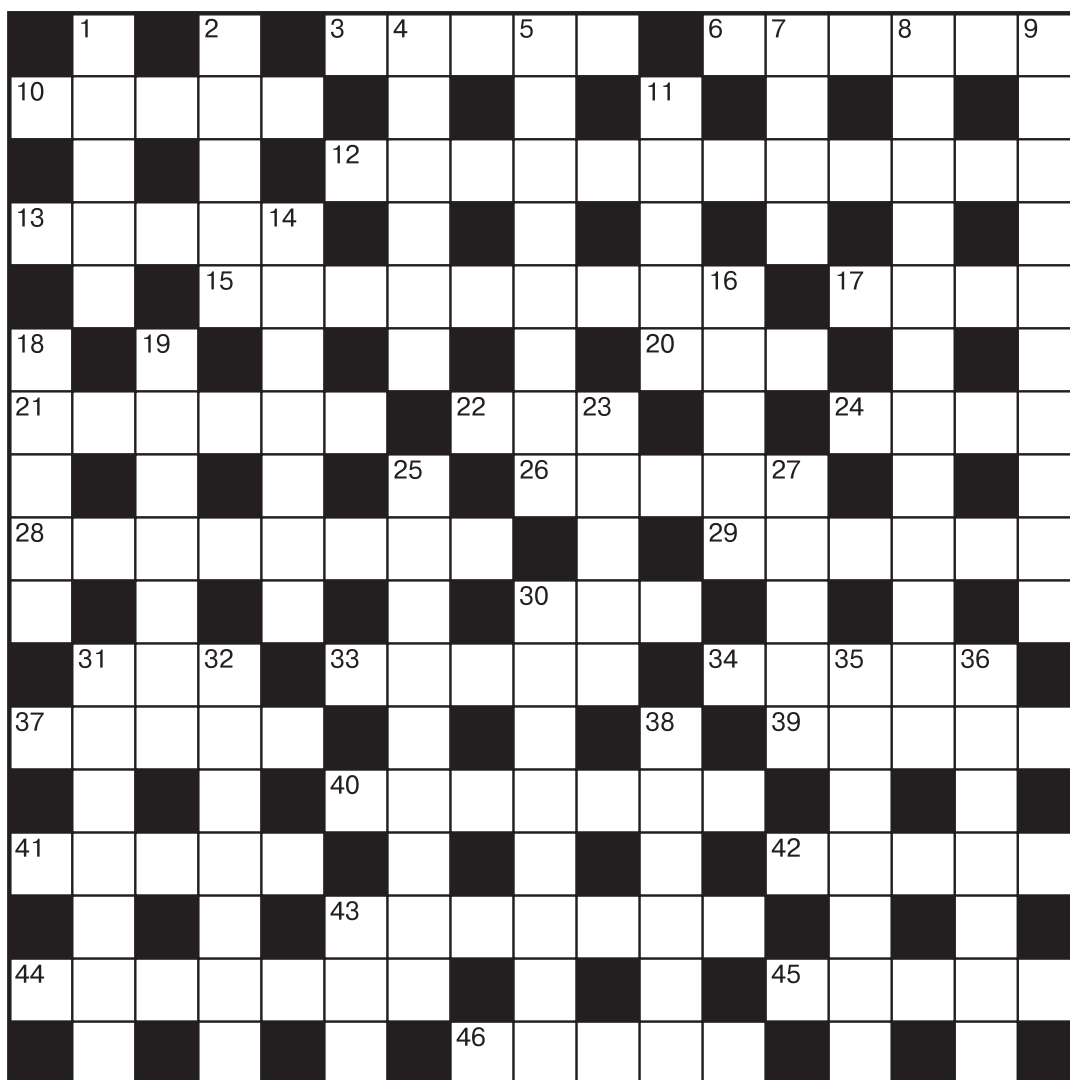
— И где звонки? — непонятно у кого поинтересовался Багров.

— Будут, — убежденно сказала Шеметова.

Все будет. Как говорится — процесс пошел. □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Областной центр России с памятником антоновке. **6.** Закуски к традиционному китайскому чаепитию. **10.** Повод для музыкального веселья. **12.** Инструкция по съемкам фильма. **13.** «Девичья фамилия» Виктории Бекхэм. **15.** Увлечение певца Александра Маршала. **17.** Кто возводит самые большие сооружения в мире животных? **20.** Кто венчал на царство Бориса Годунова? **21.** Что объединяет виноградины? **22.** «... и маленькая тележка».

24. Клетка на поле для ставок рулетки. **26.** «Каждый ... имеет такую историю, на какую у него хватает фантазии». **28.** Где построили первый в России завод по производству сгущенки? **29.** «Отцовский ... с бляхой в очередной раз признали лучшим учителем года». **30.** «Мазь» садовника. **31.** «Неукротимый ... времени». **33.** «Человек с душой змеи гремучей». **34.** Раствор девяти частей рафинада в пяти частях воды, бывший у старинных врачей основой для горь-

ких микстур. **37.** Соревновательная лодка. **39.** Должность героя Армена Джигарханяна из фильма «Здравствуйте, я ваша тетя». **40.** Первая по алфавиту страна в ЕС. **41.** Замечено, что «нашедшего ... затаптывают первым». **42.** Ягода, чья мякоть, приложенная ко лбу, помогает снимать головную боль. **43.** «Я взял себе за ... никогда не курить больше одной сигареты одновременно». **44.** Робот «с человеческим лицом». **45.** «Отдать ...!» (капитанская команда). **46.** «Нежный друг детей и самоваров, русского абсурда чародей» для Евгения Евтушенко.

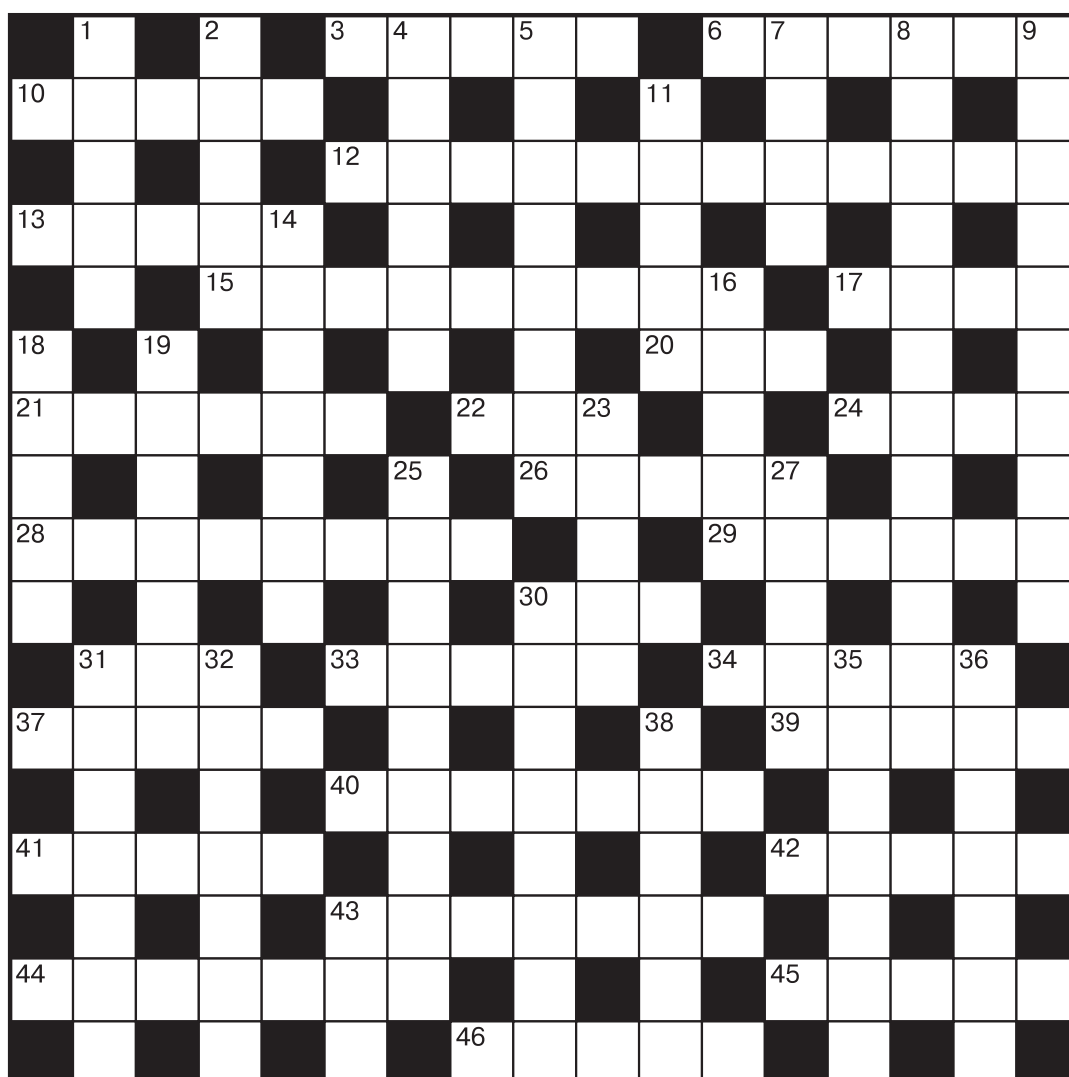
ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Великий испанский зодчий с разными глазами: одним — близоруким, другим — дальноруким. **2.** Какое кавказское кушанье, по мнению Рубика Хачикяна из кинофильма «Мимино», не умеют готовить в Телави? **4.** Какое устройство изобрел в 1596 году Джон Харингтон? **5.** Античный поэт Овидий полагал, что ЕГО сила в хвосте. **7.** Какому месяцу посвящена пьеса «Баркарола» из цикла «Времена года» Петра Чайковского?

8. «Телевизионная подсказка» для глухих. **9.** Немец из Пензы Карл Теодор Казимир принял православную веру, взяв при крещении имя Всеволод. Кто он? **11.** «Но людям я не делал зла, и потому мои дела немного пользы вам узнать, а душу можно ль рассказать?» (лермонтовский герой). **14.** Что справляет Степан Разин в песне «Из-за острова на стрежень»? **16.** Какую милостыню Александр Суворов обычно подавал здоровому нищему? **18.** «Только доведенный до отчаяния ... ставит все на одну карту». **19.** Каждый из ковров, подаривших название целому парижскому кварталу. **23.** «Дикий край вестернов». **25.** Словесная сеть для ловли эрудитов. **27.** Пунктуационная черточка. **30.** Из чего Марютка Филатова в фильме «Сорок первый» убивает, в конце концов, героя Олега Стриженова? **31.** «Тургеневская ...» **32.** «Побратим Содома». **35.** «Рубеж исторического решения» Юлия Цезаря. **36.** Кто закладывает за воротник при первой возможности? **38.** Документ, чей цвет зависит от усилий, вложенных в его получение. **43.** Заветная цель для альпиниста.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №11

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Сага. **3.** Мусс. **7.** Штука. **11.** Труд. **12.** Амфитрита. **13.** «Орера». **14.** Язык. **17.** Вабик. **20.** Лъезон. **21.** Пан. **22.** Похлебка. **24.** Джокер. **28.** Бездарность. **29.** Прибой. **30.** Ствол. **34.** Самородок. **37.** Инфаркт. **38.** Намаз. **39.** Щепка. **41.** Финны. **42.** Шторм. **43.** Трал. **44.** Стадо. **45.** Техас. **46.** Юноша. **47.** Плац. **48.** Почва.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Скат. **2.** Гофман. **4.** Ужин. **5.** Стая. **6.** Путы. **8.** «Торпедо». **9.** Караоке. **10.** Стрип. **15.** Забота. **16.** Клад. **17.** Валентино. **18.** Кобра. **19.** Илион. **23.** Однофамилец. **25.** Жаргон. **26.** Куба. **27.** Рейд. **31.** Чат. **32.** Божество. **33.** Волкодав. **34.** Скандал. **35.** Кастинг. **36.** Гаврюша. **40.** Этап. **41.** Фата.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Кличка собачки матери Дастина Хоффмана, сыгравшая огромную роль в жизни актера. **6.** Кем был по национальности отец югославского президента Иосипа Броз Тито? **10.** Магическое заклинание из Книги Тота. **12.** Роман о том, что получается, когда мужчина пробует завести ребенка без помощи женщины. **13.** «Создатель энциклопедии советской жизни» для Варлама Шаламова. **15.** Бабочка, чья гусеница столь прожорлива, что

до своего превращения успевает увеличить собственный вес в пятьсот раз. **17.** Гостиничный номер улучшенной планировки. **20.** Какой песик у японцев символизировал священного льва Будды? **21.** Албанец с точки зрения турка. **22.** «Демон дерева» у восточных славян. **24.** Таджикский барабан. **26.** Корейская кровяная колбаса. **28.** Мистическое слово, включающее в себя 365 небес. **29.** «Откровения Заратустры». **30.** Кого из героев рассказа «Король Чума» Эд-

гара По чуть было не утопили в бочке с пивом? **31.** «Повелитель земли» среди богов Древнего Египта. **33.** Румынский народный оркестр. **34.** Португальский сребреник. **37.** Горбоносый тюлень. **39.** Песчаный «остров погибших кораблей» недалеко от Канады, перемещающийся на восток со скоростью более 200 метров в год. **40.** Французский замок Пабло Пикассо. **41.** Бурая водоросль. **42.** Мальчик ушедших времен. **43.** Большой церковный подсвечник. **44.** Проклятие у маори. **45.** Какой дух прячется за самой большой балкой в доме у корейцев? **46.** «Шелковые горы» с карты Африки.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** С каким аббатством связано приготовление первого ликера «бенедиктин»? **2.** Татарский пирог. **4.** Модель Lamborghini. **5.** Первый русский учебник истории. **7.** Белорусский город, под которым 14 июля 1941 года наша армия впервые применила «катюши». **8.** Какой граф прочел гоголевского «Ревизора» императору Николаю I, дав-

шему после согласие на постановку комедии? **9.** Двуглавый зверь для доктора Айболита. **11.** Лад азербайджанской музыки. **14.** Средоточие цвета на крыльях бабочки. **16.** Симбиоз индивидов с иерархической зависимостью. **18.** Праздник Нового года в Туве. **19.** Какого русского писателя Максим Горький считал своим единственным другом? **23.** Театральный учитель для Фаины Раневской. **25.** Индонезийский танец, исполняемый сидя. **27.** Кто из британских археологов открыл Минойскую цивилизацию? **30.** Бахвал среди героев турецкого народного театра теней. **31.** До какого воинского звания дослужился знаменитый карлик Том Тамба, имевший в 25-летнем возрасте рост 100 сантиметров и вес 11 килограммов? **32.** Китайское боевое коромысло. **35.** Какая работа связала Сальвадора Дали с Уолтом Диснеем? **36.** Владимир Набоков полагал, что Россию погубили два Ильича, первый Ленин. Кто второй? **38.** Царица, основавшая Карфаген. **43.** Первенец библейского Ноя.

Ответы на эрудит, опубликованный в №11

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** «Хоуп». **3.** Брид. **7.** Эбади. **11.** Жерб. **12.** Наилучшее. **13.** Ягуар. **14.** Драч. **17.** Шранк. **20.** Аносов. **21.** Дуа. **22.** Элизабет. **24.** Лаггар. **28.** Бордеркросс. **29.** Забрус. **30.** Устав. **34.** Солигалич. **37.** Аваддон. **38.** Салак. **39.** Шесек. **41.** Вуаль. **42.** Спред. **43.** Мних. **44.** Гипюр. **45.** Судзу. **46.** Итиль. **47.** Хута. **48.** Дайто.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Хина. **2.** Усиера. **4.** Руше. **5.** Джед. **6.** Орфа. **8.** Багоонг. **9.** Диазома. **10.** Пурнэ. **15.** Ребосо. **16.** Чатл. **17.** Шутовство. **18.** Кларк. **19.** Дзюре. **23.** Аджанджухуа. **25.** Абарис. **26.** Гард. **27.** Росс. **31.** Бон. **32.** Кинесика. **33.** Бабелютт. **34.** Соблазн. **35.** Чаппоти. **36.** Капелла. **40.** Смех. **41.** Вист.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2016 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 93 рублей 50 копеек	За 1 номер — 121 рубль 00 копеек
За 6 номеров — 561 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 726 рублей 00 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhon, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
108 рублей 90 копеек	217 рублей 80 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

Уважаемые читатели в период с 3 по 13 декабря во всех отделениях почтовой связи будет проходить акция «Всероссийская декада подписки», позволяющая оформить подписку по цене со скидкой:

КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 70656 — годовой индекс Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков.
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»		Индекс 99406 — для всех подписчиков
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ ! КОНКУРС !

Дорогие читатели!

В вашей жизни и жизни ваших близких наверняка было что-то яркое, незабываемое, веселое и грустное, счастливое и трагическое, забавное и нелепое...

И даже на первый взгляд в обыденном таится нечто интересное и неожиданное. Как написал Евгений Евтушенко:

*Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы — как истории планет.
У каждой есть особое, свое,
И нет планет, похожих на нее...*

В этой связи **редакция «Смены» объявляет среди своих подписчиков конкурс «Житейские истории» на лучший рассказ** о том, чем бы вы хотели поделиться с нашими читателями.

На конкурс принимаются рассказы объемом 10–15 страниц (до 27 000 знаков) желательно в электронном виде на адрес: **tomasmena@mail.ru до 15 ноября 2015 года.**

Вместе с рассказом присылайте, пожалуйста, копию подписной квитанции на вторую половину 2015 года или доставочной карточки.

Не забудьте указать свой возраст и профессию, а также, что рассказ предназначен для конкурса.

Итоги конкурса будут подведены в конце 2015 года.

Лучшие произведения будут опубликованы на страницах журнала и на нашем сайте, **а победители получат денежные премии.**

Первая премия — 3 999 рублей

Вторая премия — 3 000 рублей

Третья премия — 2 000 рублей

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

